

ТУМАННАЯ РЕКА

Влад Порошин

3

Annotation

Музыка, девушки, баскетбол! На дворе 1960 год. Никита Хрущев провозгласил лозунг: "Догнать и перегнать Америку". Вся спортивная общественность готовится к летним Олимпийским играм в Риме. Творческая интеллигенция опьяненная воздухом свободы....

Глава 1

Студент второго курса медицинского института Виктор Прохоркин всю ночь тревожно ворочался с боку на бок. Сначала его донимала вечерняя жара, а потом порывистый ветер с громким шумом разметал открытые настежь окна и чёрное небо окрасили резкие огненные грозовые вспышки. От каждого громкого хлопка разбушевавшейся стихии Виктор нервно вздрагивал. Его хорошо развитое воображение рисовало диковинные картины небесного боя невидимых человеческому глазу сил, где Боги в колесницах метали громы и молнии в свирепых драконов, а те в свою очередь отстреливались огненными шарами.

— Что ж вы там всё не утомонитесь? — прошептал Виктор.

От досады на весь мир, в котором всё было не так, он лег на бок и сверху раздраженно накрыл свою, гудящую от тяжелых мыслей, голову подушкой. В кровати же напротив беззаботно посапывал его старший брат Антон, гордость семьи и пример для подражания в школе. Всю жизнь младший Прохоркин из всех углов слышал, что нужно брать пример с Антоши, который никогда так не поступал, и никогда никого не подводил. А однажды отец ему так прямо и сказал, что за Антона он совершенно спокоен, а вот что из тебя вырастит, охламон, абсолютно не понятно.

Поэтому утром, не успев позавтракать и широко позёвывая, младший Прохоркин в очередной раз опаздывал на производственную практику. Благодаря протекции отца его распределили в самое козырное место, в госпиталь имени академика Бурденко. Жил Виктор в пяти минутах ходьбы от памятника Маяковскому, на Горьковской улице, и до места производственной практики предпочитал добираться исключительно на троллейбусе.

— Слышал, что вчера случилось? — вполголоса говорили два парня на остановке.

— А как же! Сборную СССР по боксу утихомиривала дивизия Дзержинского.

— Да не по боксу, — к парням подошёл мужик в шляпе, — а по штанге. Юра Власов один десятерых гонял.

— Ага, штангой отмахивался, — криво усмехнулся один парнишка, — ну и брехун ты, дядя!

— Не-е-е, не штангой, блином! — засмеялся другой паренёк.

— Не знаю чем! — разгорячился мужчина, — но десятерых солдатиков привезли в больницу с переломами средней тяжести. Это мне свояк по секрету сообщил.

В забитом, по самое не могу, троллейбусе тоже все обсуждали вчерашнее происшествие. И чего только народ не сочинял буквально на ходу под бесшумное покачивание электротранспорта. И то что, brave бойцы ловили в сборной СССР американского шпиона который владел секретами запрещённой борьбы джиу-джитсу. И то, что наоборот боксёры сборной страны сами скрутили пьяных, ушедших в самоволку, срочников. А один мужчина средних лет в очках вообще сморозил нелепость, что это были совсем не боксёры, и не штангисты, а баскетболисты. И весь троллейбус поднял этого шутника на смех.

— Ну, ты и мастер заливать! — отвечали чудаку, — баскетболисты баскетбольными мячами, наверное, отстреливались!

— Не баскетболисты, а один баскетболист голыми руками двадцать человек поломал! — сказал очкарик и уставился в окно, наплевав на мнения большинства.

— А чего теперь Юрке то будет? — перевёл разговор в более конструктивное русло рыжий здоровый парень в кепке, которого вдруг забеспокоила дальнейшая судьба нашего

прославленного штангиста.

— Выговор с занесением в личное дело будет, вот чего! — прошипел ему снизу старичок, сидящий на одиночном посадочном месте у окна, — нечего на тренировке пить!

— Чего пить? Чего пить! — загудел рыжий здоровяк, — я ведь не посмотрю что ты, отец, одной ногой в могиле, я ведь и вторую туда могу передвинуть!

— Ишь чего удумал! — взвизгнула рядом стоящая полновато-фигуристая в цветастом платье женщина, — вы посмотрите на него, вторую ногу он передвинуть хочет! — обратилась она уже к совести посмеивающихся пассажиров.

— Да ладно, — рыжий натянул кепку посильнее на глаза и отвернулся.

— И не прижимайтесь ко мне, — одёрнула его бравая защитница стариков, — мне может быть это неприятно!

— Не по квалификации станок выбрал, фрезеровщик! — ляпнул кто-то с передней площадке.

И весь троллейбус тут же грохнул от смеха, позабыв о происшествии, случившемся накануне.

Виктор Прохоркин, ещё раньше потеряв логическую нить бурных городских сплетен, был полностью погружён в свои невесёлые мысли. Дело в том, что закончив школу почти на одни четвёрки, что в семье однозначно сочли, как позор, он хотел было отнести документы на поступление в литературный институт имени Горького. Но все домашние восприняли идею непутёвого сынули откровенно в штыки. Утром его начинала обрабатывать «автоматными очередями» бабушка, упирая на то, что писатель — это не серьёзная профессия, и брать нужно пример с Антошеньки, который поступил на факультет международных отношений в МГУ. Днём Виктора забрасывала «минами» мама, что такого несобранного и не организованного мальчика, может спасти только поступления в медицинский институт, где у них с отцом полно друзей и знакомых. А вечером младшего Прохоркина начинала мутузить «тяжёлая артиллерия» в лице главы семейства.

— Я тебе, Виктор, так скажу, — отец опрокинул для аппетита крохотную рюмочку коньяка, которую в народе называли мухой, — если пойдёшь учиться на писателешку, договорюсь, чтобы тебе дали место в общежитии, а остальные средства для пропитания будешь добывать сам.

— Вагоны мне, что ли разгружать? — пробухтел младший сын.

— Я в твои годы, между прочим, разгружал, — отец сурово посмотрел на своего недотёпу.

Одним словом, скрепя сердце, Виктор поступил на лечебный факультет в медицинский институт имени Пирогова. Еле-еле сдал две сессии, зимнюю и летнюю, и переползая на второй курс, младший Прохоркин вновь высказал своё твёрдое намерение забрать документы из Меда и подать их в институт, где царят Каллиопа, Полигимния, Эрато и прочие полезные творчеству музы. В ответ, утром заработал «автомат» бабушки, днём «миномёт» матушки, а вечером «тяжёлая артиллерия» батюшки. В довершении всего перед сном младшего брата подначивал старший, Антон. Он теперь часто возвращался домой не раньше одиннадцати вечера, так как гулял с девочкой из хорошей интеллигентной семьи.

— Что жрать то будешь, писатель про заек? — смеялся он, красуясь в новомодных московских штанах, в джинсах, на которые из семейного бюджета было выделено почти тысячу рублей!

— Думаешь, Тоха, из меня не получится путёвый литератор? — вяло отбивался Виктор.

— Из тебя? — Антон ещё раз крутанулся перед большим зеркалом, которое он вместе с отцом прибил на входную дверь в их общую комнату, — а кто для школьной стенгазеты в статье про немецких поэтов гуманистов перепутал Бебеля с Бабелем?

— Подумаешь, — Виктор обиженно засопел, — когда это было, уже и не помнит никто.

На самом деле над этой историей вся родня потешалась уже не один год. Просто младший Прохоркин был человеком крайне рассеянным и быстро увлекающимся. Когда он готовил статью про Генриха Бебеля, листая том отцовской «Большой советской энциклопедии», Виктор так зачитался, что проглотил на автомате автобиографии и Августа Бебеля и Исаака Бабеля. Потом прочитанный материал тщательно в голове смешался. В итоге на свет родилась статья под названием «Исаак Августович Бебель — немецкий поэт-гуманист, писатель, драматург и журналист». Отец несостоявшегося школьного стенгазетчика смеялся, читая черновик статьи, до икоты.

— Нет, брат, правильно батя говорит, чем быть плохим нищим писателем, будь лучше травматологом, у которого в нашей стране всегда будет кусок хлеба и кусок колбасы сверху. Как штанишки? — Антон подмигнул брату.

— Штанишки ништяк, — пробубнил Виктор, — только в жизни есть вещи поважнее, чем колбаса и джипсы.

От троллейбусной остановки Прохоркин бежал, перепрыгивая через лужи, как мировой рекордсмен по бегу с препятствиями Семён Ржищин, однако на десять минут все равно опоздал. Тяжело дыша, он ввалился в вестибюль главного военного госпиталя имени Бурденко.

— Виктор, ну где ты пропадаешь! — окрикнула его старшая медицинская сестра Глафира Тихоновна, — знаешь, где находятся отдельные палаты на третьем этаже?

— Налево в конце коридора, — просипел Прохоркин, все ещё пытаюсь восстановить дыхание.

— Живо туда, — Глафира Тихоновна достала записную книжку и что-то в ней пометила, — присмотришь за новым больным, сделаешь ему фурацилиновые примочки и будешь следить за общим состоянием.

— Сейчас только переоденусь, — Виктор трусцой побежал в раздевалку.

— Итак, сестёр не хватает, ещё это шалопай на мою голову, — пробубнила себе под нос старшая медсестра.

Облачившись в халат, медицинскую шапочку и сменную обувь Прохоркин буквально через три минуты стоял у входа в отдельную палату и не решался в неё зайти. Так как прямо посередине дверного проёма на стуле сидел на посту спящий милиционер.

— Извините, можно я протиснусь, — Виктор тихонько потряс рукой блюстителя порядка за плечо.

— Что? — милиционер резко схватил Прохоркина за руку и больно сжал её.

— А-а! — вскрикнул от неожиданности Виктор.

— Простите доктор, не узнал! — охранник подскочил и взял «под козырёк».

— Я не доктор, — заикаясь, стал оправдываться Прохоркин, — я студент на практике. Можно я пройду к больному, мне Глафира...

— А-а, — усмехнулся милиционер, — студент, значит. Запомни студент можно Машку за ляжку, можно козу на возу, а ты должен обращаться к старшему по званию так, разрешите... э-э... Короче проходи.

Виктор, наконец, вошёл в узкую, как пенал, палату. На единственной кровати лежал

человек неопределённого возраста, лицо его так распухло, что чем-то смутно напоминало арбуз, из которого выглядывал маленький кончик носа. Вместо глаз у пострадавшего в непонятном происшествии были две узкие щели. Прохоркина от внешнего вида больного немного передёрнуло. Виктор достал из бутылки на тумбочке таблетку зеленовато-жёлтого цвета, растолок её в ложке и растворил в стакане с водой. Затем стараясь не смотреть на лежащего без движения пациента, стал куском, сложенной в несколько слоёв и смоченной в растворе марли, обрабатывать гематомы на лице.

Глава 2

Первое что я разглядел, после крошечной тьмы, был костёр. Точнее размытые очертания костра, хотя, вполне возможно, это было солнце, которое просвечивало сквозь шторы с низкой степенью затемнения. Или нет, и костёр, и солнце я видел одновременно. Я стал поочерёдно открывать и закрывать глаза, и о чудо, до меня дошло. Левым глазом я видел костёр на поляне, а правым солнце, пробивающееся через штору.

— И что же я полез драться с солдатами? — обругал я мысленно себя, — можно же было что-нибудь придумать, соврать, кто же в здравом уме ссыт против ветра? Теперь здравствуй дурка, новый дом.

Я закрыл правый глаз и решил повнимательнее рассмотреть, что делается у костра, так как вокруг него кто-то однозначно суеился. Внезапно весь обзор мне перекрыла своим прекрасным лицом Мара, которая высунулась из-за моей спины.

— Жив курилка, — сообщила она кому-то в сторону.

— Это ненадолго, — лицо Мары потеснила физиономия мужественного и волевого бородача.

— Чего и вам желаю, — хриплым слабым голосом ответил я.

Бородач брутального вида недовольно хмыкнул и исчез из поля зрения, зато появился уже знакомый мне Велес.

— По земному времени ещё час точно за жизнь побарахтается, — он протянул руку и потрогал то место, где у меня в теории должен был быть лоб.

На практике, к сожалению, я ничего не почувствовал.

— Между прочим, даже за пять минут можно сделать очень много, — попытался пошутить я, и, закрыв левый глаз, взамен открыл правый.

Картинка, которую мне рисовал правый орган зрения, тоже стала вырисовываться более чётко. Но самое неприятное с чёткостью изображения на все моё тело стали накатывать волны тупой ноющей боли. И я еле сдержался, чтобы не застонать.

Оказалась, что я лежал не в застенках «кровоавой гэбни», а в обычной больничной палате, и какой-то молодой паренёк в белом халате тыкал мне в лицо чем-то влажным. Студент на практике, почему-то решил я. Тут в палату вошёл настоящий доктор, невысокий коренастый мужчина.

— Здравствуй, Витюша, — поздоровался он со студентом, — примочки делаешь, молодец!

— Самуил Михайлович, — обратился начинающий врач к бывалому, — может быть больному поставить капельницу с физраствором?

— Может быть, может быть, — сказал на распев доктор и посмотрел рентгеновские снимки, которые принёс в своей папке.

Витюша встал, подошёл поближе и тоже заинтересованно глянул на черно-белые узоры.

— Видишь это пятнышко? — спросил Самуил Михайлович, — это значит у нашего пациента гематома в головном мозге. Капельницу ставить категорически нельзя.

— А что тогда делать? — растерянно пробормотал студент, — оперировать?

— В этом случае одна надежда на него, — доктор направил указательный палец на потолок.

— На Никиту Сергеевича? — Витюша запрокинул голову вверх.

— Бери выше, — Самуил Михайлович печально посмотрел на меня, — через час либо помрёт, либо инвалидом на всю жизнь останется.

— А может она сама рассосётся? — у студента нервно дёрнулся глаз.

— И такие случаи в моей практике бывали, — задумчиво пробормотал доктор.

Я закрыл правый глаз и открыл левый, надоели, в самом деле, и тут же боль, которая окутывала все моё тело, куда-то исчезла. На поляне, где горел костёр Мара, Велес и не известный мне брутальный бородач, все одетые в простые белые одежды, о чём-то спорили.

— А я говорю, мы просто обязаны вмешаться! — своим певучим голосом с нотками железа доказывала что-то Мара.

— Я согласен с Мораной, — поддержал её Велес, — ты же, Перун, видишь, как тёмные хитро манипулируют эмоциями людей. К тому, что Богдан практически уже не жилец, привела цепь случайных малозначимых событий. Поэтому мы должны продолжить эксперимент.

— Бесполезно, — прогудел брутальный бородач, Перун, — если каждый из нас даст ему слишком много своей жизненной силы, то у него, — Перун указал на мой левый глаз, — начнётся раздвоение личности.

— А если каждый понемногу? — настаивала Мара.

— До полного выздоровления не хватит, — Перун подошёл и потрогал мой, ничего не чувствующий лоб, — оставшуюся часть жизни проведёт в инвалидной коляске. Скрючит его как баранку, а для воина такая жизнь хуже смерти.

— Я в коляску не согласен, — проблеял я еле слышно, — прошу одного, друзьям весточку от меня притараньте, что всех люблю, целую, пусть не поминают лихом, и никогда не сдаются, всё надо делать до конца!

— Давайте разжигать новые костры! — потребовала Мара, — призовём всех своих братьев и сестёр.

Я закрыл левый глаз и постарался заснуть, помирать во сне менее страшно, чем при полном сознании, главное чтобы сон был хорошим, про море, где мы сидим рука об руку со своей любимой девушкой.

* * *

По адресу Старая площадь, дом номер четыре, в кабинете номер шесть, уже целый час шло внеочередное заседание первых лиц государства советского. Раньше, до революции, здесь располагался Торговый дом Титова, здесь заключались договора, суживали под процент деньги и выстраивали экономическую политику по сути говоря небольшого в масштабах страны предприятия. Сейчас же, здесь принимались куда более значимые решения.

Вообще-то шестой кабинет при Иосифе Виссарионовиче был всего лишь залом для всевозможных совещаний. Но после смерти отца народов, Хрущёв распорядился из этого зала сделать его собственный кабинет, а кабинета Сталина, наоборот, переделать в зал заседаний. Обстановка, где работал первый секретарь ЦК КПСС была максимальной спартанской. На полу лежала красная ковровая дорожка, длинный стол упирался торцом в небольшой столик самого хозяина кабинета, за спиной которого висело три больших портрета Карла Маркса, Владимира Ленина и Фридриха Энгельса.

В этот день Никита Сергеевич, который и так отличался взрывным темпераментом, был особенно разгорячён.

— Сволочи! Мерзавцы! Дрозофилы! Ненавижу, ненавижу! — орал он молодцеватым высоким голосом на своих ближайших соратников.

Хрущёв расхаживал вдоль длинного стола и потрясывал своим небольшим кулачком, в другой руке он крепко сжимал распечатку последней передачи вражеской станции «Радио Свобода». За столом пытаюсь не перечить первому лицу государства, застыли Брежнев, Сулов, Косыгин, Шелепин, Микоян и Фурцева.

— Вы полюбуйте, что эти негодяи передают на весь мир! — Никита Сергеевич по третьему разу стал зачитывать передачу «Радио Свободы», — для предотвращения массового бегства советских спортсменов на запад, которую они запланировали на Олимпиаде в Риме, была проведена акция устрашения всех членов сборной СССР. Гостиница, где размещались спортсмены была обстреляна из автоматов, один человек погиб, остальные заключены под домашний арест. Как вам это нравится?

— Никита Сергеевич, может, откажемся от поездки в Рим? — робко предложил Михаил Сулов.

— Дурак! — резко выкрикнул Никита Сергеевич на члена Политбюро и по совместительству секретаря ЦК КПСС.

Слюни изо рта главного человека в стране вылетели, как первый искусственный спутник Земли и попали точнёхонько в круглые очки Михаила Андреевича Сулова. Секретарь ЦК не растерялся, он посмотрел укоризненно вверх, как будто это нечаянно залетевшая птичка стрельнула в него своим внезапным «подарком», после чего достал чистый носовой платок и аккуратно протёр заплеванные стеклышки.

— Шелепин! — переключился Хрущёв на председателя комитета КГБ, — я, что тебя попросил сделать? Пригласить для беседы этого, как его, — Никита Сергеевич нервно затряс кистью правой руки.

— Богдана Крутова, — подсказала ему министр культуры СССР Екатерина Фурцева.

— Его! — Хрущёв, как лев в клетке прошёлся взад и вперёд, — а вы что сделали?

— Нижестоящие офицеры не правильно поняли мой приказ, — пробубнил Шелепин, — они решили, что Крутова нужно задержать и провести беседу.

— Педерасты! — процедил Никита Сергеевич и обречённо махнул рукой.

— Никита, ты зря волнуешься, — раскатистым мало внятным голосом, из-за проблем с челюстью, заступился за своих коллег Брежнев, — этого баскетболиста мы сразу же после недоразумения поместили в Бурденко к лучшим врачам.

— Его быстро подлечат, приведут в порядок, и он даст, через газету «Правда» опровержение, — поддержал Леонида Ильича другой член Политбюро, Анастас Микоян.

Хрущёв ещё раз тихо выругался, поминая свою ненависть к дрозофилам, и, как будто из него выпустили пар, плюхнулся в свое рабочее кресло.

— Молитесь, чтобы этот баскетболист выжил, — сказал он, погрозив пальцем, — иначе я вам покажу Кузькину мать.

Как я не пытался заснуть, наверное, от того что помирать отчаянно не хотелось, сон упорно не шёл. Я вновь открыл левый глаз. В самом деле, если уж кто и мог мне помочь, то это точно были не врачи. На поляне в зоне моей видимости горело уже два костра. Станным было то, что эти костры совершенно не дымили, и горели так, словно их нещадно треплет сильный и порывистый ветер.

— Сколько мне осталось? — прохрипел мой голос.

Мара склонилась надо мной, потрогала мой лоб, который я продолжал не чувствовать.

— Двадцать минут по земному времени, — она грустно улыбнулась, — многие пришли, сейчас будем тебя вытаскивать. Но будь готов, что...

— Всегда готов, — просипел я, — и вообще спасибо, что дали еще пожить, и еще раз влюбиться так, как это может только мальчишка.

— Молчи, — вмешался в разговор Велес, — не трать силы.

— Можно начинать! — выкрикнул, выскочив с боку, Перун с большим шаманским бубном, — больше никто не придёт.

Костры вдруг ещё сильнее принялись биться в разные стороны. И я почувствовал, что земля под моим невесомым, как пух телом стала заметно подрагивать.

— Бум, бум, бум, — брутальный бородач своими могучими руками стал ритмично бить колотушкой в бубен.

Первой прикоснулась губами к моему лбу Морана.

— Мара, — прошептала она, и горячая волна пробежала от моего лба, который вдруг приобрёл чувствительность, по всему телу.

— Велес, — поцеловал он меня в лоб.

И я снова почувствовал волну тепла, и мне даже стало как-то легче дышать.

— Хорс, — прикоснулся губами к моему лбу еще один не известный мне персонаж в белых одеждах со свастическими узорами.

В принципе разнообразием одеяний здесь никто не отличался. Все были в белом, вот узоры разнились мелкими деталями, пояса были разных оттенков. Но мне эти различия ни о чём не говорили.

— Желя, — прошептала мне красивая женщина с рыжими волосами, и тоже поцеловала мой лоб.

— Ярило, — надо мной склонился молодой златокудрый парень, проделав ту же процедуру, что и другие.

— Макошь, — шепнула мне в ухо натуральная красивая блондинка, поцеловав мой лоб.

За ней часть своей жизненной силы мне передали два близнеца Овсень и Коляда, и я подумал хорошо, что наших славянских богов так много, иначе все, мemento мори, или как сказал бы Трус из «Кавказской пленницы», моментально в море. Потом в мою постепенно оживающую тушку, влили малую часть своей силы настоящие бородатые богатыри, Радегаст, Яровит и Световит. Перун пока шёл обряд моего воскрешения все быстрее и быстрее ускорял ритм боя в бубен.

— Додола, — меня поцеловала в лоб ещё одна златокудрая вся в веснушках красавица.

— Перун, — наконец-то он перестал рвать мои барабанные перепонки своим бум, бум, бумом, и поцеловал меня в лоб.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила меня Мара, которая, по всей видимости, переживал больше остальных.

— Чувствую себя хорошо, — более уверенным голосом ответил я, — вот здоровье мое не очень, то лапы ломит, то хвост отваливается.

Я криво через силу усмехнулся. Перун тут же потрогал богатырской ладонью мой лоб.

— Всё, кабздец, минута тебе осталась, прости, если чем обидел, — грустно сказал он.

Костры медленно стали гаснуть. Мара отвернулась, чтобы не показывать своих чувств. Велес же потрогал мой лоб, чтобы убедиться в правоте Перуна. Я закрыл левый глаз и постарался представить лицо своей Наташи.

— Всем спасибо, — прошептал я.

И тут как будто огромное солнце вспыхнуло надо мной. Свет так сильно заливал все пространство, что моим глазам стало больно даже с закрытыми веками. И я резко их открыл. Правый глаз увидел растерянное лицо студента практиканта, а левый высокую четырёхметровую фигуру женщины в длинном платье, которая возвышалась над остальными славянскими Богами. Свет, исходящий от женщины медленно угас.

— Великанша, — прошептал я.

— Лада-Богородица, — расслышал я удивлённые тихие голоса.

Великанша сделал несколько больших шагов ко мне, присела и поцеловала меня в лоб.

— Лада, — прошептала она мне в ухо.

И тут же мой левый глаз стал видеть то же самое, что и правый. А именно палату с белым потолком и синими стенами. Студент пощупал мой пульс, о чём-то задумался и выбежал в дверь. Через несколько минут сюда вошёл настоящий доктор. Он сел рядом и заново отсчитал мой пульс.

— Жив курилка, — улыбнулся Самуил Михайлович, — улучшилось состояние это хорошо, через недельку глядишь, можно будет уже и вставать. А сейчас нужно обязательно поспать.

Свои пожелания доктор подтвердил действием, то есть вколол мне в руку, скорее всего снотворное, так как после укола я провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся я от того, что где-то на этаже радио заиграло гимн Советского союза. Значит сейчас шесть часов утра, пронеслось в голове. Я немного поднатужился и, вытянув руки вверх, рывком перевёл своё тело в вертикальное положение. Голова немного закружилась, но это состояние через несколько секунд пришло в норму. Валяться в кровати ещё неделю, мне совершенно не улыбалось. А вот что требовал мой организм прямо сейчас, так это сходить в туалет, и как следует пожрать. Да, аппетит был просто не человеческий. Поэтому я аккуратно поставил босые ноги на паркетный пол. Откинул в сторону одеяло и встал. Хорошо так, уверенно встал, слабость небольшая не в счёт, пустяки. Потом я медленно передвинул правую ногу вперёд, перенёс вес тела на неё и двинул следом левую. Ещё минуту попытвев, я прошёл мимо спящего студента, которого, по всей видимости, запрягли на целые сутки дежурить. Вот дверь, вот ручка, дальнейший алгоритм прост, хлопбсь её настезь! И хорошо, что она, дверь, открывалась вовнутрь, иначе я бы сбил, сидящего на стуле охранника в милицейской форме, который тоже спал. Затем придерживаясь одной рукой за стенку, я проделал еще более опасный и длинный путь до туалета.

Через пять минут в голове осталась одна единственная мысль, где бы чего такого слопать. Лежала бы сейчас здесь жареная туша мамонта, обглодал бы ее всю, как самый голодный в мире первобытный человек. В коридоре, наконец, появились медицинские

сёстры, которые шли ставить бедным больным утренние уколы.

— Барышни милые, — просипел хриплым голосом я, — скоро ли в этом богоугодном заведении будет завтрак. Жрать хочу сил никаких нет.

— Больной, вы с ума сошли, — улыбнулась молоденькая сестра милосердия, — разве можно в таком виде по коридорам расхаживать?

Ой-ё, я осмотрел свой новый имидж критическим взглядом. Голые ноги, в принципе, меня не смущали. Но вот выше колен начиналось эротичное в форме колокола без всяких изысков белое платье, которое крепилось за моей спиной простыми завязками. В довершении всего я нащупал руками свою голую пятую точку. Не знаю, в каких одеяниях бродил по дому Борис Моисеев, но что-то мне подсказывало, подобное платье было и у него.

— Вы вообще, из какой платы вылезли? — к молоденькой сестричке подключилась старая гримза.

— Вон из той, — я показал рукой в конец коридора, — где милиционер дрыхнет.

— Смотри-ка, не помер, — удивилась женщина в белом халате средних лет уже более приятной наружности, — Нина! — крикнула она в сторону ординаторской, — срочно позвони Самуилу Михайловичу, больной из триста третьей есть просит, можно его кормить или нет?

— Да можно, можно, — просипел я, — дайте хоть корку хлеба пожевать.

— Ну что смотришь? — старая медсестра одёрнула молоденькую сестричку, — выдай ему пижаму, чтоб он здесь своими причиндалами не сверкал, охальник.

В следующие тридцать минут, мне выдали полосатую пижаму, и я разом смёл все запасы сердобольных сестёр милосердия, которые рассматривали меня как диковинный музейный экспонат.

— Позвоните вот поэтому номеру, — я накарябал его карандашом на газете «Правда», сидя на стуле в ординаторской, — попросите подойти к телефону Степана Суреновича Спандаряна. Пусть он мне денег привезёт, у меня они в чемодане, и пожрать чего-нибудь.

— Опять голодный! — удивилась молоденькая сестричка, которая хлопотала вокруг меня больше всех, — вот, выйдешь замуж за такого, так он всю зарплату проедать будет.

— Да я сейчас жених, хоть куда, — я встал уже более уверенно и посмотрел на себя в круглое зеркало на стене, — Ален Делон, не иначе.

На меня смотрел из зазеркалья совершенно незнакомый мне парень, распухшее лицо, глаза, как у китайского пчеловода, и все это синюшно-жёлтого цвета.

— А кто это говорит? — услышал я из телефонной трубки, громкий голос Суреновича.

Медсестра вопросительно посмотрела на меня, и я сам подошёл к телефонному аппарату.

— Хелло, Степан Суренович! — я попытался придать своему голосу побольше бодрости, но вышло так себе

— Кто говорит, спрашиваю? — Спандарян ещё раз повторил вопрос.

— Крутов это говорит, — прохрипел я.

К сожалению, в этот день никаких посетителей ко мне не допустили. Доктор Самуил Михайлович, заявил, что так лучше будет для всех, организм у меня еще слабый, любая зараза враз прицепиться может. Поэтому на главного тренера Спандаряна, на ассистента Конева и игрока сборной СССР по баскетболу Корнеева я полюбовался лишь в окно третьего этажа. Крикнул им, что у меня все хорошо, только есть постоянно хочется, а так же добавил, чтобы срочно вызывали в команду Альберта Вальтина, видать мне Рим посмотреть уже не

судьба.

На следующее утро, я вновь поднялся ровно в шесть часов, под гимн Советского союза.

— Союз нерушимый республик свободных, — пропел я про себя.

В коридоре, при встрече с заботливыми сестричками надо мной уже стали посмеиваться.

— Эй, Маринка, смотри вон твой опять раньше всех высунулся! — кричали барышни молоденькой медсестре, которая заливалась от неловкости красной краской.

— Что соскучился? — обратилась ко мне женщина постарше, — ты смотри девки у нас видные, живо охомугают.

— А что? Богдан у нас жених завидный, — загоготала шустрая медсестра Лариска.

Эта вполне себе приятная внешне женщина воспитывала одна двоих ребятишек, поэтому тема замужества с каким-нибудь завидным и солидным временным пациентом Бурденко, возникала с периодичностью несколько раз в сутки. Ещё накануне я наслушался этих разговоров вдоволь.

— Спортсмен, баскетболист, член сборной СССР, — подмигнула мне женщина, как бы невзначай выставив вперёд свои аппетитные груди третьего размера.

— Мне бы сударыни, прежде чем жениться, поесть бы чего-нибудь, — скромно опухшими губами улыбнулся я.

— Иди, корми своего, — обратилась к молоденькой Маринке самая старшая медсестра, — а ты Лариска губу закатай, ему только шестнадцать, не порть парня!

Дальнейшие пререкания сестёр милосердия я слушать не стал, так как нечеловеческий голод гнал меня в знакомую уже ординаторскую комнату.

— Самуил Михайлович распорядился для тебя приготовить кастрюлю супа, — сказала сопровождающая меня Марина, — какую порцию тебе разогреть?

Проходя мимо окон, которые выглядывали во внутренний дворик госпиталя, я ещё раз взгрустнул о том, что не поеду на Олимпиаду. Что поделать в таком состоянии я не игрок.

— Я спрашиваю, сколько тебе разогреть? — обратилась ко мне медсестра с миленьким кругленьким личиком.

— А знаешь что, — я махнул рукой, — чтобы семь раз суп не греть, давай всю кастрюлю.

— Ведь лопнешь! — картинно рассердилась девушка.

— А ты налей и отойди, — через боль в рёбрах усмехнулся я, — кстати, я вас вчера как следует, объел, вот двести рублей. Извини, больше нет.

Я выложил две бумажки бежево-фиолетового цвета, на которых был изображён с одной стороны Владимир Ленин в анфас, а на другой — московский кремль. Конечно, по той своей жизни я помнил сотку немного меньших размеров и другого оттенка, и Ленин на ней был в профиль. И когда же произойдёт эта денежная реформа? В принципе, какая разница.

— Мы с больных денег не берём, — Марина гордо передвинула денежные купюры в мою сторону.

— А я не больной, — я вернул их обратно, — я — травмированный. У меня, может быть, психологическая травма, а вы от денег отказываетесь.

— Бери, бери, — в ординаторскую залетела Лариска, — мы на эти деньги картошечки купим, потом отварим, и бутылочку вина.

Она снова весело подмигнула мне, и толкнула в плечо Марину.

После кастрюли супа в ординаторской я проглотил за завтраком две порции гречневой каши. Потом немного послонялся по этажам госпиталя. Больные между уколами и процедурами самозабвенно резались в домино и шахматы. Я глянул краем глаза на примитивные комбинации любителей передвигать шахматные фигуры, и мне сразу захотелось спать, поэтому осторожной шаркающей походкой я двинулся в свою персональную палату. «Бдительного» милиционера, который постоянно храпел на посту, по всей видимости, вернули спать на более ответственное место службы. Зато в палате около письменного столика меня ожидал практикант, студент.

— Ну, где вы пропадаете! — подскочил он, когда заметил мою побитую физиономию, — Самуил Михайлович вас везде обыскался. Вам срочно нужно на рентген.

— Что я, флюорографию никогда не делал? — я сел на кровать, — мне сейчас нужно часик поспать, а потом как следует поесть, засекай время, Витюша.

Я завалился боком поверх одеяла и закрыл глаза. Презабавный парень был этот студент, все его звали здесь Витюшей, так как Самуил Михайлович был близким другом его отца и помнил нашего практиканта с младенческих лет. Так детское имя и перекочевало в больничные покои. Единственный недостаток Витюши, который иногда злил, а иногда и забавлял, была фантастическая рассеянность. Могли его послать за одним лекарством, а он приносил совершенно другое, и даже порой и не в ту палату. Поэтому от греха подальше прикрепили студента ко мне, чтобы следил за моим общим состоянием.

В районе восьми часов вечера, когда я после сытного обеда вновь мучился от голода, в палату заскочила Лариска.

— Витюша, мальчики, — улыбнулась она, — пожалуйста на наш небольшой сабантуй.

— Нам не положено Лариса Николаевна, — пробубнил практикант.

— Если женщина просит, бабье лето торопить её не спешит! — ответил я с кровати.

Потом встал, как сомнамбула, так как тело от полученных побоев продолжало болеть практически везде, всунул ноги в тапки и пошёл сабантуить. Витюше ничего не оставалось делать, как сопровождать меня следом. В целом здоровье моё стремительно улучшалось. Самуил Михайлович, когда рассматривал новые рентгеновские снимки, очень сильно удивлялся.

— Кости целы! Зубы целы! Ребра целы! — охал он, — и главное, гематома в голове рассосалась. Всю войну прошёл такое чудо впервые вижу.

— Это советская медицина творит чудеса, — невесело пошутил я, — одними примочками человека на ноги поставили.

— Нужно будет об этом обязательно написать статью в научный журнал, — пританцовывал от нетерпения доктор.

— Ваше право, — пожал плечами я, — только потом не удивляйтесь, когда где-нибудь в высоких кабинетах скажут, что в лучшем госпитале страны для качественного лечения лекарств и оборудования не хватает.

— Н-да, — Самуил Михайлович озадаченно почесал свой затылок.

Это означало, что статье вряд ли быть, что впрочем, меня устраивало на сто процентов.

Лариска, как и обещала, выставила на стол бутылочку азербайджанского портвейна три семёрки.

— Пейте сами и рекомендуйте всем, портвейн семь, семь, семь, — сказал я, рассматривая жёлтую этикетку бутылки.

Лариска первая прыснула от смеха. Потом я зажал ноль семи литровку горлышком вниз между колен и несильно постучал по дну бутылки. Когда пробка вышла примерно на половину, я руками, к которым уже стала возвращаться былая сила, вытянул её из горлышка. Затем содержимое разлил по стеклянным медицинским мензуркам.

— Приятно, когда за столом мужчина, — прокомментировал мои манипуляции Лариска.

— Ты смотри, отобьёт она у тебя парня, — сказала медсестра средних лет покрасневшей Марине.

— Ну, хватит вам, тётя Нюра, — психанула Марина и выбежала из ординаторской.

Лариска с видом победителя, за которым осталось поле сражения, разложила по тарелкам отваренные клубни картошки с луком. Сначала мне, потом Витюше, затем всем остальным. Я за минуту проглотил свою порцию и посмотрел в честные глаза студента практиканта, который передвинул мне и свою часть закуски.

— Мерси, — буркнул я, и съёл картошку с луком одним махом.

Еле удержавшись, чтобы не вылизать языком тарелку я галантно раскланялся перед благородной компанией незамужних девушек и женщин.

— Все было очень замечательно, дай Бог вам богатых женихов, — сказал я и поплелся спать.

Лариска хотела было меня задержать, но тут за больного человека вступились медсестры постарше, поэтому я спокойно перебрался в свою плату. Посреди ночи, мне вновь захотелось есть.

— Да что же это такое! — я вскочил со скрипучей кровати, — а ты чего не спишь? — спросил я дежурившего рядом Витюшу, который смотрел на меня из-за стола испуганными глазами.

— Я тут отчет по практике пишу, — неумело соврал он.

Я подошёл к столу, и взял в руки его тетрадь с каракулями. Студент хотел было перехватить свиток таинственных заклинаний, но его тощие пальцы ухватили лишь пустоту.

— Нехорошо читать чужие записи, — пискнул он, — вас разве дома этому не учили?

— Валерий вытащил из ранца бластер и выстрелил в надвигавшуюся на него тень, Мэри громко закричала, когда из темноты на них полетели большие куски вонючей плоти, — прочитал я последнее перед почеркушками предложение, — космическую фантастику пишешь?

Я вернул практиканту толстую тетрадь, которую тот прижал к груди как самое ценное сокровище.

— О чём роман? — я присел обратно на кровать.

— Это рассказ о космодезентнике, который спасает свою девушку, — ответил все ещё испуганный Витюша.

— А Мэри у тебя такая невысокая фигуристая милашка, с кругленьким личиком, маленьким аккуратным носиком и большими персидскими глазами? — усмехнулся я.

— Откуда вы знаете, — проблеял, покраснев студент.

— Что я, по-твоему, нашу молоденькую медсестру, Марину, не видел, — я прилег на кровать поверх одеяла, и закинул нога на ногу, — ерунда все это, юношеское гормональное бумагомарание. Пиф паф, ой ой ой, помер вдруг противник мой! Взяв волшебный автомат, застрелился, как я рад!

Тут Витюша подпрыгнул со стула как ужаленный, и принялся нарезать круги по моей

маленькой больничной палате.

— Почему? Почему? Почему все вокруг считают, что из меня ничего не выйдет? — нервным полушёпотом затараторил студент, — родители, брат старший, и даже вы, которого я не знаю, и знать не желаю.

Потом Витюша грохнулся обратно за стол и зарыдал, как маленький.

— О, как! — обрадовался я, — смотри-ка ты, есть, вдруг расхотелось! Ты хоть здесь все соплями залей, никого это не волнует, запомни, Мир безжалостен.

— Много вы знаете, — размазывая слезы, проревел Витюша, — вам всего шестнадцать лет, я в карте медицинской прочитал, а вы поучаете меня как отец.

— А хочешь написать такой роман, — я уже сам вскочил с кровати и стал нарезать медленные круги по палате, — чтобы всю страну вштырило? Чтобы письма поклонники мешками писали, требуя продолжения его, а?

Витюша перестал наматывать соплю на кулак и уставился на меня, как на пророка.

— Правда, будь готов, что завистники, твоё произведение начнут оплёвывать, — я присел на край стола, — из-за своей бесталанности гадить буду по мелкому. Как сказал Горький: «Подлецы — самые строгие судьи». Зато продажи книг побьют все рекорды и в СССР и в странах соцлагеря, и даже там, на загнивающем западе.

— Хочу, очень хочу, — горячо прошептал студент.

— Значит так, — я обратно завалился на кровать, — завтра купишь в магазине мне каких-нибудь консервов, желательно сразу банок двадцать. И я тебе расскажу такую убойную историю, мама не горюй. Но, а ты ее уже сам раскрасишь своими художественными красками.

— Замётано! — улыбнулся Витюша.

Спустя четыре дня страсти из-за дикого происшествия на загородной базе в сборной СССР несколько поутихли. Тем более весть о том, что Крутов жив и здоров, быстро разлетелась среди спортсменов.

— Я уже устал всем объяснять, — гудел силач Юрий Власов в общей столовой, — что никого я не бил, и никаких бойцов внутренних войск я не калечил! Я вообще в этот день допоздна в зале ноги прокачивал.

— И, слава Богу, — допил стакан густой крестьянской сметаны тренер советского тяжелоатлета Сурен Богдасаров.

— Честно говоря, хреново все вышло, — сказал, проходя мимо с подносом, боксер легковес Боря Никоноров, — Богданыч весёлый был парень. В Алуште всей командой к нему на дискотеку бегали, а как пришли его винтить, то никто даже и не заступился.

— Никонор, — шикнул на него тренер сборной по боксу Сергей Щербаков, — ты лучше за весом следи, и голову себе ерундой всякой не забивай. Сказано же все в порядке с этим вашим Богданычем. Кстати, видел какой у него апперкот?

Никоноров хмыкнул и пошёл за свой столик. А на другом конце столового зала в молчании обедала сборная СССР по баскетболу. Латыши держались отдельно, тбилисцы тоже старались переговариваться на своем родном грузинском языке. Корней, который до происшествия был неформальным лидером команды, старался прийти в столовую либо позже всех, либо раньше всех.

— Корней, ну что так и будем в молчанку играть? — попытался его снова разговорить друг и одноклубник по московскому «Динамо» Саша Петров.

— Петя иди на хер, — буркнул Корнеев и встал из-за стола, — Суреныч, через сколько в лужу едем?

— Объявляю еще раз для всех! — ответил за главного тренера сборной его помощник Евгений Алексеев, — автобус во дворец спорта «Лужники» отходит чрез сорок минут.

* * *

Что за напасть! Я продолжал испытывать дикий голод уже четвертый день подряд. Зато организм приходил в нормальное состояние буквально семимильными шагами. Опухоль на лице почти исчезла, лишь огромные зелено-желтые круги напоминали недавнюю битву меня дурака с бравыми бойцами дивизии Дзержинского. И я даже сегодня сделал отжимания, три подхода по десять раз. Голова немного закружилась, а так вроде ничего, терпимо. Тут в дверь мою постучали. Я подумал, что это опять Лариска пришла, по какому-нибудь пустяковому поводу и решил притвориться спящим. Женщина она, конечно, хорошая, и понять ее можно, но меня-то тоже понять можно.

— Богдан, — услышал я мужской голос, — это я Виктор.

Я открыл глаза, и первое на что упал мой взгляд, была авоська, наполненная плоскими баночками «Кильки в томате». Меня подкинуло, как катапультой, я от нетерпения потёр ладони друг о дружку.

— Давай консервный нож! — я выскочил из-под одеяла в одних трусах и вытащил из

сеточки, которую советские люди таскали с собой на всякий случай, то есть на авось, две банки с красной этикеткой.

Эстонское ПУРП «Запрыба», прочитал я в самом низу банки, цена всего четыре рубля. То есть после денежной реформы такая прелесть будет стоить копеек сорок. В общем, не умрёт пролетарий голодным!

— Витюша, давай консервный нож, — я повторил настоятельное свое требование.

— Я спрошу в ординаторской, — сообразил человек рассеянный.

Доев четвертую эстонскую консерву, я, наконец, обратил внимание на Витюшу, который уже приготовился записывать обещанную мной историю. Студент от нетерпения подергивал правой ногой, и с надеждой смотрел мне в рот.

— Виктор, а сгоняй еще за чайком, — я сделал жалостливое лицо, — и приступим к штурму литературных вершин.

Три часа я рассказывал начинающему литератору коллизии первого эпизода «Звездных войн». В ответ он меня забрасывал сотней вопросов. А как выглядят боевые дроиды? А как работает световой меч? А как гунганы дышат под водой? А кто такие тойдарианцы? А что такое есть Сила и мидихлорианы?

— Классная история! — Витюша развалился на стуле, как литературный метр, утомленный людской славой, — а кто это напечатает? — огорошил он меня неожиданным вопросом.

— Ты знаешь, — я почесал свой волшебный затылок, — я эту историю с большим успехом рассказывал в пионерском лагере. Напиши отрывок про то, как рыцари джедаи бежали с принцессой Амидалой с Набу. И мы его покажем редакции «Пионерской правды».

— Это я за вечер управлюсь, — студент смешно засунул карандаш себе в рот, как Марк Твен гаванскую сигару, — а если им не понравится?

Да, пожалуй, тебя даже на порог редакции не пустят, подумал я, рассматривая нескладную фигуру Витюши, которая сама притягивала к себе неудачи.

— Отпечатай отрывок «Звездных войн» на машинке, захвати денег для взятки, — порекомендовал я, — вместе пойдём.

* * *

Во дворце спорта «Лужники» заканчивалась очередная тренировка сборной СССР по баскетболу. Традиционно в конце играли товарищескую двустороннюю игру. Конечно, товарищеской она была лишь номинально, все спортсмены знали чтобы попасть в стартовую пятёрку, в двусторонке нужно играть по максимуму не жалея ни себя ни условного противника, само собой в разумных пределах.

— Я тебя, Гурам, в плитку закатаю! — покрикивал на грузинского разыгрывающего второй тренер Алексеев, — спиной обыгрывать надо, как Крутов!

— Я нэ Крутов, да, я Минашвили! — обиделся на тренера тбилисец.

В это время Озерс перехватил передачу и пронёсся пулей по правой бровке и с семи метров накинул мяч на кольцо. Корней оттолкнул центрального Зубкова, высоко выпрыгнул и в одно касание переправил мяч в корзину.

— Красава! — выкрикнул Спандарян, который сидел с ассистентом Коневым повыше на трибуне.

— Вот так! Вот так! Мальчишки! — заплодировал Алексеев.

Он стоял почти у самой бровки и непосредственно руководил игрой обеих команд.

— Через неделю с небольшим вылетаем «Аэрофлотом» в Рим, — сказал Суренович своему ассистенту Константиновичу, — как считаешь, Альберта Вальтина обратно дозаявляем? Или как?

— Считаю, что телеграмму ему в Киев нужно дать, чтобы самостоятельно занимался и был готов вылететь в Москву, — ответил Конев, внимательно следивший за действиями подопечных.

На площадке Гурам Минашвили, используя заслон от Виктора Зубкова, выскочил на ударную позицию, замахнулся, но отдал пас на врывающегося в краску Сашу Петрова. Центровому сборной и московского «Динамо» оставалось лишь выпрыгнуть и отправить мяч от щита в цель, но вдруг его резко атаковал Юрий Корнеев, грубо сыграв в корпус. Петров больно ударился, упав на паркет.

— Ты что творишь! Корней! — не выдержал Зубков, — всех, что ли решил переломать?

— Не нравится? Играйте в шашки, — зло посмотрел на партнёра по сборной Корнеев.

Евгений Алексеев тут же издал свистком тревожную трель.

— Гена, Вольнов, смени Корнея, — скомандовал второй тренер, — красные проббили два штрафных! Что с тобой Юра?

— Да не х... со мной, — резко бросил он и пошёл сразу в подтрибунное помещение в душевую.

— Да дисциплина в команде ни к чёрту стала, — обречённо проговорил Спандарян.

— Может Богданыча все же оставить в сборной, — робко предложил Конев, — глядишь, ребята и успокоятся.

— Завтра сутра навестим его, — согласился Суренович, — там видно будет.

Внезапно в зале сначала появились люди в военной форме, затем вошёл заместитель министра обороны Андрей Антонович Гречко.

— Здравствуйте товарищ, продолжайте тренировку, — обратился он к спортсменам и подошёл к Степану Спандаряну, который встал ему на встречу и протянул руку.

— Как же так, Андрей Антонович, — обратился тренер сборной к главному болельщику всего армейского спорта, — лучшего игрока у нас выбили. Причём свои же собственные советские люди.

— Ошибка вышла Суренович, — ответил Маршал Советского Союза, и присел рядом на трибуну, — Никита Сергеевич сказал пригласить вашего игрока для беседы, но пока приказ добежал до нижних чинов он превратился — в арестовать и провести беседу.

— Жалует царь, да не жалует псарь, — сквозь зубы проговорил Спандарян.

— Я к тебе как раз по этому поводу, — Гречко от досады, что промахнулся по кольцу игрок ЦСКА, хлопнул ладонью себе по бедру, — ну кто так бросает?!

— Не понял? — удивился Суренович.

— Крутова обязательно нужно взять в команду, и представить его всему мирового сообществу, живого и не вередимого, — маршал показал указательным пальцем на потолок, — эта просьба оттуда, обсуждению не подлежит.

— Может так оно и к лучшему, — Спандарян дунул в свисток, — всем спасибо, тренировка окончена!

Глава 6

На пятый день, я, наконец-то, надел на себя человеческую одежду. Джипсы, концертную рубашку, кеды. Утром примчался в больницу Суренович, привёз чемодан с вещами, сказал, чтобы готовился к Олимпиаде. Я его спросил, а что сейчас проводятся среди инвалидов? На что он несколько раз матюгнулся, дал мне пару дней полежать под наблюдением врачей, а дальше на базу. Я тут же уточнил, а можно сразу на овощную, а то жрать постоянно хочется. Тогда Суренович не найдя литературных слов просто ещё раз загнул что-то мудрёное по матери, и добавил чтоб через два дня, как штык!

— Ой, какой у нас ты сегодня красивый! — остановилась около меня Лариска, держа в руках баночки для анализов.

— Спасибо матери с отцом, что вышел статью и лицом, — брякнул я, перефразировав дорожную песню Высоцкого, — кстати, а у Марины есть молодой человек, а то она все одна и одна?

— Сам у неё и спроси, — зло фыркнула Лариска, и грациозно покачивая бёдрами быстрым шагом пошла в лабораторию.

Тут из двери, ведущей на лестницу, запнувшись за порог, грохнулся, растяпа — Витюша. Рукопись, отпечатанная на машинке, веером разлетелась по коридору. Однако студент, каким-то чудом извернувшись, в правой руке удержал на весу холщовую сумку с чем-то продолговатым внутри.

— Бутылку коньяка у отца спёр! — довольный своей изворотливостью, сообщил мне практикант, лёжа на полу.

— Давай сюда, пока это все не превратилось в жидкость для протирания паркета, — я принял ценный подарок из рук в руки.

Потом поднял листы с напечатанным текстом и просмотрел начало будущего мирового бестселлера. Ну что, вполне хорошая манера изложения, сочные детали, динамично и легко читается.

— Как? — пританцовывая от нетерпения, спросил Витюша.

— Вот тут вот в боку ещё колит, — я показал место, которое мне не давало полноценно двигаться.

— Да я не про это! — взвизгнул студент, — я про книгу!

— Про какую? — я посмотрел на Витюшу, как на идиота, потом улыбнулся и сказал, — годится!

Мы ещё немного пообщались с практикантом в моей плате, я высказал ему несколько мелких замечаний, потом позавтракали и двинули навстречу судьбе, в редакцию «Пионерской правды». Правда на первом этаже нам путь преградила бдительная старшая медсестра Глафира Тихоновна.

— Вы куда? — расставила она руки, как футбольный вратарь.

— Самуил Михайлович распорядился, чтобы я больше гулял, — соврал я, глядя на женщину честными глазами, — Витюша меня сопровождает, на всякий случай.

— Дальше Лефортовского парка, чтобы не ногой! — погрозила нам Глафира Тихоновна.

— Если вы настаиваете, можем вообще никуда не ходить, — я сел на свободный стул в коридоре.

— А ну отставить! — растерялась старшая медсестра, — если доктор сказал гулять, значит, марш гулять!

— Только из уважения к вам, — я поцеловал ручку Глафире Тихоновне.

Витюша же весь бледный и перепуганный еле-еле выдавил из себя жалкую улыбку и юркнул следом. На улице, минуя Лефортовский парк, мы двинулись на метро Бауманская.

— А как мы узнаем, где находится редакция «Пионерской правды»? — семенил за мной студент.

— Около метро должен быть газетный киоск, — махнул я рукой, — купим последний номер, а там, на последней странице, в самом низу написано, кто главный редактор и адрес редакции. Кстати, — я остановился, — а деньги у тебя с собой есть?

— Сто рублей, — Витюша достал несколько мятых купюр.

Как я и предполагал газетный киоск был в наличии, а что еще рабочему человеку делать в метро, как не читать советскую прессу. Кстати я, где-то в газетах видел, что СССР признали самой читающей страной. Ну, если учитывать, что туалетная бумага в стране дефицит, то без газет, как без воды, и ни туды, и ни сюды.

Витюша протянул в киоск десять копеек, и самый свежий номер печатного органа пионерской организации оказался в наших руках. На первой странице писали про лагерь «Орлёнок», на второй про подвиг юнги. Третью страницу посвятили приближающейся Олимпиаде в Риме. На четвёртой был отрывок из произведения Иосифа Дика «В дебрях Кара-Бумбы».

— Вот, — я ткнул пальцем, — едем на Сущёвскую улицу двадцать один.

— Нам, наверное, надо проехать до метро Новослободская, — промямлил студент.

— Так чего мы ждём? — усмехнулся я и ринулся под землю.

В метро я по диагонали прочитал всю «Пионерскую правду». В своё время, в том мире, в детстве мне нравилось читать произведения Кира Булычёва, про «Лиловый шар» и «Остров ржавого генерала», которые печатали в газете. Все остальные страницы я обычно пролистывал не глядя. В этом номере «Пионерки» можно было вообще ничего не читать.

— Мура, — сказал я, протянув газету начинающему писателю.

Витюша покрутил «Пионерскую правду», но от оценочных комментариев воздержался.

После того как мы поднялись на поверхность столицы СССР, в ближайшем гастрономе купили песочные коржики и полкило пышек к чаю. Никаких французских булок, тортов и бисквитных пирожных в ассортименте, к сожалению, не наблюдалось.

— В редакции, Витюша, нужно вести себя интеллигентно, — дал я последнюю вводную студенту, — как гигант мысли молчишь, многозначительно киваешь, отвечаешь неопределёнными фразами. Всё ясно?

— Уху, — кивнул величаво практикант.

На вахте, спрятавшись за железной вертушкой, путь нам преградил бдительный вахтёр.

— Куда? — гаркнул он, когда я уже практически миновал крутилку, — пропуск!

Я сунул ему под нос корочки с удостоверением члена сборной СССР по баскетболу.

— Стыдно товарищ в преддверии Олимпиады не знать всех спортсменов в лицо! — гаркнул и я.

— Да я ваш этот футбол даже и не смотрю, — отмахнулся бдительный дед.

Я лихо прошёл в коридор, и только тут вспомнил, что Витюша остался там, за вахтой. Я громко хохотнул и тут же вернулся за литературным гением обратно.

— Отец, это со мной, — показал я на понурюю фигуру студента.

— К кому? — дед обеими руками вцепился в крутилку.

Вот что значит нечем человеку на пенсии заняться, а тут всегда народ, всегда можно кого захочешь пустить, а кого не пожелаешь, то нет. Ключевая должность можно сказать.

— Это пресс атташе сборной СССР, — соврал я, — совсем вы тут от жизни отстали. Притупилось в вас чувство важности момента, непорядок!

Дед пару раз крякнул, махнул рукой, давая понять, что путь свободен, и углубился в отгадывание нового кроссворда. Редакция «Пионерской правды» напомнила мне растревоженный улей. Кто-то кричал, что пора сдавать новую полосу, и где материал? Кто-то канючил деньги до зарплаты. В углу рыдала, по всей видимости, новая сотрудница. Телефоны постоянно трезвонили, кто-то куда-то нёс какие-то папки. В соседней комнате стоял стрёкот пишущих машинок.

— Вы по какому вопросу товарищи? — на нас обратила внимания полная женщина с папиросой во рту.

— Мы по вопросу государственной важности, — я отобрал скрученную в рулон «Пионерскую правду» у студента, и показал последнюю страницу этой сотруднице редакции, — к главному редактору, к Т. В. Матвеевой.

— К Татьяне Владимировне? — женщина, не стесняясь никого, выпустила изо рта струю табачного дыма, — вон она.

Мы с практикантом, как по команде, развернулись в указанном нам направлении. Главным редактором оказалась ухоженная женщина лет сорока пяти в деловом сером костюме, состоящем из жакета и юбки. Она вновь что-то объясняла рыдающей девушке.

— Простите за бестактность, — мы со студентом подошли к столу у самого окна, — Татьяна Владимировна, вот рукопись, которая может увеличить продажи «Пионерки» в несколько раз.

Я достал из хлопчатой сумки несколько листов, скреплённых канцелярской скрепкой. Вид они имели уже несколько помятый, что выдавала в них выстраданность литературного материала. Девушка за столом заинтересовано посмотрела на меня, и перестала плакать. Главный же редактор пионерской газеты никакой заинтересованности к волшебной рукописи не проявила.

— Товарищи, вы с ума сошли? — зашипела Татьяна Владимировна на меня, так как Витюша вовремя спрятался за моей спиной, — мы здесь работу работаем! У нас ещё пол разворота не готово! А вы лезете со своими глупостями! Для рукописей есть почта, написали, завернули в конверт, послали! Все понятно? До свиданья!

— На свидание сходить это всегда успеется, — я достал из сумки одну пышку к чаю и протянул ее девушке, которая перестала плакать, — Христофор Колумб ради новых перспектив в торговле поплыл к берегам неизвестной Америки!

Я поднял указательный палец вверх, и дождался, пока все вокруг замолкнет и посмотрят на меня.

— А здесь, — я потряс рукописью в воздухе, — вся Америка с золотом и бриллиантами приплыла в вашу газету сама! Так зачем же сразу отказываться? Или выполнение плана по распространению газеты среди юных строителей коммунизма — это пустой звук?

На самом деле я хотел выразиться более смачно, а именно, хрен моржовый. Но редакция все же была детской, поэтому от резкости формулировок я воздержался.

— У вас ровно минута, — Татьяна Владимировна, поняла верно, что так просто от моей наглой морды не отвязаться.

— Может быть, выпьем чаю, товарищи газетчики, тем более мы не с пустыми руками, — я вынул из сумки два бумажных свертка, один с коржиками, другой с плюшками.

Главный редактор метнула в нас громы и молнии, но судя по всему, против чая в редакции никто не возражал, напротив, все были решительно за. Мы переместились в небольшой закуток отгороженный полками, на которых громоздились толстые и пыльные папки. Содержимое пакетов я вывалил целиком в две большие тарелки. Газетчики с хорошим настроением, из-за возможности поглумиться над очередным литературным «шедевром», бодро расселись по своим стульям. И пока миниатюрный бытовой кипятильник согревал воду в стеклянном графине, я встал как Владимир Маяковский на встрече с трудящимися и начал читать.

— Давным-давно в далёкой-далёкой галактике...

Две минуты я непрерывно тарабанил текст отрывка. Но потом запузырившись вода, и с большим для всех сожалением я стал молча дожидаться, пока кипяток будет разлит по кружкам и стаканам в подстаканниках. Затем каждому туда капнули для цвета содержимое маленького заварочного чайника, и девушка, которая до нашего появления постоянно рыдала, поинтересовалась, услышим ли мы сейчас продолжение или нет? Я выразительно посмотрел на Татьяну Владимировну.

— Пожалуйста, продолжайте, — кивнула главная дама в редакции.

Я глянул на Витюшу, который скромно скрючился в углу, и перед тем как читать дальше, достал из его сумки бутылку хорошего армянского коньяка. Её я водрузил на центр стола.

— По пять миллилитров для аромата не повредит, — прокашлялся я и продолжил историю с того момента, когда джедаи ворвались в замок принцессы Амидалы.

Ещё две минуты из закутка для мелких перекусов слышался мой голос, и иногда кто-то потягивал горячий чаёк и тихо похрумкивал коржиками и пышками.

— «Гипердвигатель повреждён, на ближайшей планете мы должны срочно сделать посадку! — сказал капитан корабля принцессе», — на этом я закончил отрывок из «Звёздных войн», и обвёл взглядом притихших работников «Пионерки».

— А когда будет продолжение? — сразу же высказалась та же юная сотрудница газеты. Обрастаем первыми фанатами, усмехнулся я про себя.

— Любопытный материал, — сказала Татьяна Владимировна Матвеева, — хорошо. Пройдёмте в мой кабинет.

Выходя из импровизированной комнаты отдыха, главный редактор все ещё неоткрытую бутылку коньяка прихватила с собой. Лишь сотрудник, который конючил у сослуживцев деньги, очень сильно погрузился. Остальные потерю презента восприняли более стойко. Кабинет Татьяны Владимировны был небольшим, но уютным. Стол, шкаф, забитый бумагами, портрет Ильича, на подоконнике стоял настольный вентилятор.

— Хорошая рукопись, — задумчиво сказала товарищ Матвеева, — но вы сами видите, объем нашей газеты не велик, всего четыре страницы «А» третьего формата. Ваш роман просто негде разместить.

— Сделайте вкладыш в пятничном номере из одного листа, то есть из двух дополнительных страниц, — я развёл руками, намекая, что проблем быть не может там, где их нет.

— Кстати, а кто из вас автор? — Татьяна Владимировна сначала посмотрела на меня, затем на Витюшу.

— Виктор Прохоркин, — я представил студента, — молодой, перспективный, начинающий писатель.

— А хватит ли таланта, чтобы продолжить роман на заданном высоком уровне? — наконец, главный редактор мило улыбнулась.

— За беспокойство, не беспокойтесь, — ответил я за практиканта, — у Витюши, э... пардон, у Виктора таланта вагон и две маленькие тележки. Можете смело увеличивать тираж газеты!

После нелёгких переговоров о сроках сдачи материала, о гонораре, я вымотался сильнее, чем после дневной тренировки. На улице мы минуту стояли с Витюшей и пили газировку стаканами. Последний стакан я вылил себе на голову.

— Мозги кипят, — объяснил я ему свои действия.

А перед тем, как вернуться в Бурденко мы еще полчаса погуляли по Лефортовскому парку. Деревья уже кое-где вывесили жёлтые листочки. Первое лето в другом мире пролетело практически как один день. Витюша всю дорогу о чём-то напряжённо думал. И лишь когда здание госпиталя выглянуло вдаль, студент решился на серьёзный разговор.

— Я не понимаю! — Прохоркин всплеснул руками, — зачем вам всё это нужно? Зачем вы возитесь со мной? Зачем рассказали мне эту историю, с которой я, скорее всего, стану знаменит? Вам-то это зачем?

— Прямо ответить не могу, — честно признался я, присаживаясь на одинокую лавочку, — могу аллегорично. Так устроит?

Студент горячо затряс головой. Тут на аллею вышла медсестра Марина. Я дружелюбно помахал ей рукой. Девушка покраснела, улыбнулась и ускорила шаг в направлении госпиталя. И пока Витюша провожал глазами, по сей видимости, даму своего сердца я принялся объяснять мотив своих действий.

— Представь двор, где живёт такой персонаж, — я задумчиво посмотрел вдаль аллеи, — вечно пьяный, плохо одетый, но кулаки у него пудовые, любому может, ни с того ни с сего, в ухо заехать. Детей своих лупит за любое слово против, так что следы надолго остаются, жену тиранит. А в квартире у него бардак и свинарник. Такого как, будут уважать или бояться во дворе?

— За что уважать-то, — улыбнулся Витюша, — бояться будут, конечно!

— А теперь представь другого индивидуума, — я неопределённо махнул кистью руки, — красиво одетый, песни пишет, романы сочиняет, и все слушают эти песни и читают эти романы. Жена у него ухоженная красивая, с детьми он пытается решать все миром, даже если и хочется ему их, как следует прижучить. В квартире у него чисто и ремонт изысканный. Кстати, и отпор может дать любому, если нужно. Как к нему будут относиться во дворе?

— Все захотят быть на него похожими, — пожал плечами Витюша, — будут ещё завидовать, и уважать тоже.

— Вот такая получается аллегория, — я встал и направился в Бурденко, — пошли быстрее к ужину, может там кабанчика для меня зажарили?

И мы, со студентом похохатывая над больничным меню, припустили в госпиталь.

На шестой день в госпитале имени Бурденко все сошли с ума. Медсестры драили коридор, завхоз подкрашивал кое-где облупившиеся стены. В столовой постелили новые скатерти. Доктор Самуил Михайлович выпроводил меня на улицу погулять на полчаса. И за это время в моей палате всё отмыли до блеска. Заменили постельное бельё, поставили новый блестящий графин с водой. Привезли капельницу, которая мне была совсем ни к чему, а на подоконник водрузили вазу со свежими цветами.

— Самуил Михайлович, — вмешался я в процесс наведения марафета, — может мне сюда ещё телевизор с проигрывателем пластинок поставить.

— Где я тебе телевизор возьму? — психанул доктор, — а вот проигрыватель — это идея. Лариска! — крикнул он медсестре, — надень новый, открахмаленный халат будешь сегодня здесь дежурить.

— Да что случилось то? — попробовал я порасспросить доктора.

— Ай! — махнул он рукой и убежал на второй этаж.

К середине дня напряжение в госпитале достигло предела. Лариска просто силой уломала меня лечь в кровать, пообещав взамен накормить меня целой кастрюлей супа.

— Начальство высокое едет! Так что прошу тебя, не выпендривайся! — тараторила она, — тебе то что, через день выпишут! А нам потом, если что не так, месяц расхлёбывать.

— Нервные все стали, — буркнул я и попытался уснуть, что я начальства никогда не видел.

Но поспать мне было не судьба. Далеко в коридоре я услышал топот десятка ног, а также громкие веселы разговоры. Ну что ж, весёлое начальство лучше, чем без чувства юмора, если веселье конечно от чистого сердца, без фиги в кармане. И тут дверь в мои временные больничные покои с шумом распахнулась. Первым в палату влетел доктор Самуил Михайлович за ним подвижный и лысоватый первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв, которого сопровождали кроме охраны Брежнев, Косыгин и Суслов. Я обратил внимание, что у Лариски, которая держала бесполезный журнал, руки нервно подрагивали.

— Это наша лучшая палата! — запел соловьём доктор, — лучшая наша медицинская сестра...

— И лучший наш больничный пациент, — продолжил я мысленно тираду доктора.

Кстати на Лариску, как на женщину в самом соку, единственный из всех сопровождающих первого секретаря среагировал Леонид Ильич Брежнев. Косыгин и Суслов наоборот внимательно, взором учёных естествоиспытателей, разглядывали меня. А что будет, если ему надавить на живот, — вопрошал их взгляд. Никита Сергеевич, между тем, присел рядом с моей кроватью.

— Ну, здравствуй, — излучая оптимизм начал он, — я смотрю, наша советская медицина творит чудеса! Пока вражьи голоса там, на западе, клеветают, что член сборной страны погиб, а он вот! Жив, здоров и упитан!

Хрущёв потрепал меня за щеку, как откормленного на убой поросёнка.

— Может, в космос меня ещё хотите запустить? — пробурчал я.

Никита Сергеевич весело захохотал, само собой, пришлось засмеяться всем, кто втиснулся в мою палату.

— Шутник! Молодец! Я шутников люблю! — похохатывая, сказал первый секретарь.

— Могу ещё и анекдот рассказать, — улыбнулся и я.

— Ну? — Хрущёв расслабленно раскинулся на стуле.

— На празднике пионер дарит первому секретарю партии цветы, то есть вам, — я переместился так, чтобы моя спина упёрлась в спинку кровати, — а правда, что вы запустили не только спутник в космос, но и сельское хозяйство? Спрашивает он. Кто тебе это сказал? Удивляется Никита Сергеевич. Папа! Весело отвечает пионер. Передай своему папе, что я умею сажать не только кукурузу!

В палате зависла напряжённая тишина. Цвет лица первого человека в государстве медленно стал меняться с розового на багровый. Хрущёв подскочил со стула.

— Это тебе отец рассказал! — взвился он.

— Я бы ему предал ваши пожелания, к сожалению, я из детского дома, — быстро ответил я.

— Это все вражьи голоса клеветят! — сам себя стал распыхивать Никита Сергеевич, — мерзавцы! Сволочи! Да у меня урожай хлеба в прошлом году целых 125 миллионов тонн! У меня только за счёт целины прибавка в сорок процентов! А одна Рязанская область почти три плана по мясу дала! Да мы все прилавки в магазинах продуктами скоро завалим!

— Знаю, читал я про Рязанскую область, — я махнул рукой, — этот ваш областной начальник у всех частников всю животину подчистую выгреб. Всех дойных коров и телят на убой отправил, да ещё и на стороне мяса прикупил. В следующем году на Рязани после рекорда липового голод начнётся.

Хрущёв, задыхаясь от злости, и не зная, что ответить, открыл рот.

— А что касается целины, — я решил добить первого секретаря, — то там не сегодня, завтра пылевые бури разыграются. Да и из этого урожая больше половины сгниёт, так как, когда целину распахивали, про зернохранилища, элеваторы эти никто и не подумал. Добавьте до кучи кукурузу, которую посеяли вместо ржи в Сибири и на Урале, которая там элементарно не дозреет, и в следующем году вместо забитых полок в магазинах, на прилавках будет шаром покати. Стихийные народные бунты начнутся. Очереди за хлебом в километр.

— Клевета! — взвизгнул Никита Сергеевич, — да тебя как врага народа за эти слова надо в лесок вывести и пулю в затылок... Да если бы тебя не надо было на Олимпиаде представить всей мировой общественности, я бы тебя самолично...

— Вот уж пустяковая проблема, — я усмехнулся, — нашли бы двойника, делов-то всего на копейку.

— Где мы тебе двойника за неделю найдём? — проговорился товарищ Суслов.

— Вот если не можете найти двойника, — ответил я, — то срочно езжайте в Рязань и разруливайте свои косяки. И на целине пока не поздно спасайте урожай!

— Ненавижу! — завизжал Хрущёв, — сволочь! — ткнул он в меня пальцем, — педераст!

После такой горячей отповеди вся кавалькада высокопоставленных чиновников вывалилась из моей платы. А я сразу же почувствовал сильный голод. Как же меня притомил мой бездонный желудок. Когда шаги членов политбюро стихли, Лариска камнем бросилась на меня и впиалась своими губами.

— Это за что? — выдохнул через несколько секунд я.

— У меня родня в Рязанской области живёт, — смутилась медсестра, — ты всю правду сказал.

— За правду можно и поцеловать, — улыбнулся я.

И как только Лариска наклонилась, чтобы повторить поцелуй, в палату, как коршун, влетел Самуил Михайлович. Убью, зарежу, читалось в его глазах.

— Живо собирай манатки и вон из моей больницы! — крикнул доктор.

— А как же ваша статья, где вы одними примочками человека с того света вытащили? — сказал я вытирая рукой Ларискину помаду со своих губ.

— Вон! — завопил Самуил Михайлович.

До загородной спортивной базы, где перед Олимпиадой расквартировалась вся сборная СССР, я добрался ближе к вечеру, успел к самому главному событию — к ужину. Несколько рядов длинных столов, где каждой команде было отведено отдельное место, были заполнены под завязку. Что вполне объяснимо, так как какие могут быть рекорды без качественного спортивного питания? Я ввалился в столовую прямо с чемоданом.

— Богданыч! — окликнули меня от столика, где ужинали штангисты, — зачем чемодан в столовку принёс?

— Это чтобы два раза за добавкой не бегать, — хохотнул я и двинулся к своим баскетболистам.

— Богданыч! Живой! — накинулся на меня боксёр легковес Боря Никоноров, невысокий метр шестьдесят парень с открытой и обаятельной улыбкой.

Я выставил две ладони на вытянутых руках вперёд, имитирую боксёрские лапы. Боря же отработал, как полагается два раза кинул джеб левой рукой и закончил комбинацию правым боковым в мою правую ладонь.

— Хук слабоват, — потроллил я боксёра.

И вдруг меня со спины кто-то приподнял примерно на метр над полом.

— В следующий раз, когда захочется помахаться, — прогудел силач Юрий Власов, — ты хоть за помощью к нам обращайся. Нам ведь здесь на сборах по вечерам как раз делать нечего.

— Поставь, где стоял, — прохрипел я.

Юра испугано меня вернул обратно. Я еле сдержался, чтобы не закричать, так как тело все ещё продолжало болеть в разных местах.

— Я понимаю, ты от всего сердца, но зачем же доламывать, — усмехнулся я.

— Извини, не подумал, — смутился Власов.

Затем меня, как мягкую игрушку помяла вся сборная по баскетболу. И в довершении девчонки из команды по спортивной гимнастике облобызали моё лицо, тренируя встречу с любимым человеком.

— Ну, рассказывай, — попросил кто-то из-за спины, когда я уселся на своё законное место в столовой.

Я огляделся, надо мной сгрудилось человек двадцать из разных видов спорта.

— Да всё просто, — я успел ухватить бутерброд с маслом, — упал, очнулся, смотрю, студент практикант в белом халате в лицо мне марлей тычет.

— А дальше? — спросил Боря Никоноров.

— А дальше, — я проглотил ещё один бутерброд, — современные медикаменты и красивые медицинские сестрички, которые ухаживали за мной, сделали своё целебное дело.

— Сестрички то очень красивые? — не отставал боксёр легковес.

— Во! — я показал руками примерно, какого размера была грудь у Лариски.

— Вай-вай, — запричитал Гурам Минашвили, — это мой любимый размер!

— Фу пошляки, — прыснула от смеха гимнастка Маргарита Николаева.

— Дайте человеку поесть! — вмешался в дружеский допрос коллег по сборной Корней.

И все с неохотой стали разбредаться кто куда. Однако уже через полчаса в нашу, совместную с ассистентом главного тренера Коневым комнату, снова потянулись любопытные «носы». Я по семь раз рассказывал, как травмировался, как лечился, как себя чувствую. Спел пару песен под гитару. Лишь ближе к отбою ко мне зашёл Спандарян.

— Богданыч, скажи по правде, тренироваться сможешь? — спросил он.

— Я постараюсь, Степан Суменович, — ответил честно я.

Спандарян задумчиво побрёл в свою комнату. И тут в коридор вышел Юрий Корнеев.

— Ты это, не раскисай, всё будет окей! — улыбнулся он и протянул мне мой амулет от Тьмы, — я на него цепочку сделал серебряную.

— Ну, Корней, — я даже растерялся, — ты даже не представляешь, как мне дорога эта вещица. Даст Бог, рассчитаемся!

На следующий день, во время игровой тренировки стало окончательно понятно, что я уже не тот. Бросать мне было сложно, так как любые резкие движения вызывали боль. Пока сижу без движения, ничего не болит. Можно даже побегать в одном прогулочном темпе, трусцой. Но вести мяч резко меняя направления движения, ускориться и выпрыгивать было просто невозможно.

— Давай на базу, — печально сказал мне Суренович, видя, как лицо моё искажает гримаса боли и на лбу от напряжения выступает испарина, — работай индивидуально на своё усмотрение.

От досады, вдруг Корней со всей силы долбанул мячом в пол.

— Суки! — коротко высказался он.

— Простите парни, — пробурчал я и медленно поплёлся на выход.

На загородной базе я сначала посетил столовую, где меня покормили тем, что осталось от обеда. Затем я взял мяч и пошёл отрабатывать самый простой бросок со штрафной линии. От безнадёги я загадал, если хотя бы раз из трёх попыток попаду, то успею к Олимпиаде хотя бы частично восстановиться, а если нет, то придётся ехать туристом. Я ещё раз провёл разминку, делая некоторые упражнения через боль, и выполнил первый штрафной. Мяч предательски поскакал по дужке кольца и вывалился прочь. Перед вторым броском я несколько раз повторил траекторию движения руки, и бросил. Мяч попал в щит, от которого отскочил в переднюю дужку и медленно по асфальту поскакал ко мне. Перед третьим броском я закрыл глаза и представил, как баскетбольный снаряд по хорошей дуге летит и легко опускается в корзину, красиво шаркнув сетку.

— Делай! — буркнул я себе под нос и бросил.

И мяч, как в сказке опустился прямо в баскетбольное кольцо. Первое очко после своего третьего дня рождения, обрадовался я. Дальше дело пошло веселей. Бросать было хоть и больно, но вполне терпимо. И пока я разрабатывал базовые бросковые навыки, мимо моей одинокой фигуры пронеслась в колонне по одному команда боксёров.

— Абрамов за старшего! — крикнул своему тяжеловесу главный тренер Сергей Щербаков.

Он отделился от команды боксёров и подошёл ко мне.

— Что, больно бросать? — догадался он, видя напряжение на моём лице.

— Любое ускорение через боль, — грустно ответил я.

— Зимой сорок второго года, — начал рассказывать Щербаков глядя куда-то вдаль, — я воевал в диверсионном отряде. Нашей задачей было скрытно проникать в тыл на вражескую территорию и вести там подрывную работу. Как-то заминировали мы два дота. Рванули первый, потом второй и тут как даст осколок в ногу. Я шепчу: «Гриша, мне ногу оторвало». А он: «Да нет, цела нога». Только сапог снять нельзя. В медсанбате говорят отрезать ногу надо, гангрена, иначе труп. Дали время до утра подумать. И снится ночью мне друг покойный, с которым вместе на фронт уходили, и говорит: «Не давай ногу резать. Отступит гангрена. Я за тебя там похлопотал».

— А там это где? — на самом деле заинтересовался я.

— Там, это у Бога, — шепнул тренер боксёров, — страшно было, и нога опухла так, как будто она килограммов сто весит. Я врачей просто умолял её оставить. Они у виска

покрутили, сказали, что я дурак. А гангрена взяла и сама отступила. Потом тоже нелегко было ногу разрабатывать. Но как видишь целёхонький я. Чемпион СССР по боксу с 1944 по 53 годик.

— Занятно, — пробубнил я.

— Если там, на небе, за тебя похлопотали, — Щербаков ткнул пальцем вверх, — нужно быть полным идиотом, чтобы здесь, на земле, всё просрать. Работай парень, терпи.

Тренер похлопал меня по плечу и побежал догонять свою команду.

— Сергей Семёнович! — крикнул я вслед фронтовику, — вы Никонора не гоняли бы в свитерах и шапках, зачем ему сейчас вес держать, скинет он его за четыре дня перед боями. Измотаете парня почём зря.

— Не учи отца еб..., - ответил мне, посмеиваясь Щербаков.

* * *

Уже больше месяца Наташа Маркова отработала в Алуштинском курзале на танцах. Хорошо хоть всей группой удалось поселиться в трёхкомнатной квартире, где можно было принимать ежедневно душ. Конечно, такая роскошь влетала в копеечку, но сейчас денег в чемодане скопилось столько, что их уже даже перестал считать занудный Вадька Бураков, которого Богдан оставил за старшего. От самого Богдана пришло лишь пару телеграмм, что всё у него хорошо, готовится к Олимпиаде, всем передаёт приветы. А сегодня в самый особенный день ничегошеньки он и не написал. Вот так бы двинула бы ему по голове, за то, что забыл про мой День Рождения, сердилась с самого утра Наташа на своего любимого человека.

Чтобы хоть как-то спастись от августовского жаркого крымского солнца в квартире каждую ночь открывали окна настежь, а утром наоборот закрывали их и, как следует, зашторивали. Вот и сейчас по комнатам струился тусклый солнечный свет, окрашенный в зеленоватый оттенок из-за цвета штор.

— Санька освобождай ванну! — стукнула пару раз в дверь заветной комнаты Ирина Симонова.

— Дайте человеку подумать о вечном! — раздался из-за двери приглушенный голос Земаковича.

— А я, между прочим, предупреждал, — пробасил басист Вадька Бураков, который меланхолично гладил утюгом через газетку свои джипсы клёш, — что вчерашний килограмм абрикосов, Зёма, выйдет тебе боком.

— Мне тоже погладь джипсы, пожалуйста, — из комнаты мальчиков вышел Толик Марков, — Зёма имей совесть!

Толик для убедительности легонько ногой пнул в дверь совмещенного санузла.

— Меньше нужно спать! — поддела родного брата Наташа, — я в отличие от тебя душ уже приняла.

— И как с такой занозой, как ты, Богдан жить собирается, я просто не представляю, — огрызнулся Толик.

Наташа на мгновение отвлеклась от наведения лёгкого макияжа перед большим зеркалом, единственным в главной, общей комнате и первое, что попало под руку, запустила в брата близнеца. И хорошо, что этим первым было обычное румяное яблоко.

— Спасибо, — Толик исхитрился поймать его, и жадно с треском откусил большой кусок сочного плода.

Наконец из ванны показалась всклокоченная рыжая голова Саньки. Он хитро поозирался, нет ли угрозы для жизни, и выскочил в большую комнату.

— Я всё придумал! — крикнул он.

В совмещенный санузел с разных концов квартиры рванули Толик и Ирина. Маэстро хоть и оказался первым на финише, однако он резко притормозил и открыл для девушки двери настежь.

— Прошу, — галантно поклонился он.

— Подумаешь, — хмыкнула Симонова, и по-королевски вошла в ванную.

— Меня что, здесь совсем никто не слушает? — взвился Санька.

— Да слушаем мы тебя, — сказал Вадька, откладывая свои поглаженные джипсы в сторону, — куда ж тебя девать.

— Сейчас все вместе мчимся в Симферополь, — начал загибать пальцы Зёма, — покупаем билеты на самолёт, летим в Москву и там, в ресторане, пригласив Богдана, гуляем двойное День Рождение. Крутяк?

— Как я соскучилась по Москве, — протянула, потягиваясь, Наташа, — но идея так себе.

— Это чего это? — Земакович смешно подпрыгнул на месте.

— А того это, — передразнил его Вадька, — Богдан сейчас может быть вообще на сборах в другом городе. Кстати, вчера с Тоней по телефону говорил. Представляете, они для сборной СССР на фабрике делают джипсы красного цвета!

— Гениально! — забегал Санька по комнате, — как мне самому эта идея в голову не пришла? Выходим на сцену все в красном, народ в полном отпаде! Жи-джу, бу-бу-бу-бам!

Земакович изобразил сбивку на ударниках.

— Что ещё Тоня рассказывает? — спросил Толик, передавая другу Вадьке свои концертные джипсы.

— Говорит, слухи по Москве разные гуляют, — Бураков набрал в рот воды и прыснул ее изо рта на газетку, через которую принялся наглаживать концертные штаны Толика, — дескать, штангист Юрий Власов вместе с боксёрами сборной СССР избил целую роту солдат.

У Наташи вдруг от нехорошего предчувствия заныло сердце. Ведь вся сборная проживает в одном месте, подумала она, это значит, где такие драки, там точно Богдан замешан. И что ему спокойно не живется? Почему он постоянно размахивает кулаками? Главное чтобы был живой, подумала Наташа.

— Враньё, — махнул рукой Санька, — да главное, какой смысл?

— Был бы повод, смысл найдется, — хохотнул Толик Маэстро.

Ближе ко второй половине дня, после долгих безрезультатных споров друзей было решено больше ничего не выдумывать, а просто после очередной дискотеки устроить День Рождение Толика и Наташи Марковых прямо здесь в курзале. Эту идею им предложил Мимино, то есть Саша Мкрчан, который пообещал накрыть шикарный стол и устроить очень хороший сюрприз. А чего бы ему не расстараться, думала Наташа, сделали уже два месячных плана. Заполняемость лучших в Алуште танцевальных вечеров почти три тысячи человек, билеты по сорок рублей уходят влёт!

— Ребятушки, ребятушки, — суетился толстый и смешной директор курортного зала, —

сегодня начинаем дискотеку в шесть часов вечера! А в девять уже сядем за стол, шашлык, фрукты, шампанское...

— У нас сухой закон, — печально заметил Вадька Бураков.

— По глоточку, по глоточку можно, — пропел высоким голосом Мимино.

После того как от ВИА «Синие гитары» временно откололся создатель группы Богдан, пришлось найти замену среди местных алуштинских музыкантов. Хороший мальчик, старательный, думала во время танцевального вечера Наташа. Буквально с первого дня он, Серёжа Башминов, запал на Ирину. И как она над ним только не изгалялась, и туда пошлёт и сюда, то одно ей надо принести, то другое. Между репетициями постоянно слышалось от Симоновой, Серёжа принеси стакан газировки, Серёжа сходи, пожалуйста, за мороженым, Серёжа здесь за углом персики такие вкусные продают. Наташа, конечно, попыталась с подругой поговорить, если тебе человек не интересен, скажи ему прямо об этом, зачем его туда-сюда шпынять.

— А я его влюбляться в меня не просила, — просто отмахивалась Ирина.

— Ты из-за Толика теперь на всех парней будешь обижена? — настаивала Наташа.

— И из-за Толика тоже, — отвечала упрямая подруга.

Кстати, у самого Толика поклонниц в Алуште было, наверное, с сотню. Из-за чего он периодически на пару дней куда-то пропадал, это тоже нервировало Наташу. Все же пусть и непутёвый, но родной брат, мало ли что может произойти.

— И последняя на сегодняшнем танцевальном вечере композиция! — сказал в микрофон, обаятельно и широко улыбаясь, Толик Маэстро, — «Звезды над Москвой»!

Без Богдана, который исполнял в конце «Дым над водой», теперь каждая дискотека заканчивалась этой медленной песней. Как показала практика, публике всегда в начале вечера нужно дать как можно больше напрыгаться под быстрые мелодии, а под конец можно запустить и несколько медляков подряд.

— Летний тёплый вечер Был у нас с тобой, — запел красивым мелодичным голосом Толик, — Нам шептали нежно Звёзды и прибой...

Блин, как хочется в Москву, окунуться в крепкие руки Богдана, подумала Наташа, подпевая на бэк-вокале брату. И как я устала от этих концертов. Каждый день одно и то же. Всё сегодня серьёзно поговорю с ребятами, нужно срочно возвращаться домой. Отдохнуть и от солнца, и от моря, и от музыки.

— Звёзды над Москвой, как твои глаза, Не забыть тебя, не забыть тебя, — продолжал петь Маэстро, — Звёзды над Москвой горькая слеза...

И Наташа снова вспомнила, как они с Богданом встретились в детском доме, куда его привели в костюмчике, на котором заплатка стояла на заплатке. И какой он был шалопай, пока не упал с крыши. Не то чтобы он сильно изменился внутренне, но как-то резко поумнел, заиграл на гитаре, стал сочинять песни. Иногда Наташа себя ловила на мысли, что это вроде бы одновременно и он, но и как будто совсем другой человек. И от этого он стал для неё ещё лучше.

— Bravo! Bravo! Bravo! — кричали посетители дискотеки.

Весь вокально-инструментальный ансамбль вышел к краю сцены, и ребята дружно сделали общий поклон, после чего быстро убежали в подсобное помещение. Нужно было переждать пока Мимино убедит публику покинуть курзал. Обычно на это уходило от пяти до десяти минут. Обязательно находился кто-нибудь, кто требовал продолжения банкета, тогда к этому весельчаку подходил наряд милиции и предлагал перенести банкет в их

гостеприимное отделение.

И лишь спустя пятнадцать минут на танцпол вынесли несколько столов, которые составили один за другим и накрыли одной большой белой скатертью. Затем Саша Мкртчян занёс большую кастрюлю, из которой выглядывали шомпола с шашлыком из баранины. Вокруг тут же разлетелся запах жареного мяса и острого уксуса. Потом на столе появились фрукты, нарезанный дольками арбузы и дыни, виноград и персики. Несносный Толик привёл на праздник свою новую подругу. Ей оказалась отдыхающая в местном санатории «Рабочий уголок» девушка из Ленинграда, Вера. На вопрос Наташи, зачем ты сюда свою двадцатилетнюю старушку пригласил? Брат просто посмеивался, напирая на то, что ты в этом ничего не понимаешь.

Кроме названной Веры и нового временного гитариста Серёжи, на Дне Рождения присутствовало всё семейство суетливого, но доброго Саши Мкртчяна. Жена, две дочери, двадцати и восемнадцати лет, и десятилетний сын. Наташа долго сомневалась, что надеть на праздник, толи джипсовую юбку, толи сами джипсы клёш, толи единственное элегантно облегающее фигуру чёрное платье. Выбор пал на последний наряд, пару старых цветастых простеньких платьев она не рассматривала. Ирина же наоборот надела джипсовую юбку до колен с приталенной синей рубашкой.

— На тебя что не надень, всё идёт, — сказала своей подруге перед дискотекой Наташа.

— Ладно, — посмеиваясь, отмахивалась Ирина, — с твоей фигурой хоть сейчас в дом моделей! Платье повседневное, в его оформлении используются ткани двух расцветок.

Ирина изобразила, что все это говорит в микрофон.

— Силуэт мягкий с небольшим прилеганием, — подыграла ей Наташа, — модная деталь — кокетка!

Обе девушки дружно прыснули от смеха.

— В Москве закажем Тоне что-нибудь новенькое, — отсмеявшись, сказала Наташа.

— Правильно, — выдохнула Ирина, — а то совсем надеть нечего.

— Как нечего? — удивился Санька, — у нас же самые моднявые в Алуште концертные костюмы! Мне за штаны уже пять раз тысячу рублей предлагали!

— А сколько тебе нужно заплатить, чтобы ты со своими глупостями не встревал? — вдруг психанула Ирина.

— А я чё? — удивился Зёма, — я ни чё.

За праздничным столом, открыв бутылку шампанского и разлив всем по чуть-чуть, первый тост взялся произнести директор курзала Саша Мкртчян.

— Мы восхищаемся красотой и величием природы! — улыбаясь, начал Мимино, — так давайте пожелаем нашим именинникам всех благ: озёрной чистоты помыслов, горной мощи здоровья, радужного счастья и вулканической любви! Ура!

— Ура! — громче всех заорал Санька Земакович, — Маэстро за тебя!

— Наташа, поздравляю тебя, — тихо шепнула подруге Ирина.

— Мама я тоже шампанского хочу! — заголосил младший Мкртчян.

— Вот тебе лимонад! — придвинула фужер сыну супруга директора курзала.

— Я хочу шампанского, — заревел сынуля.

— Цыц я говорю, — цыкнул на сына глава семейства, — а теперь мой большой сюрприз! Девочки помогите мне, — обратился он к дочерям.

Девушки вынесли из подсобки большой моток материи и растянули его на сцене так, чтобы из зала не было видно, что происходит за ним. Весь народ напряжённо замер. А

Санька от неожиданности открыл рот. Мимино загадочно прошёлся взад и вперёд перед импровизированным занавесом, хитро улыбнулся, поднял руку вверх и резко бросил её вниз.

— Открывай! — высоким голосом скомандовал старший Мкртчян.

Его дочери опустили полотнище и все ахнули. У микрофона с гитарой в руках стоял Богдан Крутов.

— Едрит ангидрит, — пролепетал Зёма, — Богдаша!

Не знаю, подействовали ли на меня слова главного тренера боксёрской сборной Сергея Щербакова, либо я сам попривык к боли, но бросок ко мне вернулся. Даже процент попаданий подрос. Вот с дриблингом, с рывками проблемы до сих пор сохранялись. Но на минуту другую я в любом матче мог выйти на замену и забросить парочку дальних выстрелов. Даже Суменович немного повеселел, всё же с него за результат спросят, а не с меня.

За два дня до Дня Рождения совей любимой девушки и лучшего друга я начал постепенную бомбардировку главного тренера.

— Суменович, на день отпусти, в Алушту слетаю, — канючил я.

— Куда ты слетаешь? — хлопал глазами Спандарян, — мы в Рим вылетаем не сегодня, завтра, видать тебе совсем все мозги отбили.

— Есть немного, теперь на всю жизнь останется косоглазие, — соглашался я со всем претензиями тренерского штаба, — я на пару часов друзей с Днём Рождения поздравлю и обратно.

— Если ты случайно не прилетишь в Рим, — переходил на повышенные тона главный тренер, — то меня из сборной прямиком отправят тренировать команду чукотских оленеводов! А я, между прочим, языка ихнего не знаю.

— Если что пойдёт не так, — качал головой я, — меня самого пошлют играть в команду колымских золотодобытчиков. Ну, так как, отпускаешь?

— Иди ты на х...! — психовал Суменович.

— Значит, таможня дала добро, — догадался я по глазам.

Однако с базы сначала я заехал в нашу измайловскую загородную хибару, проведать Прохора, ну и заодно кота Ваську. Картина, которая мне предстала, была далека от радужной. Нет, с котом было все окей, тем более я сразу с порога открыл для него чудный кошачий деликатес под названием «Килька в томате». Но в помещении я сразу почувствовал запах алкогольного перегара. Прохора я застал сидящим в единственной большой комнате за столом с ножом в руках.

— Здоров, Богдаша! — улыбнулся ветеран войны, — ложки и тарелки для соседей вырезаю, надо же на что-то жить, — сказал он, показав мне свои изделия.

Я подошёл и тепло поприветствовал человека с золотыми руками.

— Здравствуй Прохор, а что это за аромат такой «неизвестный» в комнате делает? — улыбнулся я, — новый мужской дезодорант?

— А? это, — улыбнулся ветеран, — это гость вас тут один третий день дожидает, — Прохор махнул в сторону, где располагались наши двухъярусные кровати, — а мне чего, мне одному скучно, пускай живёт, коль человек хороший.

Я отдернул занавеску и увидел, как на моей нижней кровати сном праведника спал Владимир Семёнович Высоцкий. На соседнем койко-месте лежала его гитара, из-под которой выглядывал ворох полностью исписанных почеркушками бумажных листов. На полу, в самом углу, стояло три пустых бутылки «Столичной водки».

— Володя говорит, что так лучше пишется, — с виноватым видом ответил вместо барда Прохор.

— Значит, ложки для соседей вырезаешь, — я обратно задернул занавеску и вернулся к

столу, — ну Вадька, я с тобой поговорю!

Я легонько стукнул кулаком по столу. Укатили значит мои красавцы на юга, а Прохору и Ваське ни копейки денег не оставили, ладно не оставили, когда у самих не было, а выслать потом через почту, не судьба?

— Вот триста рублей, — я выложил все свои деньги, кроме заначки на билеты на самолёт туда и обратно, — через пару дней получишь ещё перевод на почту до востребования, — сказал я Прохору. А Высоцкому передай...

— Что нужно передать мне, — из-за занавески появился сам бард, — Богдаша! — раскатистым хриплым голосом зарычал он, — дай я тебя обниму!

Владимир Семёнович помял меня как следует. В это время Прохор принёс чайник с кипятком из кухни. У меня ещё оставалось, полчаса свободного времени, и я присел за стол, на котором недоделанные деревянные ложки и тарелки мы сдвинули в сторону.

— К чаю ничего нет, — грустно сказал ветеран войны.

— Будет, — я положил свою ладонь на крепкую мозолистую руку Прохора, — всё будет. Рассказывай, какими судьбами? — обратился я к Высоцкому.

— Плохо всё Богдаша, — поэт сделал глоток горького крепкого грузинского чая, — песни не пишутся. В театре Пушкина ролей нормальных не дают. Изуля уехала в Ростов-на-Дону. Я как в заколдованном круге. Куда не сунься везде тупик.

Я тоже сделал пару глотков чая. Чем же я могу помочь Высоцкому? Театра на Таганке ещё нет. Денег ему дать, так пропьёт. Да и не приносят удачи деньги, которые ты сам не заработал. Может быть, сделать так? Подумал я.

— Есть одна идея, — сказал я будущей звезде сцены, — будет тебе пьеса, будет тебе роль, будет и какао с чаем.

— Чё? — не понял меня Высоцкий.

— Сейчас главное в Риме победить, — я встал, пожал руки Высоцкому и Прохору, — после Олимпиады всё решим.

— А если проиграете? — спросил уже веселее бард.

— Тогда можете смело считать меня коммунистом, — усмехнулся я, — как говорили перед смертельной атакой на фронте.

— Никто так не говорил, — сурово прорычал Прохор.

— А как? — спросили мы хором вместе с Высоцким.

— Отче наш спаси и сохрани, — ветеран войны отвернулся и посмотрел в окно.

Я выскочил на крыльцо дома, ещё раз помурсыл кота Ваську, и мысленно попросил у пушистого обжоры, чтобы он тоже помолился своим кошачьим Богам за меня. Когда я уже подошёл к калитке на крыльцо вылетел Высоцкий.

— Богдаша! — крикнул он, — подкинь мне строчку для новой песни.

— Рвусь из сил, — я задумался на мгновенье, — из всех сухожилий, Но сегодня опять как вчера, Обложили меня, обложили, Гонят весело на номера!

— Это же охота на волков! — догадался Владимир Семёнович.

Из аэропорта я позвонил в Алушту Саше Мкртчяну, чтобы он собрал ребят после дискотеки в курзале, и пообещал устроить им сюрприз. Уже в самолёте я лихорадочно соображал, что же мне такое особенное подарить Наташе и Толику? Денег нет. А чтобы купить что-нибудь нужное, всем известно, что нужно сначала продать что-нибудь не нужное. А чтобы купить это не нужное — денег нет. Я посмотрел на облачное покрывало, которое растелилось за стеклом круглого иллюминатора. И мне сама собой пришла на ум

известная в конце семидесятых композиция группы «Smoki» «What Can I Do». Что я могу, что я могу сделать?

— Что я могу? Что я могу? — я пропел про себя, — Я попал в заколдованный круг, почему всё не так вокруг? Что я могу...

Припев на два с минусом, будущие строители коммунизма распнут за такое упадничество быстрее, чем иудеи Христа. А может попробовать так!

— Но верю я! Верю я! Словно феникс, огнём дыша, Возродиться моя душа! — я вновь припев пропел, тихо бурча себе под нос.

Это конечно не вместо сердца пламенный мотор, но так будет гораздо повеселее, решил я и углубился в скучное сочинение песенного текста на заданную музыку.

* * *

Наташа, когда Богдан появился на сцене, готова была просто подскочить от нахлынувших на неё чувств, но сдержалась. Ибо нечего, сколько можно надо мной издеваться, решила она, за всё время всего две телеграммы!

— Уважаемые мои именинники, — сказал Крутов со сцены, — проездом из Москвы в Рим, со специальным подарком для вас, выступает... В общем ария московского гостя.

— Богдан почти все песни написал для ВИА, — шепнул Толик своей новой подружке Вере.

— Даже не верится, какие вы все молоденькие, — пролепетала девушка.

Богдан ударил по струнам и сыграл небольшой проигрыш для вступления.

— Высоко в облаках пролетает мечта, На осколки разбив, замок снов из дождя, — на очень запоминающуюся и красивую мелодию пропел чуть-чуть хрипловатым голосом первые слова Крутов, — Разметав на обрывки из радуги мост, Пролетает мечта, как проходит любовь.

Странно подумала Наташа, слово любовь вроде ни с чем не рифмуется, а звучит гармонично.

— Но верю я! Верю я! Словно феникс огнём дыша, возродиться моя душа! — Богдан, по всей видимости, начал исполнять куплет, — Но верю я...

Первым из-за стола выскочил Толик, в три широких шага он запрыгнул на сцену и взял свою гитару. За Маэстро следующим рванул к ударной установке Санька. Третьим понуро поплелся за друзьями Вадька, не любил он играть с листа, импровизировать.

— В заколдованном круге бегут мои дни, — Крутов запел второй куплет, уже под импровизированное соло второй гитары и легкую сбивку на хай-хэте и рабочем барабане, — Вечера так унылы, беспокойны так сны. Серый дождь нудно шепчет — тебе не уйти, Заколдованный круг закрывает мечты. Но верю я! Верю я!

К припеву уже на акустической басушке подключился Вадька. Вся песня, конечно, ещё выглядела сыро, но новый хит будет что надо, подумала Наташа, тем более, если я исполню припев более высоким голосом. Временный ритм гитарист Серёжа Башминов, пока ребята музицировали со сцены, посмотрел на Ирину, на то каким огнём блестят её глаза и всё понял, что ему здесь ничего не светит. В конце песни Санька выдал неуместное барабанное соло.

— Песня зашибачая! — громко выкрикнул Земакович.

— С днём рождения! — крикнул я после того, как Зёма перестал изгаляться над ударником.

Я спустился со сцены, и только сейчас Наташа с визгом кинулась мне на шею. Где-то минуту мы целовались. Первым не выдержал целовальной паузы Саша Мкртчян.

— Давайте все за стол! — он подлил по чуть-чуть шампанского в бокал каждому, кроме своего единственного наследника, — кто идёт по прямой дороге, не устанет! Так давайте выпьем за то, чтобы наши именинники находили всегда правильный путь!

Хорошо, что обжорная болезнь у меня прошла, на банкете я ел не больше и не меньше остальных. Вадьке я дал наказ переслать денег Прохору в Москву. А Наташа меня весь вечер пытала, кто с кем у нас на базе подрался?

— Посмотри мне в глаза и честно ответь, — в третий раз потребовала моя подозрительная подруга, — ты точно там ни с кем не дрался? Точно с тобой всё хорошо? Ну, смотри у меня!

Из-за праздничного стола мы с моей ненаглядной ускользнули раньше всех. Так как хотелось побыть наедине, ведь уже в четыре утра мне нужно было как-то добраться до Симферополя, чтобы первым же самолётом вылететь в Москву.

Только блёклый лунный свет проникал за неплотно задёрнутые шторы и струился по нашим потным обнажённым телам. Кровать скрипела так безжалостно громко, что я не выдержал и перенёс матрас с постельным бельём прямо на пол. А дальше были только объятия, поцелуи и ритмичные, то очень быстрые, то совсем медленные шлепки наших тел друг о друга.

— Скажи честно, — глубоко дыша, в короткий миг передышки, спросила меня Наташа, — тебе очень нужно ехать в Рим на Олимпиаду.

— Очень, — я, тоже набираясь сил, откинулся на спину, — для всех нас очень нужно победить. Сразу одним махом решим множество проблем.

— Ну, тогда, хватит отдыхать, — хохотнула она и залезла на меня сверху, — перед соревнованиями лишних тренировок не бывает.

И мы вновь слились в долгом поцелуе, который мне продолжал ещё долго сниться в самолёте рейсом Симферополь — Москва.

25 августа 1960 года открытие семнадцатых Олимпийских игр, я, как и все другие члены сборной встречали в подтрибунном помещении Олимпийского стадиона в Риме. Ждали специальной отмашки, когда нашей колонне наступит момент пройти круг почёта по стадиону.

Прилетели же мы в вечный город за неделю до стартов. Кстати, в день вылета в команде появилось ещё двое новых членов. Это спортивный врач Олег Маркович Белаковский, который работал больше с футболистами и хоккеистами армейских команд. Но так как футболисты пролетели мимо Олимпиады, Олег Маркович, по совету маршала Гречко, временно, на полторы декады, влился в наш дружный коллектив. И второй товарищ Шлёпов, кандидат наук по штыковому бою. Зачем нам, баскетболистам, штыковик догадывались все, но вслух никто старался этого не произносить. Сразу же по прилете в Рим, в автобусе, Шлёпов стал давать подробные инструкции нашего поведения вне спортивных площадок.

— Во избежание политических провокаций, — сильно гнусавил он, — в город выходить только группами по двое или трое человек. Избегать посещения районов, где бывают женщины с низкой социальной ответственностью.

— Ви сразу адреса скажите, куда не ходить! — заволновался Гурам Минашвили, под дружный хохот всей команды.

— Зачем тебе Гурам адреса? — влез я, — ведь руссо туристо облик морале, ферштейн! — гаркнул я на весь автобус.

Народ дружно грохнул от смеха, хотя надо признать эта фраза ни на одном иностранном языке не имела и не имеет логического смысла. Но русскому человеку в таких случаях перевод не требуется.

— А с тебя Крутов я вообще глаз не спущу, — признался чистосердечно кандидат наук.

— И в туалете будете, выходящие из меня лишние килокалории подсчитывать? — сказал я, пряча ладонями свое раскрасневшееся от смеха лицо.

На что штыковед обиженно уставился в окно автобуса и больше никаких правил приличия не зачитывал. А за окном мелькали кривые улочки старинного города. Что творилось на дорогах, умом не понять. Автомобилисты и мотоциклисты не соблюдали ни правостороннего, ни левостороннего движения. Каждый ехал сам своим путём, а кто громче бибикал, тот и был на дороге главным.

Расселили нас хорошо. Всех мужиков в одно длинное четырехэтажное здание по улице с говорящим названием Уньоне Советика. А прямо за углом в двух шагах расположился «Палаццетто делло Спорт», точнее этот баскетбольный свеженький дворец выглядывал из земли как панцирь гигантской черепахи. Вот в этой черепашке и предстоит мне с командой побиться за свое будущее, думал я, рассматривая, в целом, интересное архитектурное строение.

— Зачем девушек увезли, да? — высказывал своё возмущение Гурам кандидату наук по штыковому бою, — здесь всём места хватит!

— Все девушки будут жить по ту сторону эстакады, в отдельно огороженном районе, — отмахивался от надоевшего грузина товарищ Шлёпов.

— Нужно срочно подавать протест, — шепнул я Гураму, — это дискредитация по полову признаку.

— Товарищ Шлопов, это дискредитация! — крикнул Минашвили вслед убегающему штыковеду.

Кстати, двух полосная дорога на бетонных опорах, которая называлась проспектом ди Франча, делила всю Олимпийскую деревню примерно на две части. А рядом если перейти Олимпийский бульвар расселились, в двух пятиэтажках, наши прямые конкуренты, американцы. Что характерно две открытые асфальтированные баскетбольные площадки архитекторы расположили точнёхонько под окнами звёздно-полосатых.

— Парни! — обратился к нам Спандарян, — вы давайте заселяйтесь, а я пройду по территории, поищу площадку для тренировок в другом месте.

— Богданыч, — толкнул меня в спину Корней, — пойдём кофе настоящего бразильского попьём.

— Какой кофе, Юра? — я вывернул пустые карманы своих концертных штанов, — когда в карманах ветер гуляет.

— Да ты чё, тут как при коммунизме всё бесплатно, — заулыбался Корнеев, — точнее кофе бесплатный, а за остальное платить придётся. Но мы не гордые, нам и кофе одного хватит.

Даже меня заинтересовало, что за кофе наливают бесплатно. Оказалось на Олимпийском бульваре, прямо с торца нашего корпуса, на нулевом этаже, в застеклённой кафешке веселый чернокожий парень действительно варил и разливал душистый ароматный «Нестле». Мы выстояли очередь из пяти человек, и присели с маленькими кружечками на банкетку в стороне от шумных посетителей. Смакуя подзабытый напиток из той своей жизни, я даже на секунду прикрыл глаза. Пока же в СССР хороший кофе был очень большим дефицитом.

— Смотри Кассиус Клей, только молоденький, — я кивнул в сторону афроамериканского атлета.

— Что я негров, что ли не видел, — удивился Корней.

— Если ему сейчас челюсть сломать, то одной золотой медалью в боксе у нас будет больше, — шепнул я Юре Корнееву.

— Здесь что ли? — заговорщицки огляделся Корней, — при всех?

— Да я пошутил, — улыбнулся я, — пойдём, а то Суренович нас уже обыскался.

— Не, ну если надо, — завёлся вдруг мой партнёр по сборной.

— Хэлло, — улыбнулся нам Кассиус Клей.

— Салют, — бросил я.

— И тебе не хворать, — ответил Корнеев американскому боксёру.

Скоро этот улыбчивый стройный полутяж станет боксёром номер один в Мире, потяжелеет, заматерееет, вступит в какую-то исламскую организацию и поменяет имя на Мухаммед Али. Придёт время и весь мир с этой самой «мирной» религией ещё хлебнёт лиха. Кому-то из сильных мира сего будет очень выгодно вкладывать в ислам огромные деньги.

В Олимпийской деревне между тем царил атмосфера самого настоящего карнавала. Туда и сюда сновали спортсмены в чалмах, в сомбреро, африканские атлеты расхаживали в одних цветастых накидках, благо температура в Риме под тридцать пять градусов тепла в тени позволяла подобный национальный колорит. Очень часто попадались и японские группы туристов, обвешанные фотоаппаратами. Они как прилежные студенты все фотографировали и записывали, готовились через четыре года принять в Токио таки же

международные игры.

— На казахов наших похожи, — высказался Корней, с которым мы заселились в одну комнату на третьем этаже.

— Аха, — поддакнул я, — только чисто выбритые и все в деловых костюмах.

Наши же советские парни и девчонки больше предпочитали до открытия передвигаться по деревне в синих спортивных олимпийках с большими буквами «СССР» на груди. Парадный костюм из красных джипсов клёш и такой же по цвету джипсовой курточки мы, не сговариваясь, приберегли до 25 августа.

И вот назначенный день пришёл. Первая «уронила челюсть» от нашего прикида американская делегация, когда мы столкнулись с ней на Олимпийском бульваре. Именно туда подгоняли автобусы, чтобы постепенно перевезти всех спортсменов к Олимпийскому стадиону.

— Ват ис ит? — слышалось от одетых в стандартные белые брюки и темно-синие пиджаки американцев.

Я не слышал, что отвечали другие спортсмены, но Гурам активно жестикулируя, объяснял.

— У нас в Тбилиси все так одеваются, — посмеивался он, — и мама моя, и папа мой.

— Дэди из гуд, — похохатывая, давал американцам вольный перевод на английский Юрий Власов.

— Что ты им сказал? — переспрашивал Минашвили у нашего сильнейшего штангиста.

— Сказал, что папа у тебя очень заботливый, — гоготал Власов.

Девчонки из гимнастической команды, для которых тоже пошили джипсы клёш и приталенные джипсовые жакеты, подбежали ко мне и стали крутиться в разные стороны.

— Богданчик, — громче всех смеялась Лариса Латынина, — это нам тебя благодарить за такие наряды?

— Можете благодарственное письмо направить Никите Сергеевичу, — смеялся и я.

— Ну как тебе? — крутанулась вокруг своей оси одесситка Маргарита Николаева.

— Попка, во! — я показал большой палец.

— Фу, пошляк! — крикнула, похохатывая Латынина и все гимнастки побежали дальше, за более компетентным мнением.

В принципе до стадиона «Олимпико ди Рома» можно было пешком спокойно дойти за пятнадцать минут. А на автобусах объезжая все пробки по кривым улочкам дорога заняла почти полчаса. И хоть впереди нашей колонны ехал полицейский на мотоцикле, никого на дороге этот факт не беспокоил.

В подтрибунном помещении нам пришлось ждать чуть ли не дольше всех. Боря Никоноров из автобуса вытащил акустическую гитару и приволок её мне.

— Сыграй нашу, — улыбнулся боксёр легковес.

— Какую из двадцати? — удивился я, так как за пять вечеров успел перепеть весь репертуар «Синих гитар», плюс три песни Высоцкого, плюс как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Так уж получилось, что с боксёрами мы не только поселились в соседних номерах, но и выступать нам выпало в одном и том же зале в «Палаццетто делло Спорт». Лично мне он напоминал большую черепаху, а девчонки из сборной по гимнастике настаивали, что это огромный зонтик, из которого торчат спицы. Поэтому после сытных ужинов большинство сборников баскетболистов и боксёров кучковалось вместе. Мы вольготно рассаживались на

зелёном газоне Олимпийского бульвара, именно на нём располагалось большинство столовых и ресторанов, под которые были отведены все нулевые этажи в зданиях. Так же часто к нам присоединялись и гимнастки сборной СССР. И на второй день как-то Боря Никоноров притащил гитару.

— У местных обменял на футболку и значки, — смеялся боксёр, — играй Богданыч, — сунул он инструмент мне.

— А что будешь с гитарой делать после игр? — спросил предпринимателя Корней.

— Потом, — задумался Боря на мгновение, — потом мы все на ней распишемся и продадим обратно итальянцам.

Так вечерами на час другой мы ежедневно начали устраивать небольшие концерты прямо посреди Олимпийской деревни. На звуки гитары и русские песни к нам иногда подсаживались коллеги из Югославии, Болгарии и Чехословакии, которые неплохо понимали русскую речь. Кстати, пару раз заглядывали ребята из объединённой команды Германии, из восточной её части, из ГДР. В последний перед открытием Олимпиады вечер Латынина привела на огонёк гимнасток из сборной США.

— Специально для гостей из солнечных и соединённых штатов Америки! — провёл я по струнам.

— Юэ май хат, юэ май соул, — запел я первый хит группы «Modern Talking», под который я отплясывал на школьных дискотеках в той своей жизни, — Ай кип ит шайнин евриуэр ай гоу,

Юэ май хат, юэ май соул Айл би хоулдин ю фэревэ, Стей уиз ю тэгезэ. Юэ май хат...

— Знай наших! — крикнул мне в ухо Корней, когда все дружно хлопали под весёлый и мелодичный припев немецкой евродиско-группы.

Пока я наигрывал куплет, слова которого я не знал, поэтому заменял их на простое на-на. К нам присоединились высоченные чернокожие ребята и стали пританцовывать. Затем припев горланили уже всей толпой. Вдруг на танец Борю Никонорова пригласила миниатюрная американская гимнастка светловолосенькая вся в веснушках девушка.

— Ты мой хлеб, моя соль, моя ты радость и моя ты боль! — орал я уже песню на русский манер.

Поэтому перед выходом на Римский Олимпийский стадион я и спрашивал, какую из наших песен исполнить?

— Давай героев спорта, — к нам подошёл человек гора, Юрий Власов с флагом СССР.

— Будет небесам жарко! — ударил я по струнам, — Сложат о героях песни...

И тут нашей делегации подали сигнал, что наша колонна должна выдвигаться.

— А давайте пройдем с песней! — предложила Латынина.

— Пусть все слышат наш Советский союз! — поддержал гимнастку Власов.

Так мы и вывалились на беговую дорожку Олимпийского стадиона. Юра Власов на вытянутой одной руке нёс красное полотнище, за ним неофициальные руководители Советской делегации во главе с Николаем Романовым, председателем комитета по физической культуре. После чиновников шли наши самые красивые девушки в мире, ну а дальше мы, мужики.

— Мы верим твёрдо в героев спорта! — дружно пела вся наша делегация, — Нам победа, как воздух нужна. Мы хотим всем рекордам Наши звонкие дать имена!

Да, смотреть церемонию открытия Олимпиады по телику и участвовать в ней две большие разницы. В одном случае видно всё, в другом ничего. Хорошо Круминьшу, его куда

не поставь, для него всё как на ладони. Саше Петрову с его двумя метрами восьми сантиметрами тоже нормально должно быть. А я вижу только флаги на флагштоках. Ещё слышу какой-то бубнёж с импровизированной кафедры, которую установили на поле. Лекцию что ли кому-то вдруг решилось прочитать?

— Богданыч? — ко мне пробрался Боя Никоноров, — как тебе Дорис?

— Американка? — пожал я плечами, — жениться, что ли на ней собрался?

— Почему бы и нет, — обиделся боксёр, — у неё папа — миллионер.

— В КГБ тебе такого папу миллионера покажут, мало не покажется, — я потрогал свою челюсть, — и вообще Боря ни о том думаешь. Золото Олимпиады возьмёшь, тогда и с Дорис можно будет что-нибудь придумать.

Наконец хор начал исполнять олимпийский гимн, и кто-то стал поднимать олимпийский флаг. Боря махнул на меня рукой и стал протискиваться к другому краю колонны. Вдруг раздались три артиллерийских залпа. Откуда-то со стороны трибун вылетело большое число перепуганных голубей и зазвонили колокола во множественных церквях Рима. Шоу на три с минусом, подумал я, когда в сторону чаши для олимпийского огня побежал парень в белой футболке. Я уже было подумал, что с этого солнцепёка нам уже можно разбежаться по своим номерам, но я горько ошибся, дискбол Адольф Консолини решил дать клятву по-рыцарски состязаться во славу спорта. Вот чего я больше всего не люблю так это официально узаконенного лицемерия. Ведь как только раздастся судейский свисток, каждый будет думать, как обхитрить своего оппонента.

После открытия семнадцатых Олимпийских игр, я предложил Суреновичу до гостиницы пробежаться пешком, ведь это будет гораздо быстрее, чем колесить по старым и кривым улочкам. Тренер и ребята охотно согласились.

— Как ты, готов завтра на первую игру выйти против Мексики? — спросил меня Степан Спандарян, когда мы переходили Тибр по мосту имени герцога Аостского.

— Сегодня утром нормально уже всё, — я махнул рукой, — и ускоряюсь хорошо, и направления меняю резко. Может быть не на сто процентов от лучшей формы, но на семьдесят точно.

— Ну и добро, — обрадовался Суренович, — как гора с плеч упала.

После обеда главный тренер собрал всех в своей комнате. Мы конечно набились в ней, как сельди в бочке, но лучше в тесноте, чем в обиде. Спандарян вытащил маленькое баскетбольное поле из железа и расставил на него десять магнитиков. Пять красных, то есть нас, и пять синих, то есть их.

— Напоминаю для особо одарённых, — начал он, — завтра в десять утра встречаемся с Мексикой. Не мне вам рассказывать об этой команде, ребята взрывные, резкие, любят проводить быстрые контратаки. Предлагаю устроить им игру на встречах курсах. С самого начала возьмём высокий темп, измотаем их в первой половине, во второй дожмём. Стартовая пятёрка: центровой Петров, разыгрывающий Минашвили, атакующие защитники Муйжниекс и Семёнов, тяжёлый форвард Корнеев. Вопросы есть?

— У меня есть вопросы, — я поднял руку.

Суренович пару раз выразительно кашлянул, и кивнул головой.

— Тут в Риме жарница стоит нереальная, — сказал я, — зачем нам с мексиканцами играть в догонялки? Допустим, укатаем мы их завтра под орех...

— Что значит, допустим? — рыкнул второй тренер Евгений Алексеев.

— Укатаем мы их завтра, — согласился я, — послезавтра игра с бразильцами. Им по такой жаре играть привычно. А вот нам может сил на них и не хватить.

— Есть более существенные вопросы? — резко махнул рукой Суренович, давая понять, чтобы я не нёс ерунды.

Других вопросов у команды не возникло. И тут зазвонил телефон. Суренович взял трубку, кого-то выслушал и сказал.

— Крутов, дуй давай в пресс-центр, — печально улыбнулся главный тренер, — да причешишь немного. Что отвечать то знаешь?

— Ну ёпта, — удивился я, — любой советский гражданин, находящийся за рубежом должен разъяснять миролюбивую внешнюю политику Советского государства, достижение советского народа в развитии экономики, науки, культуры и других областях коммунистического строительства!

— Э-э, — вмешался Гурам, — и в баскетболе тоже, да?

Бог мой, думал я, спускаясь на нулевой этаж нашего корпуса, ведь кто-то же такую ахинею придумал, как советская инструкция перед поездкой за рубеж. Как там, у Высоцкого в песне: «Будут с водкою дебаты — отвечай: «Нет, ребята-демократы, — только чай!» От подарков их сурово отвернись: Мол, у самих добра такого завались».

Временный пресс-центр Олимпийских игр разместили в помещениях Института Физического воспитания, который во время войны назывался форум Муссолини. На входе в главное здание стояли фигуры атлетов, а над самым входом, на стене, красовалась олимпийская символика из пяти переплетённых колец. В холле пресс-центра терпеливо ожидал руководителя Советского спорта Николая Романова комментатор Николай Николаевич Озеров. Он работал уже на третьей своей летней Олимпиаде. Жара, которая опустилась на Рим, не давала нормально ни спать и ни дышать. Николай старался как можно больше пить минералки и держаться по возможности в тенёчке. К сожалению, в его любимом виде спорта — футболе, сборная СССР представлена не была, так как уступила в отборочной группе сборной Болгарии.

— Вот что значит, разделили сборную на две части, — сказал неожиданно для себя вслух Озеров.

— Что ты, Коля, говоришь? — к спортивному комментатору вышел министр спорта Николай Романов, он был одет в красные джинсы клёш и белую деловую рубашку.

— Да я говорю жаль, что футболисты не попали на турнир, — Озеров прошёлся по просторному холлу международного пресс-центра и пожал руку своему тезке.

— Зато выиграли в Париже первый розыгрыш кубка Европы, — улыбнулся Романов.

— Как же, как же, — Николай Озеров оглянулся на пробегающих мимо итальянских девушек, которые работали в пресс-центре гидами и переводчиками, — гол забил Виктор Понедельник!

— Коля, сейчас состоится пресс-конференция с одним нашим спортсменом, — глава советского спорта взял комментатора под локоток и отвел в сторону от снующих туда и сюда журналистов, — если, что пойдёт не так, подстрахуй, возьми паузу, как во МХАТе.

— Всё будет хорошо, я просто уверен, — улыбнулся Озеров, разглядывая красные джинсы, — забавные у тебя штаны. Могут ведь делать, когда захотят.

— Ничего не говори, — махнул рукой Романов, — уже три раза богатые итальянцы мне предлагали за них сто тысяч лир. А вот и наш баскетболист.

Николай Озеров посмотрел прищуренным взглядом на молодого парня, который появился из изнуряющей римской жары в прохладном холле бывшего форума Муссолини. Глаза хитрые, держится нагло, такому палец в рот не клади, решил про себя комментатор.

В просторной комнате для пресс-конференций было необычайно многолюдно. С одной стороны за длинным столом сидели представители Советской делегации, руководитель советского спорта Николай Романов, спортивный комментатор Николай Озеров и игрок сборной по баскетболу Богдан Крутов. По другую сторону «баррикад» представители крупнейших газет Мира и Европы, французской «L'Équipe», шведской «Idrottsbladet», американских «The New York Times» и «The Washington Post» и других печатных изданий.

— Загородный отель, где жила сборная охраняли бойцы внутренних войск, — после вступительных слов моих старших коллег, начал отвечать я на самый злободневный вопрос,

— сейчас ведь тоже Олимпийскую деревню охраняет несколько тысяч полицейских. Как вы считаете, это как-то ущемляет права спортсменов?

— Да, но полицейские не открывают огонь по вам здесь и сейчас, как это было в Москве, — не отставала от меня представительница американской прессы, хорошо говорящая по-русски.

— Во-первых, стреляли в воздух, а во-вторых никакого конфликта не было, — широко улыбнулся я.

Краем глаза я заметил, что лоб Николая Романова покрылся большой испариной, несмотря на работающий вентилятор, и несколько холодных бутылок минералки на столе.

— Вечером, наши brave бойцы, — продолжил я, — обходили территорию отеля и увидели, как я бросаю по кольцу. Слово за слово, и я один против троих служивых ребят сыграл товарищеский баскетбольный матч. А баскетбол это вам не покер, это игра контактная. Я кого-то двинул локтём, меня кто-то толкнул в запале. Отсюда и образовались синяки. Потом, как победитель товарищеского матча я выстрелил пару раз в воздух. Согласен, это было по мальчишески безрассудно.

— Разве похож, наш баскетболист на человека, которого убили! — не выдержал Романов.

— Где гарантия того, что вы не привезли сюда двойника, — спросил через переводчика, дедушка интеллигентного вида.

— Возьмите эту мусорную корзину и отнесите в самый дальний угол комнаты, — я встал из-за стола и взял в руки маленькую пластиковую бутылку воды.

Дедушка под весёлые улыбки потащил мусорную корзину в угол. Расстояние между нами составило примерно метров восемь.

— Поднимете её над головой вверх! — крикнул я, — лифт ит ап!

Газетчик бодро поставил корзину себе на голову. Я поудобней ухватил правой рукой бутылку, представил, что это такой неправильной формы мяч и метнул её в сторону мусорной корзины. Несколько итальянских девчонок, которые работали в пресс-центре, дружно взвизгнули. А бутылка из полиэтилена высокой плотности громко бухнула в боковую стенку тары для мусора и упала на дно. В кабинете для пресс-конференций раздались смешки и жидкие аплодисменты.

— Как вы видите, — встал со своего места Николай Озеров, — советские спортсмены всегда играют честно!

— А где гарантия, что это тот самый спортсмен? — впилась мёртвой хваткой в ускользящую сенсацию женщина, которая хорошо знала русский.

— Чёртова эмигрантка, — буркнул под нос себе Романов.

— Я гарантирую, — встал молодой человек с фотоаппаратом, который сидел у входа, — чехословацкая газета «Руде право». Я самолично снимал репортаж с товарищеских матчей в Праге. Этот парень, — он показал на меня, — принёс очень много неприятностей нашей команде.

— Давайте на этой весёлой ноте закончим пресс-конференцию, — обратился ко всем Николай Романов.

— Шит! — вскрикнул интеллигентного вида дедушка, когда из корзины для мусора на него полилась минеральная вода.

Когда мы вышли из зала для конференций, я робко поинтересовался у Николая Озерова.

— А вы комментировать будете баскетбольные матчи? — мы опять остановились в

прохладном холле.

— Это как решит наше спортивное начальство, — Озеров выразительно посмотрел на Романова.

— Будет, будет, — буркнул председатель комитета по физической культуре.

— Тогда при случае передайте от меня привет всем моим друзьям и моей девушке Наташе, — я пожал руку великому комментатору и побежал в наш корпус.

Хотелось ещё перед отбоем побросать мяч в корзину, все же я никогда не играл на Олимпийских играх. На первенство области играл, за институт бился, но Олимпиада, такое событие, которое может быть лишь раз в жизни. Благо римская жара немного утомилась к вечеру. За баскетбольным мячом я заскочил в свою комнату.

— Ну как прошло? — спросил Корней, лежащий с книжкой в руках поверх одеяла.

— Наши победили, — ответил я, и вытащил из-под кровати мяч, — по сто бросков перед сном сделаем?

— Сильному тренировка не нужна, — улыбнулся Юра Корнеев.

Темень опустилась на Рим практически мгновенно, как у нас в Крыму. Однако в Олимпийской деревне искусственного освещения было вдоволь, гораздо больше чем в Алуште. Поэтому я решил не бегать на берег Тибра, где мы подальше от чужих глаз проводили тренировки, а просто постучать здесь, под окнами сборной США. По дороге на баскетбольную площадку мне встретился грустный Боря Никоноров.

— Кого хороним, Никонор? — я толкнул его в плечо.

— Жеребьёвка дерьмо, — плюнул он от отчаянья на газон, — завтра первый бой и сразу же против американца.

— Дашь ему как следует, чего переживать? — не понял я его огорчения, — у них же сюда одни любители приехали.

— Да, — махнул рукой легковес, — газет наших начитался? Если хочешь знать, на Олимпиадах мы еще ни разу в очных встречах не побеждали американских бойцов.

— Значит, ты будешь первым! — я махнул головой в сторону баскетбольной площадки, — Пойдем, научу тебя правильно мяч бросать. Помогает психологически расслабиться.

Настреляли мы с Борей, с дальней дистанции, по кольцу с точностью в пятьдесят процентов. Я всё попал, а он всё промазал.

— Давай буду тебе мячи подавать, — уже чуть веселее сказал он, когда я пошёл бросать на второй круг с периметра примерно в семь, в восемь метров.

Я просто наслаждался моментом, залетало практически всё, даже самому не верилось, что еще пару недель назад мог Богу душу отдать. Правильно мне сказал Щербаков, тренер боксёрской команды, если там, на небе, за тебя похлопотали, то нефиг здесь, на земле, нюни распускать. После очередного попадания я подошёл к Боре Никонорову.

— Видел, как ты боксируешь, — сказал я, — а ты не можешь работать чуть хитрее?

— Не понял? — опешил он.

— Ну, вот смотри, ты же ростом маленький, метр с кепкой, то есть шестьдесят, — я опустил мяч на землю и встал в боксёрскую стойку, — и все ждут от тебя, что ты сам полезешь на короткую дистанцию. Чтобы тебя на отходах за счёт длинных рук мутузить.

— А ты что предлагаешь? — усмехнулся Никонор.

— Ты кинь пару джебов левой по корпусу и сам отходи, — я показал, как это может выглядеть на практике, — раз шаг назад, два, три, а на четвертом шаге резко взрываешься, выходи на ближнюю дистанцию и пять шесть быстрых ударов накидывай. Причём только в последний вкладывайся. И опять отходи. И снова на четвертом шаге взрыв.

— Предлагаешь мне, — Боря тоже встал в стойку против меня и начал качать корпусом, обманывая меня, — поломать привычную для всех картину боя?

— Да, всё сломать, заставь своего соперника задуматься на ринге, — я кинул пару джебов левой рукой в Борю, — а сам в это время набирай очки.

— Ладно, посмотрим, — Никонор взял в руки баскетбольный мяч и швырнул его, пренебрегая стандартной техникой, с семи метров в сторону кольца.

И о чудо! Случилось первое попадание за сегодня от боксёра легковеса.

Утром 26 августа я впервые окунулся в ревущую чашу «Палаццетто делло Спорт». Навскидку шестнадцать, а может и больше, тысяч человек, как обезумевшие поддерживали всех спортсменов подряд. Мы для них гладиаторы современности, которые на потеху будут биться, толкаться, и жонглировать мячами. На разминке, тренируя дриблинг, мне очень понравился отскок мяча от паркета, который, как рыжего цвета ламинат покрывал всю площадку. А разрежали его четкие широкие и белые, геометрически выверенные линии разметки. Я сделал несколько раз перевод мяча под ногами, потом быстро ускорился и высоко взмыв в воздух от стеклянного щита направил снаряд в корзину. И тут же за моей спиной на кольцо ринулись партнёры по сборной Вальдманис, Зубков, Минашвили, Корнеев. Потом я ещё пару раз становился в очередь, желающих исполнить проход к кольцу. И, так же как и все, выполнил этот самый простой прием в баскетболе. Затем я отошёл на семь метров от баскетбольного щита и сделал дальний выстрел. К сожалению, от непривычки, первый мяч улетел в «молоко». Зато после этого я трижды пробил точно, меняя углы обстрела баскетбольной корзины. Наконец, главный судья дал свисток к началу игры.

На площадку вышла стартовая пятёрка Петров, Минашвили, Корнеев, Семёнов и Муйжниекс. Кстати, Валдиса главный тренер Суренович назначил капитаном команды. Я же хорошо устроился с краю, на скамейке запасных. И вот стартовый спорный мяч взлетает вверх. Саша Петров как пружина вылетает следом и откидывает его на нашего латышского капитана. Муйжниекс пасует на Корнеева, то на Минашвили. Гурам тут же устремляется в проход, но в последний момент скидывает мяч в край на Мишу Семёнова. Бросок. Есть первые два очка нашей сборной на Олимпийском турнире! С первых же минут на площадке держится просто ураганный темп. Да, это не первенство Москвы среди школьников, и не товарищеские игры в Чехословакии, грустно подумал я.

Мексиканцы, конечно, предвидели такое развитие событий, что мы будем играть на высоких скоростях, но переволновавшись, не справились с заключительными бросками. Лишь на третьей минуте им удалось размочить счёт, 12:2. А вот дальше игра несколько успокоилась, и на каждую нашу успешную атаку мексиканцы отвечали своим точным попаданием.

— Суренович, давай замены, — заёрзал я на скамейке.

— Сиди, давай, без сопливых знаю, что делать, — бросил он в мою сторону.

Однако за пять минут до конца первой половины, при счёте 22:13, Спандарян поменял Минашвили на Озерса, Петрова на Круминьша и вместо Корнея выпустил Витю Зубкова.

— Дай всем отдохнуть, — снова я влез под руку.

— Отъе...! — крикнул Спандарян.

— Спокойней, спокойней, — ко мне подсел ассистент главного тренера Анатолий Конев, — первая игра все на нервах.

— Да не нервничать надо, — почему-то завёлся я, — силы нужно более равномерно распределять. Сейчас Муйжниекс и Семёнов наедятся, а во втором тайме толку от них будет ноль.

— Твоё игроцкое дело, слушать, что главный говорит! — рыкнул на меня и

Константиныч.

Первый тайм мы выиграли со счётом 28:17. Сиди в раздевалке и радуйся, но нет, меня опять жареный петух в одно место клюнул. Я встал посреди продолговатой комнаты со шкафчиками.

— Суренович, что за дела? — всплеснул я руками, — ладно меня не выпускаешь, я рылом не вышел, но остальных менять нужно чаще. Сделали задел в десять очков и всё, играем в режиме экономии.

— Когда станешь главным, — взорвался Спандарян, — тогда и будешь указывать, как играть! А сейчас твоё место сидеть и слушать! Здесь я главный, и здесь моё слово закон!

— Богданыч, сядь, — успокоил окончательно меня Корней.

На второй тайм Суренович выпустил уже и меня, правда буркнул, что это только для того чтобы успокоить мировую спортивную общественность. Рядом со мной вышли центровый Петров, форвард Корнеев, атакующий защитник Валдманис, и ещё один большой игрок Гена Вольнов. И вновь стартовый спорный мяч выиграл в прыжке Саша Петров.

— Держи, — Корней отпасовал мяч мне.

Я ударил его пару раз в паркет, переложив с руки на руку, резко накрутил своего опекуна из мексиканской команды, всем видом показал, что сейчас отдам на Валдманиса в край, за счёт чего ушёл ещё от двоих игроков соперника. И не доходя до щита метров пять, красиво с отклонением положил свои первые два очка на турнире в корзину. Публика взывала от восторга. И кто-то с верхних рядов громко дунул в противную гуделку.

— Я встречу разыгрывающего! — крикнул я своим партнёрам, когда они дружно откатывались к нашему кольцу.

Разыгрывающий защитник мексиканцев черноволосый парень, ростом где-то с метр восемьдесят, напрасно понадеялся, что легко выведет мяч на нашу половину площадки, и вместо передачи сам повёл его в атаку. Я резко, на пределе своих сил ускорился, и мексиканский игрок даже глазом не успел моргнуть, как я завладел мячом. Дальше всё было делом техники, я выскочил на пустое кольцо и, поддавшись неистовым крикам трибун, решил вколотить смачный слэм-данк. Хорошо, что в полёте до меня дошло, что забивать сверху правилами запрещено, и в последний момент я еле-еле сделал простую подкидку. Со стороны вышло, конечно, корявенько, но мяч нырнул между дужек кольца, как полагается. На табло высветилось USSR — MEX 32:17. Нормальная скорострельность подумал я возвращаясь в защиту, пятнадцать секунд четыре очка в кармане.

— Иди на замену, — вдруг окатил меня холодным душем Корней.

— Чё? — я посмотрел на нашу скамейку запасных, где Спандарян уже готовил выпустить на паркет Озерса из рижского ВЭФа.

— Суренович, — под свист трибун, не выдержал я, — ты совсем охренел!

— Иди на х... в душ охладись! — весь красный заорал на меня Спапндарян.

— Да к херам собачьим! — я снял свою футболку и швырнул её на скамейку запасных, а сам трусцой побежал в подтрибунное помещение.

И лишь под душем я понял, что слишком погорячился, поддался общему психозу болельщиков, ведь никогда не играл при шестнадцати тысячах одновременно орущих глоток.

Первый матч мы выиграли 66:49. На обеде ко мне подошёл второй тренер Алексеев и тихо сказал, завтра на игру можешь не переодеваться, с бразильцами разберёмся и без сопливых пацанят. Во мне в прямом смысле слова всё клокотало. Корней пытался меня образумить, предлагал поговорить с главным, на что я ответил, чай не футбол с ними играть будете, так что не стоит. Кстати, после первой игры довольный руководитель советского спорта Николай Романов, раздал всем по пятьдесят долларов премиальных. Поэтому я, надев красные джинсы и белую футболку с большими буквами СССР на груди, пошёл в одиночестве бродить по Риму.

Первым делом свои стопы я направил к базилике Максенция, именно в ней изобретательные организаторы Олимпиады устроили соревнования борцов обоих стилей, и вольников и классиков. Расстояние от Олимпийской деревни до базилики было примерно пять километров, с учётом загибов кривых узких римских улочек. А ориентировался я в них исключительно, как в лесу, по солнцу. Базилика находилась примерно на юге, поэтому солнце должно было светить прямо в глаз, так же как если едешь на Кавказ.

Если верить историкам, данное архитектурное сооружение было построено 1648 лет назад. Лично я дал бы ему не больше двухсот лет, ну максимум триста. За тысячу лет ветер и вода сделали бы из неё груду песка и камня. И вообще создавалось ощущение, что эту базилику когда-то капитально отбомбили и далеко не греческим огнём. Станным было ещё и то, что построена она была определённно из бетона. Что там историки говорят про бетонные технологии прошлого? Говорят что, дескать, делали при рабовладельческом строе, но вдруг массово отупели и забыли, зато вспомнили в начале восемнадцатого века. Железная историческая логика.

Я немного посидел на солнцепёке, посмотрел, как бедные борцы потеют на сорокоградусной жаре, так как три арочных свода базилики Максенция лишь частично прятали в тень борцовские ковры, которые к тому же прилично нагревались. Потом я взял пару бутылок с водой, что свободно стояли в проходах, снял футболку и вылил себе на спину одну, а вторую просто проглотил одним большим глотком. Кстати, болельщики вокруг, сидящие в одних шортах, занимались тем же самым. Совмещали водные процедуры, римский загар и наслаждались подсечками, захватами и бросками через бедро.

Поскучав полчаса, я прогулялся ещё до одного символа Древнего Рима, который был в двух шагах ходьбы от базилики, до Колизея, он же амфитеатр Флавиев. Дата основания, прочитал я на табличке, 80 год до нашей эры. То есть базилику Максенция построили на четыреста лет позже, офанареть не встать, подумал я. Хотя выглядят и Колизей и базилика, как две хрущёвки, построенные в один год. Та же бетонная технология, тот же материал, и если бы мне сказали, что у этих сооружений был один архитектор, я бы сто процентов поверил.

— Средние века, дальние века, с ума сойдёшь, — пробубнил я себе под нос.

— Салют! — услышал я за спиной.

— Привет, — я растерянно повернулся и улыбнулся, так как на меня смотрела симпатичная черноволосая девушка.

Серое коротенькое, чуть выше колен платье. Я сразу вспомнил форму девушек, которые помогали работать журналистам в пресс-центре. Кстати и в базилике, где проходили

соревнования борцов, я видел похожих девчонок.

— Ты бросать бутылка в корзина, — засмеялась девушка, и её улыбка обозначила две маленькие симпатичные ямочки на щёчках.

Она изобразила, как по-баскетбольному должна правильно распрямляться бросающая рука.

— А! — дошло до меня, — вчера в пресс-центре?

— Си, си, — улыбнулась она, — мой имя Маура.

Она протянула мне руку для рукопожатия, которую я, конечно же, пожал.

— Богдан, — представился и я, — Богдан Крутов, Советский союз!

— Маура Лари, Италия, — представилась она.

Тут на площадку перед Колизеем подъехал автобус с олимпийской символикой. Маура плотно сжала губы и развела руки в стороны.

— Поехать со мной в пресс-центр? — спросила вдруг она меня, — пить там кофе!

— Буржуазная зараза всюду ходит по пятам, опасайся пуще сглаза, ты внебрачных связей там, — хохотнул я, ещё раз вспомнив песню Высоцкого о загранице.

— Я не понимать? — смутилась Маура.

— Ехать пить кофе, си, — согласился я, и мы вместе залезли в автобус.

Всю дорогу улыбочивая и неунывающая Маура рассказывала о своей нелёгкой жизни. Говорила, что учится в Римском институте физического воспитания, что приехала из другого города, и у неё нет отца, что живёт здесь в общежитие, и денег не хватает, и лишь благодаря Олимпиаде ей удаётся хоть немного подзаработать. Также она мне рассказала, что у неё есть молодой человек, который живёт далеко во Франции, и он тоже студент, и она по нему очень скучает.

— Ты извини мне нужно всё говорить кому-то, так легко, — виновата, призналась она, когда автобус подъехал к Олимпийской деревне.

— Нужно было выговориться, чтобы полегчало, — поправил я Мауру.

Потом мы пили бразильский кофе, и я тоже сделал своё признание практически незнакомому человеку.

— А у меня с тренером не лады, — я грустно посмотрел в панорамное окно кофейни, — сыграю завтра или нет, не знаю. А победить на Олимпиаде очень надо.

— Ты сильный и смелый! — Маура серьёзно посмотрела мне прямо в глаза, — ты — победа!

— А ты весёлая, даже если тебе и горько, значит, у тебя все точно будет хорошо, — сказал я на прощание.

Вечером в комнате от нечего делать я листал книгу о вкусной и здоровой пище. От предложения Корнея пойти в международный клуб потусить я отказался, сказал, что не в настроении. Мое самобичевание прервал Боря Никоноров, который заскочил на пять сек.

— Никос Спанакос лёг во втором раунде! — огорошил он меня.

— Ты же говорил против американца первый бой? — я привстал с кровати.

— Грек американского происхождения — тоже американец, — немного обиделся Боря.

— Совет мой помог? — я приобнял нашего первого победителя над американцами боксёрами.

— Чуть-чуть, — заулыбался он, — завтра буду работать с аргентинцем Карлосом Аро.

Мы немного побоксировали, нанося лёгкие удары в корпус. После чего я рухнул на кровать, как будто Никонор отправил меня в нокаут.

— Я с Дорис сейчас встречаюсь в клубе, ты как с нами? — захохотал счастливый влюблённый, — может тебе тоже американку подыскать?

— Суренович от завтрашней игры отстранил, — пробубнил я, — пойду лучше мяч побросаю, успокаивает.

* * *

Заполненная под завязку чаша баскетбольного «Палаццетто делло Спорт», кипела как разноцветная переливающаяся по стенкам лава. Публика до сих пор была под большим впечатлением от прошедшей несколько часов назад игры между американскими и японскими баскетболистами. 125:66, с таким счётом покуражились американские студенты над лучшими игроками азиатского островного государства. Впереди их ждали ещё две интереснейшие встречи, сначала между СССР и Бразилией, двумя сильнейшими командами мира, а затем между хозяйкой Италией и Венгрией.

Николай Озеров с большим трудом пробрался на своё комментаторское место в третьем ряду. Видимость отсюда была не совсем хорошая, так как между баскетбольной площадкой и верхними рядами находились ещё несколько переполненных нижних рядов. Ведь прямоугольная баскетбольная площадка плохо вписывалась в круглое сечение римского спортивного зала. Но работа есть работа, думал Николай. Хоть к чёрту пусть засунут в одно место, но радиослушатели этого заметить не должны.

— Внимание, внимание, — Озеров придвинул поближе к себе комментаторский микрофон, — говорит и показывает...

На слове показывает, Николай тихо выругался про себя, когда уже начнутся нормальные телевизионные трансляции в СССР? Сколько можно! В Америку, между прочим, идёт запись с телетрансляции, чем наши советские люди хуже?

— Говорит Олимпийский Рим, сегодня на семнадцатых летних играх в баскетбольной программе интереснейший матч. Играет сборная СССР и сборная Бразилии. Напомню, что на прошедшем чемпионате Мира в Чили наша команда дважды обыграла будущих чемпионов мира бразильцев. Удастся ли продолжить хорошую традицию, узнаем совсем скоро.

На этих словах команды выстроились в центре площадки для розыгрыша спорного броска.

— Наша стартовая пятёрка начинает матч в следующем сочетании, — продолжил репортаж Николай Озеров, — московские динамовцы, центровой Александр Петров и тяжёлый форвард Юрий Корнеев. Разыгрывающий защитник из тбилисского «Динамо» Гурам Минашвили. И два представителя рижского СКА Майгонис Валдманис и капитан команды Валдис Муйжниекс. С первых минут активно бросились в атаку бразильские баскетболисты.

* * *

Я уже по привычке на нашей скамейке запасных занял место в самом дальнем углу. Хоть и сказал Суренович, что и без сопливых солнце светит, я всё равно провёл разминку и надел под спортивный костюм всю необходимую баскетбольную экипировку. Корней

единственный попытался отстоять мою кандидатуру, да только в итоге он сделал ещё хуже, Спандарян пошёл на принцип. Если сказал сидеть, значит, будет сидеть! Ох, и не понравились мне первые минуты матча. Особенно среди бразильцев выделялся Вальдемар Блаткаускас, внешность нордическая, истинный бразилец. Первые две атаки потомок литовских эмигрантов завершил удачно, и уже на первых минутах Бразилия повела 4:0. Наши ребята слишком спешили в нападении, неудачно атаквали с дистанции и вязли под чужим щитом среди атлетичных с быстрыми руками бразильских игроков. В принципе Суренович поступил мудро, на второй минуте посадив на лавку Валдманиса и выпустив более высокого и мощного Витю Зубкова. К пятой минуте счёт на табло стал 8:4 в пользу южноамериканцев, которые играли в полосатых жёлто-черных майках.

* * *

Николай Озеров, пока на площадке тренер бразильцев Того Ренан Соарес по прозвищу Канела в очередной раз спорил с арбитрами, быстрыми глотками выпил пол-литровую бутылку минеральной воды и протёр платком взмокший лоб и затылок.

— Не по спортивному поступаете, товарищ Канела, — Озеров, отдышавшись буквально десять секунд, вновь вернулся к радиорепортажу, — американский рефери Ширли не хуже вас знает баскетбольные правила! Итак, матч снова продолжен. Спандарян проводит новую замену, на площадку выходит самый высокий баскетболист на этой Олимпиаде Янис Круминьш. Рост латвийского гиганта двести восемнадцать сантиметров. Представляю, как сейчас разволновались бразильские центровые. Да, это вам не футбол!

* * *

Я просто не мог усидеть на месте. Ерзал на лавке туда и сюда, эх, посмотреть, как твои товарищи бьются и ни чем им не помочь, не было никаких душевных сил. Всё же там, на паркете, в игре, как-то поспокойней. Суренович решил задавить невысоких бразильцев ростом, и на усиление вместо Саши Петрова выпустил Круминьша. Муйжниекс, Зубков, Вольнов, Семёнов и наш латышский гигант вышли на последние пять минут первого тайма. И тут же пропустили быструю контратаку. Амори Пасос и Вламир Маркеш легко сыграли в стеночку и сделали счёт 22:17 в свою пользу.

Эта разница в пять очков, как заколдованная продержалась до свитка на перерыв. Табло высветило BRA — USSR 28:23.

— Нужно ещё немного поднажать! — требовал от сборников в раздевалке второй тренер Алексеев.

— Дышать тяжело, — пожаловался капитан команды Валдис Муйжниекс, который отыграл весь тайм без замен.

— Даже в Тбилиси нэт такой духоты! — вспыхнул Гурам Минашвили.

— Ребятунки всё нужно отдать для победы! — подбадривал баскетболистов Суренович.

— Почему он не играет? — Валдис указал рукой в мою сторону.

— Вы чего? — опять взял слово второй тренер, — без шестнадцатилетнего сопляка не справитесь?

— Всё мальчишки пошли на площадку, — похлопал в ладоши Спандарян, — держать темп, темп! Они быстрый баскетбол долго не выдержат.

* * *

— Итак, игра переходит в эндшпиль, как сказал бы прославленный гроссмейстер Михаил Таль, — комментатор Озеров быстро сделал маленький глоток минералки, — пошла заключительная десятиминутка матча. 43:39, всего пяти очков не хватает нашим баскетболистам, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Замечательно сегодня играет наш латышский капитан Валдис Муйжниекс, уже четырнадцать очков принёс он своей команде. Но один, как известно в поле не воин.

* * *

Всё, я мысленно от отчаяния махнул рукой. За три минуты до конца, задохнулась команда, темп игры безжалостно упал. Бразильцы в наглую затягивают время, по тридцать секунд держа мяч в нападении. Ждут когда кто-нибудь из наших сфолит. При такой динамике всего по три атаки осталось на каждое кольцо. Суренович посадил Валдиса на лавку. Поздно, очень поздно. Загонял нашего лучшего снайпера. Если бы сейчас смотрел всё это дело по телевизору, то наверняка бы его просто выключил, такая безнадёга на последних минутах просто жуть. Интересно, что там у нас с турнирными раскладами, подумал я.

* * *

Голова от невероятного рева трибун и от изнуряющей жары просто раскалывалась у комментатора Николая Озерова.

— Пятьдесят восемь, пятьдесят четыре, — медленно произнес он в микрофон, — победила сборная команда Бразилии. Ну, ничего, завтра день отдыха, будет, о чём поговорить со своими подопечными Степану Спандаряну, сделать нужные выводы и всё-таки побороться за золото Олимпийских игр. С вами был Николай Озеров, до новых встреч в радио эфире.

Пока баскетболисты обменивались послематчевыми рукопожатиями, я быстро сбегал в раздевалку, не принимая душ, переоделся и вернулся в зрительный зал. Не было никакого желания слушать охи и ахи по поводу неожиданного поражения. Разве можно в такую духоту держать больше двух, трёх минут одних и тех же игроков на площадке, думал я.

Затем я забрался повыше, и сел прямо на ступеньки чашеобразного «Палаццетто делло Спорт». Очень уж хотелось отвлечься и посмотреть игру, от которой мне кроме красивого баскетбола больше ничего не нужно. Однако игра хозяев Олимпиады итальянцев и венгров мне совсем не понравилась. Старомодный медленный баскетбол, в котором надо признать судьи были более благосклонны к одной команде, она же и победила. 72:67 в пользу Италии.

Из Палаццетто я вышел уже ближе к часу ночи, когда сотнями огней была подсвечена дорожка в Олимпийскую деревню. Кстати, и сам Рим весь светился неоновой рекламой. Ночная жизнь только-только начинала закипать. Для гостей столицы Италии открылись все самые лучшие увеселительные заведения города.

— Богдан! — услышал я голос недавней итальянской знакомой Мауры Лари, — здравствуй!

— Салют, — пробубнил я, — ты чего в час ночи не дома, то есть не в общежитие.

— Работать сегодня в Палаццетто до последнего игра, — улыбнулась девушка, обозначив две симпатичные ямочки на щеках.

— Трудовое рвение, конечно, факт похвальный, — я посмотрел, нет ли рядом служебного автобуса, — но как ты будешь добираться до дома? Метро закрыто, в такси не содют...

— Я тебя не всегда понимать, — смутилась Маура, — я жить недалеко в общежитии.

Когда на тебя смотрят такими глазами, невозможно отказаться от удовольствия, чтобы проводить малознакомую девушку до дома.

— Ну, тогда, я есть идти тебя провожать, — хохотнул я, — показывай дорогу.

Итальянка смело взяла меня под руку, и мы неспешно двинулись в западном направлении в сторону реки Тибр. Почему я решил, что это было западное направление? Потому что этой дорогой я уже один раз бегал на пресс-конференцию.

— Почему ты сегодня не играть? — задала, меня самого интересующий вопрос, Маура.

— Наш тренер, наверное, решил приберечь меня для решающих игр, — пошутил я, хотя в этом был совсем не уверен.

— Ой! — взвизгнула девушка, и запрыгнула мне на руки, — крыса! Боюсь краса!

— Сам крыс боюсь, — признался и я.

Я вынес практически невесомую девушку на освещённый бульвар и поставил на землю в целости и сохранности.

— Нам туда, — показала она рукой, — набережная Фламинио.

Мы прошли по какой-то кривой улочке, да, ночью тут одной ходить Минздрав точно не рекомендует, подумал я.

— А я всегда теперь работать на баскетбол, — задорно сказала Маура, — я поменяться!

— За меня болеть будешь? — улыбнулся я, хотя в потёмках вряд ли девушка видела выражения моего лица.

— Сюда, — итальянка открыла деревянную калитку, которая вела во двор дома, — это

мой общежитие.

— Завтра выходной, — я посмотрел на тускло горящие окна, потом опустил голову и посмотрел в глаза девушки, — встретимся в Палаццетто послезавтра. Ты меня понимать?

Она вдруг резко встала на цыпочки, обвила руками мою шею и смачно поцеловала меня в губы. Я понимал, что мне нужно было как-то возразить. Ведь у Мауры есть любимый парень во Франции, а у меня Наташа в Москве. Буду считать, что это просто поцелуй благодарности, за то, что не бросил девушку ночью одну. И за то, что спас от крысы. Все эти мысли пронеслись в моей голове пока Маура вдоволь не нацеловалась.

— До послезавтра, — засмеялась она и убежала в общежитие Института Физического воспитания.

— Скажи спасибо, что не пригласила к себе на чай, — буркнул я себе под нос, — как бы ты в гостях оправдывался, что ты не такой, что просто зашёл попить этот самый чай.

На обратной дороге я устроил себе небольшую пробежку. Завтра обязательно поговорю с Суреновичем, если нужно встану на колени. Но эту Олимпиаду я просто обязан выиграть! Не больше километра занял обратный путь, пять минут и вот он наш уже родной корпус.

— Э, молодёжь! — возмутился я, шутя, целующейся в тени дерева парочкой, в которой распознал Борю Никонорова и американку Дорис Фукс, — вам спортивный режим уже не писан?

— Тьфу ты, напугал! — шикнул Боря, — я, между прочим, в четвертьфинал вышел, в отличие от вас пораженцев!

— Случайно, наверное, — со скорбным видом произнёс я.

— Да пошёл ты! — рассвирепел боксёр легковес.

— Юэ май хат, юэ май соул, — узнала меня американка.

— Ес оф кос! — ответил я, — Боря, чтоб через пять минут был под одеялом, один! Зайду, проверю!

Бросил я Никонору и чтобы не нарваться на серию убойных ударов, рванул к двери нашего корпуса. У самого входа я смело развернулся и погрозил кулаком.

— Хулиган! — добавил, похохатывая я.

28 августа на Олимпиаде совместили воскресенье и выходной день. Лично я такого в прошлой своей жизни не помнил, чтобы организаторы игр вообще устраивали выходные. Но поваляться в кровати мне кроме совести, не дал наш тренерский штаб. В дверь культурно постучался мой бывший физрук Анатолий Конев и пригласил на пепси-колу в комнату Суреновича. Конечно, поворчал я, за чай здесь платить надо, а пепси-кола в рекламных целях во всей Олимпийской деревне бесплатно.

— Ультиматум, бить будут, — буркнул я, входя к тренерам.

Второй тренер, Женя Алексеев, увидев меня, удовлетворительно крикнул, и действительно разлил пепси-колу по фужерам. Я на всякий случай сел поближе к двери, если что не то лягну, чтобы была возможность побыстрее смотаться.

— Завтра выйдешь играть с первых минут, — глядя на меня исподлобья, сказал Спандарян, — и вот ещё что...

— Прости меня, Суреович, засранца, — сказал я, пока главный искал нужные слова, — это на меня жара так подействовала, да и зал забитый под завязку...

— Ты меня тоже прости, Богданыч, — буркнул тихо наш баскетбольный главнокомандующий.

— Как с Пуэрто-Рико завтра играть будем? — быстро перевёл на другие рельсы

разговор Алексеев, — как-никак серебряные призёры Панамериканских игр. Бразилии уступили всего три очка, причём всю игру вели.

— Да, соперник не подарок, — поддержал коллегу ассистент Конев.

Суренович достал металлическую доску с баскетбольным полем и расставил на ней магнетики.

— Ты — разыгрывающий защитник, — он передвинул один магнетик на периметр в атаку, — кому выйти в начале игры центровым?

— Петров или Круминьш? — второй тренер Алексеев посмотрел на меня.

— Есть такая идея, — я придвинул банкетку поближе к журнальному столику, где лежала баскетбольная доска, — операция «Б!»», чтоб никто не догадался.

Шутку мою никто не оценил.

— Играем начало сверхлёгкой пятёркой, — я взял магнетики в руки, — это я — разыгрывающий, это — Витя Зубков, это — Гена Вольнов, это — Юра Корнеев, а это — Валдис Муйжниекс.

Магнетики Вадиса и Корнея я поставил в разные углы, Витю Зубкова я поставил ближе к щиту, магнетики свой и Гены Вольнова я прикрепил на периметр.

— Корней же из угла не бросает? — удивился расстановке Суренович, — и Зубков далеко не центровой.

— Что-то ты тут чудишь, — выразился с использованием в последнем слове буквы «м», Алексеев.

— Устроим ураган на паркете, — я перемещал все магнетики, — с первых минут прессинг, все бегут, подбирают, идут в проход, мы с Валдисом шмаляем с дальней дистанции, и главное всё делаем в раннем нападении без расстановки. Пока пуэрто-риканцы будут разбираться, что к чему, мы им уже очков десять — пятнадцать привезём. Через три минуты выпускаем стандартную пятёрку с центровым, разыгрывающим, форвардами и минуты три тянем время.

— А через три минуты снова ураган? — Спандарян почесал свой затылок.

— Точно, буря в пустыне, — я выдохнул.

Последнее слово всё равно останется за главным тренером, подумал я, выходя из комнаты Суреновича, где наши наставники продолжали ещё спорить. В коридоре меня встретил загадочно улыбающийся Корней.

— Чё, поговорили? — спросил он.

— Да, спрашивали, не сильно ли ты храпишь, — улыбнулся я, — может меня нужно от тебя переселить. А я говорю, да вы чего, храпит, как младенец в люльке.

— Шуточки твои не смешные уже — во где! — Корней ладонь прислонил к своему горлу, — а, между прочим, тебя тут один человек внизу спрашивает.

— Неужели у меня родственник богатые за границей отыскались? — я сделал мечтательное лицо.

— Спустись сам узнаешь, да оденься получше, не позорь Советский союз, — засмеялся Юра Корнеев.

Вот уж сюрприз так сюрприз, подумал я, выходя с нулевого этажа на улицу, где меня поджидала одетая в своё рабочее светло-серое чуть выше колена платье Маура Лари. Либо на чай пригласит, либо на экскурсию, мелькнуло в голове. Девушка завила свои и без того вьющиеся чёрные волосы и нанесла аккуратный макияж на лицо.

— Салют! — поздоровался я, — предлагаешь экскурсию по городу?

Я сразу решил закрыть идею с чаем, так как это могло привести к самым непредсказуемым последствиям, а мне это вообще ни к чему. Олимпиаду нужно выигрывать, спасти свою жизнь и судьбу своих друзей.

— Экскурсия? — удивилась Маура, — много ходить у меня ноги болят.

Я засунул руку в карман красных джинсов и нащупал пять бумажек по десять долларов каждая. Когда есть деньги, пусть и не такая великая сумма, проблема с колёсами, причём с разными, в капиталистическом обществе решается легко. Я взял девушку за руку, чтобы не торчать перед всей олимпийской сборной на виду, как три тополя на Плющихе, и повёл ее в ближайшую кофейню.

После субботнего поражения от Бразилии, бразильский бариста нас, советских баскетболистов встречал, как своих лучших друзей. Я взял две чашечки «Нестле» и мы присели за свободный столик. И пока мы мило под кофе общались, я обратил внимание на большущую стоянку полицейских мотороллеров, которые сопровождали в городе в виде эскорта автобусы всех олимпийцев. Гонял я в той жизни на «Тулице», не думаю, что наши тульские конструкторы изобретали новый тип мотороллера, наверняка скомуниздили европейский аналог.

— Маура, — улыбнулся я девушке, — давай возьмём в аренду мотороллер и мы за несколько часов объедем все римские достопримечательности.

— Это же полиция? — удивилась она.

— В полиции тоже люди работают со всеми вытекающими достоинствами и недостатками, — я вновь взял девушку за руку и повёл на стоянку.

Около трёх десятков двухколёсных пони дежурил молодой парень одетый весь в белое. Белые летние легкие штаны, белая рубашка и белая же каска. Наверное, вечером такой наряд особо актуален, сразу издали видно блюстителя закона и порядка.

— Маура скажи полицейскому, что мы хотим взять мотороллер в аренду, — я протянул десять долларов парню в форме.

Полторы минуты моя итальянка о чём-то эмоционально беседовала с охранником мотиков. Тогда я вытащил еще десять долларов из кармана, и протянул полицейскому уже двадцатку. Тон продолжающейся беседы несколько изменился. Но к согласию снова прийти не удалось.

— Он не имеет права давать мотоцикл, — перевела мне вкратце трёхминутную беседу Маура.

— Скажи ему, спасибо, — улыбнулся я, — найдём в другом месте.

— Адиос, сеньор, — сказала итальянка и, взяв сама меня за руку, с возмущённым видом, повела в сторону выхода из Олимпийской деревни.

Однако полицейский, который уже увидел деньги, и даже успел представить, что можно на них купить, отказаться от взятки не смог. Подвела человека плохо воспитанная в себе сила воли. И уже через пятнадцать минут, мы на полицейском мотороллере медленно ползли по кривым переполненным улицам старого города. Несколько раз я аккуратно объезжал заторы, выкатываясь на пешеходную дорожку.

— Пардон, мадам и месье! — орал я в этих случаях, — пардон, сеньоры и сеньориты!

Маура же всем телом просто вжалась в меня, что периодически вызывало во мне самое естественное мужское желание, продолжения рода, на крайний случай тренировки этого. Когда мне было совсем невмоготу, я останавливал мотороллер и спрашивал, что это за очередная архитектурная постройка? Через два часа у меня в штанах всё в прямом смысле

уже дымилось, и я остановился около небольшой уличной кафешки.

— Давай поедим, — смущённо пробубнил я.

Хоть каску вешай на причинное место, пронеслась шальная мысль.

— У меня уже все эти Ватиканы, замки, триумфальные арки и соборы в голове перемешались, — быстро сказал я и ещё быстрее уселся за свободный столик.

Маура, всё поняв, хитро заулыбалась и присела напротив меня. Мы заказали греческий салат, кофе и по хорошему куску мяса. Чтобы хоть как-то унять сексуальное напряжение я вертел головой по сторонам пытаюсь отвлечься приличными мыслями. А разговорчивой итальянке, на её милый щебет, отвечал простыми односложными словами.

— Поехать ко мне, — прошептала Маура мне на ухо, близко придвинувшись.

Но вот что мне оставалось делать? Откажешься, пойдут разговоры, что советские спортсмены совсем не мужики, подозрительно шарахаются от противоположного пола. А какие выводы на таких слухах могут сделать не только в Италии, но и в других капиталистических странах, подумать было страшно. Поэтому я согласился. Как я мог уронить честь нашего героического красного знамени!

На обратной дороге вести мотороллер было предельно сложно, так как разгорячённая Маура мало того что целовала меня во время уличных пробок в шею, так ещё она запустила свои аккуратные ручки мне под майку. Пришлось остановиться в укромном закоулке и дать вдоволь нацеловаться горячей итальянке. Зато дальнейший путь прошёл более спокойно.

В полутёмной из-за завешанных штор комнате Мауры стояла ещё одна кровать. Из чего я сделал вывод, что в принципе условия в общежитие нормальные, живут по-человечески по двое, а не как у нас, минимум четыре человека в одних четырёх стенах. И пока я размышлял на такие несущественные темы, девушка полностью разделась и принялась стягивать с неразумного меня футболку и джипсы. Когда же мы остались в костюмах Адама и Евы, и девушка окончательно убедилась, что я готов не только к труду и обороне, и размер у меня достаточной глубины, я сделал то, что должен был.

— Вот я дурак! — закричал я, — у меня же сейчас тренировка! Мне же сейчас Суренович голову оторвёт!

— Я не понимать, — испуганно посмотрела на меня девушка.

— Что не понимать? — я быстро накинул на себя всю свою одежду, — сикир башка будет! Цигель цигель, ай-лю-лю!

— Я не понимать, — итальянка чуть не заплакала.

Тогда я сцену прощания закончил продолжительным поцелуем и быстро выскочил прочь. Благо мотороллер был на месте. Видать в преддверии Олимпиады местные полицейские весь криминалитет определили в тюремные дома отдыха.

— Ты есть псих! — выкрикнула итальянка из окна своей комнаты во двор, когда я уже тархтел в сторону Олимпийской деревни.

На самом деле я практически не соврал. Суренович по моей просьбе на выходной день действительно назначил вечернюю тренировку.

— Почему не утром устроить занятие? — удивлялся второй тренер Алексеев.

— Если потренируемся утром, то днём сборники пойдут менять массово доллары на вино, — пояснил я простую логичную вещь, — а вино потом, чтобы оно не испортилось, выпьют.

— Решено, — согласился Спандарян, — значит, объявляем тренировку в восемнадцать ноль-ноль по местному времени.

На занятии, которое мы уже по традиции устроили подальше от своего корпуса и корпуса американцев, на самом берегу Тибра, как это не удивительно все были абсолютно трезвы. Единственное, половину состава постоянно пучило от выпитой халявной пепси-колы. Как малые дети, усмехался мысленно я, эта же пепси — отравка, которая к тому же не утоляет жажду!

Сегодня отрабатывали взаимодействия при плотном прессинге. Ведь секрет успеха в этом игровом компоненте — это единое движение всех игроков на площадке разом. Я даже предложил, чтобы нас впятером обвязали за талию одной веревкой, на расстоянии двух метров друг от друга, и таким вот пятиугольником мы пытались отобрать мяч у наших же товарищей оппонентов.

— Как только один пошёл на перехват, остальные в тот же момент должны занять пустующие позиции! — увлёкшись процессом, покрикивал я.

— Если в одном месте прибыло, то в другом убыло, — засомневался в правильности действий капитан команды латышский стрелок Валдис Муйжниекс.

— Правильно, — согласился я, — если двое наших выдвигаются на одного противника с мячом, то в другом месте против двух соперников останется один наш. Этим одним, который будет караулить передачи, на как бы свободных игроков буду я.

— Зубков, Вольнов, Корнеев, Крутов и Муйжниекс, — устал от наших пререканий Супенович и взял бразды правления в свои руки, — пытаются сыграть в прессинг против Минашвили, Семёнова, Озерса, Круминьша и Валдманиса. Через две минуты Петров заменит Круминьша, а Угрехелидзе Озерса.

— Э-э! Я тоже хочу играть прессинг! — возмущился несправедливостью Гурам.

— Гурам, когда кто-нибудь из нас «наестся», будешь, — ответил я.

В следующие полчаса на площадке шла настоящая драка за мяч. Мы не давали его свободно разыгрывать от кольца, а наши товарищи не давали нам нормально его, мяч, перехватить. И чуть что сразу прилетало по рукам и другим частям тела.

— Хватит! — дунул в свиток главный тренер, — поубивает ещё друг друга. Будем считать, прессинг отработан.

В принципе половину атак наших товарищей-соперников нам удалось погасить прямо в зародыше.

— Все в душ и на ужин! — хлопнул в ладоши второй тренер Алексеев.

Вечером, первый выходной день на играх олимпийцы разных стран решили отметить песнями и танцами в международном клубе.

— Ну что вы идёте? — в нашу комнату заглянул разодетый в красный джипсовый

костюм Гурам Минашвили.

— Сейчас! — крикнул, примеривая новую рубашку Корней, — Богданыч, ты не передумал, может с нами для поддержки?

— Если вам нужен человек для поддержки, — недовольно буркнул я, — позовите с собой Юру Власова. С ним можно хоть в злачные места Нью-Йоркского Гарлема на экскурсию завалиться.

— Ты как мой дедушка, да! — Гурам забежал внутрь комнаты и силой поднял меня с кровати.

— Ладно, ладно! Только без рук! — я надел на себя свой концертный костюм, а то как-то нелепо все в красных джипсах клёш, пусть хоть отличия будут.

В международном клубе, который представлял собой большой зал, где можно было послушать музыку из музыкальных автоматов, и стояли десятки столиков, народу набралось множество. Если учитывать, что в Олимпийской деревне проживало около шести тысяч человек, то в клубе была точно половина. За одним столиком меня позабавила следующая картина, за ним сидели боксёр Боря Никоноров, американская гимнастка Дорис Фукс и самый сильный человек в мире штангист Юра Власов. Два таких миниатюрных человека и один человек гора. Я подошёл, поздоровался, оказалось Юра, неплохо знал английский и переводил разговор счастливых влюблённых.

— Что сказала Дорис? — спросил Никонор Власова.

— Говорит, что она очень любит кататься на своём «Роллс-Ройсе» по Нью-Йорку, — прогудел штангист, — и спрашивает, а какой автомобиль у тебя?

— Что ответить то? — задумался Боря.

— Скажи, что у Бори есть лошадь, которая хорошо ориентируется на улицах Москвы, — хохотнул я и пошёл к Корнею и Гураму, которые уже стояли ближе к голове очереди за настоящим душистым кофе.

Вообще вся обстановка международного клуба мне напомнила турецкие, греческие, египетские и прочие туристические отели. Разве что никто здесь не хлебал литрами дешёвый разбавленный колой алкоголь, а народ больше пил кофе и пепси-колу. Из музыкального центра неслись аккорды зажигательных песен Элвиса Пресли. Короче говоря, всякое плохо аранжированное старье. Скукота, подумал я и решил незаметно смыться.

Но на улице меня перехватил Боря Никоноров.

— Ты чего ушёл? — крикнул он, догнав меня.

— Сам видишь, это тоска смертная, — я махнул рукой, — никакого сравнения с нашей алуштинской дискотеккой.

— Это да, — согласился он не споря, — слушай, я завтра с местным боксером работаю с Франческо Муссо. Может, что посоветуешь?

— Это плохо, — я почесал затылок, — местных тут хорошо судят.

Я вспомнил баскетбольную игру между Италией и Венгрией, где раз пять или шесть судьбы принимали странные решения.

— Ну, так что? — Боря несколько раз посмотрел на часы.

Наверное, ещё с Дорис хочет погулять, подумал я. И тут память мне выдала давно стёртый в голове «файл», как один раз в Черногории, в той моей жизни, подрались два итальянца, и один постоянно кричал другому: «бачьями илькуло»!

— Значит так, — я махнул рукой, была не была, — подходишь на стартовое рукопожатие и шепчешь итальянцу, что он бачьями илькуло. И вообще во время всего боя

ему повторяешь, что он это самое.

— Бачьями илькуло, — проговорил Боря по слогам, — а что это такое?

— Да хрен его знает, — я пожал плечами, — что-то обидное, в общем. Выведешь его из равновесия и бей так, чтоб до нокаута. По-другому могут победу не засчитать.

— Может ты и прав, — задумался боксёр легковес.

И попрощавшись со мной, счастливый влюблённый полетел обратно к своей Дорис. Ох и наплачешься ты, Никонор, за связь с американкой после игр в СССР, подумал грустно я. Почему обязательно нужно выстраивать железный занавес? Если построить в стране достойную человеческую жизнь без очередей, все в нормальном жилье и без грязи на улицах, без идеологической дури, без уравниловки и без вороватого быдла, дорвавшегося до кормушки, тогда никаких стен посредине Берлина городить не придётся. Неужели наш трудолюбивый и изобретательный народ этого не достоин? Да быть такого не может!

Игра с баскетболистами маленького островного государства, управление которого было полностью зависимым от США, организаторы Олимпиады назначили на самое позднее время, на двадцать три часа ноль-ноль минут. Одно то, что сборная Пуэрто-Рико в прошлом году завоевала серебро на Панамериканских играх, уже вызывало уважение. Поэтому в команде и тренеры, и игроки были немного напряжены. Во время разминки, когда я обстреливал кольцо с дальних дистанций, меня подозвал к себе главный тренер Спандарян.

— Мысль такая появилась, — прикрыв ладонью свой рот, сказал мне он, — вместо Муйжниекса выпустить Минашвили. Он и побыстрее будет, и позлее, чем наш невозмутимый и меланхоличный рижанин.

Минус один снайпер, зато плюс один реактивный игрок, подумал я.

— Хорошая идея, — я кивнул головой, — а если что пойдет не так всегда можно сделать замену.

* * *

— Внимание, внимание, говорит столица семнадцатых Олимпийских игр, город Рим, — Николай Озеров, непонятно почему испытывал сильное волнение за команду.

Его немного радовало, что радиотрансляция пойдёт в записи лишь завтра утром, так как сейчас на большей территории СССР была глубокая ночь. Если какой форс мажор выскочит, звук всегда можно будет отредактировать. Но в тоже время этот факт его и огорчал, ведь настоящая спортивная трансляция — это исключительно прямой эфир, тот миг и час, когда творится история.

— Сегодня днём уже состоялось несколько важных матчей Олимпиады, — продолжил свой комментарий Озеров, — сборная команда США обыграла Венгрию 107:63, Япония оказала достойное сопротивление хозяевам итальянцам, но уступила 92:100. Югославия проиграла нашим чехословацким друзьям 64:76 и сборная команда Франции лишь в овертайме одолела Болгарию 73:72.

Николай сделал пару быстрых глотков минералки. На площадке выстроились две стартовые пятёрки для начально приветствия.

— Итак, вот наш состав, который начтёт эту не простую игру, — Озеров посмотрел для убедительности в протокол, и тут же платком протер вспотевший лоб, — скажу вам сразу, на паркет вышел очень необычный подбор исполнителей. Гурам Минашвили из Тбилисского «Динамо», московские армейцы Зубков и Вольнов, московский динамовец Юрий Корнеев и наш самый молодой баскетболист шестнадцатилетний Богдан Крутов, чемпион Москвы среди школьников. Странно, что в запасе остался наш капитан, Валдис Муйжниекс, но как говорится тренеру виднее.

* * *

Стартовый спорный мяч, подброшенный вверх итальянским арбитром встречи

Ревербери, к сожалению, мы проиграли. Витя Зубков поздно выпрыгнул и центровый пуэрто-риканцев откинул мяч на невысокого, но очень координированного разыгрывающего Хуана Висенса, по прозвищу Пачин. Я тут же вырос перед Висенсом, как из-под земли.

— Пасе! Пасе! — закричал наставник островитян.

Но Пачин решил показать кто в доме лучший дриблёр, и переведя мяч на левую руку пошёл в проход. Я мгновенно ускорился и успел самым краем пальцев чиркнуть по мячу, и тот недолго думая, бесхозный покатился в сторону нашего кольца. На него, как два голодных льва, тут же прыгнули наш Гурам Минашвили и ихний Валле Гонцалес. Гурам оказался быстрее и одной рукой откинул мяч с пола Гене Вольнову. Я резко рванулся под чужое кольцо. Что обычно делают хорошие баскетболисты, когда твой партнёр пошёл в отрыв, объяснять такому мастеру было не надо. Я оглянулся, а мячик уже тут как тут, летит прямо мне в руки. Цап царап и вот он родимый в моих ладонях, два длинных шага, спокойный невысокий прыжок и от щита баскетбольный снаряд ловко ныряет в сетку.

— Разобрали, разобрали, всех! — закричал с бровки второй тренер Алексеев.

— Гурам прихвати разыгрывающего! — бросил я, оттягиваясь ближе к центру площадки.

Так как разыгрывающий Хуан Висенс для первой передачи в поле, сам встал за лицевой линией, то тбилисский динамовец максимально близко выдвинулся к лицевой и расставил в стороны руки.

— Мовемос! Мовемос! — засуетился, прыгая около самого баскетбольного поля, тренер пуэрто-риканцев.

Висенс растерявшись, пять секунд крутил мячом в разные стороны, не зная кому сделать пас. И испугавшись, что сейчас накажут за затяжку времени, выбросил его на ближайшего партнёра, которого тут же прихватили Корнеев и Вольнов. Пуэрто-риканец не ожидая такой плотной опеки, отпасовал на своего центрального, которого караулил я. Напрасно он думал, что большая разница в росте ему поможет, я вылетел так высоко, как только мог, и вцепился в баскетбольный снаряд железной хваткой. Минутная растерянность островитян, и Корней резко открылся под самым кольцом. Лови дружище, мысль лишь искоркой сверкнула в моей голове, а мяч уже летел в сторону нашего форварда. И Юра тут же переправил его от щита в корзину. Трибуны, предчувствуя жестокое «избиение» одной команды другой, дружно заулюлюкали и засвистели. Заставляя проигрывающую сторону наконец-то вспомнить, зачем они приехали на Олимпийские игры.

— Мовемос! Малдичьён! Мавемос! — обречённо тараторил тренер маленькой островной страны.

На этот раз передача Висенса оказалась более точной, и трое наших игроков застряли в высоком прессинге под щитом противника. Я рванул спиной к своему кольцу и приготовился встретить прорыв двух игроков сборной Пуэрто-Рико. Что мне оставалось делать? Я показал всем видом, что сейчас выдвинусь на игрока с мячом, и тут же отскочил к игроку, который был открыт. Небольшая обманка сработала вовремя. Так как в этот же момент последовал пас прямо в мои загребущие руки. Я сразу же метнул баскетбольное ядро через всю площадку, где наших было тоже двое против одного. Зубков с Вольновым распорядились моим подарком более рачительно. Ещё два лёгких очка в копилку команды СССР.

На тридцатой секунде под хохот диванных экспертов, которых среди болельщиков во все времена было большинство, тренер островитян взял тайм-аут и начал что-то чертить на

* * *

— Это товарищи самый настоящий разгром, — Николай Озеров так увлёкся игрой, что забыл и про жару, и про беспочвенные тревоги, — идёт середина первого тайма счёт 36:12 в нашу пользу. Как нельзя кстати, пришёлся вчерашний выходной день, тренер Степан Спандарян встряхнул своих подопечных и мы видим сейчас настоящий искромётный баскетбол. Уже двадцать очков набрал дебютант сборной СССР, вчерашний школьник, молодой разыгрывающий Богдан Крутов. Вот какую достойную смену готовит наш великий Советский спорт! И снова обостряющая передача, Кронеев скидывает мяч на Минашвили. Гурам передаёт его в угол на свободного от опеки Крутова, бросок! Ещё два очка в копилку команды. 38:12.

* * *

В перерыве эмоции переполняли всех в раздевалке, кроме меня. Гурам танцевал лезгинку, его партнёр по Тбилисскому «Динамо» Угрехелидзе азартно хлопал в ладоши. Даже всегда недовольный второй тренер Алексеев улыбался. Ещё бы, все его армейские подопечные провели замечательную двадцатиминутку, которая закончилась при счёте 52: 27 в нашу пользу.

— Чего грустим? — подтолкнул меня в бок Корней, — итальянка вчера не дала? Я кстати видел её, она какие-то бумаги на судейский столик приносила. Хорошенькая.

— Да ладно, — улыбнулся я, — Суренович, нужно обязательно дать сыграть всем парням. И эту карусель с прессингом нужно прекращать.

— Опять ему не ладно! — всплеснул руками второй тренер Алексеев.

— Николаич, — ответил я ему, — сам посуди, зачем нам громить баскетбольного карлика? Зачем другим соперникам давать возможность изучать, как мы работаем в прессинге?

— Гурам прекрати танцы, ещё не олимпийские чемпионы! — выругался Спандарян.

— Нэт значит будэм, — обиделся Минашвили, — я из самого Тбилиси сюда ради этого приехал!

— На второй тайм выходим в таком составе, — Суренович достал свой блокнот, — Круминьш, Озерс, Семёнов, Муйжниекс, Валдманис. Играем спокойно, никуда не спешим, разыгрываем до верного после расстановки.

* * *

— В перерыве матча вашему вниманию ещё несколько новостей с семнадцатой Олимпиады в Риме, — Николай Озеров разложил на маленьком комментаторском столике несколько листов с протоколами соревнований, — сегодня состоялись четвертьфинальные поединки боксёров. К сожалению не все наши спортсмены пробилась в полуфиналы, и будут

сражаться за медали. Итак, в весовой категории до 51 килограмма победу одержал Сергей Сивко, в другом весе до 54 килограммов успех сопутствовал Олегу Григорьеву. Наиболее запоминающийся бой провел Борис Никоноров в весовой категории до 57 килограммов. Отличный был поединок, в котором наш спортсмен во втором раунде выиграл нокаутом у сильного итальянского легковеса Франческо Муссо. Так же в следующую стадию вышли Юрий Родняк, Борис Лагутин и Евгений Феофанов.

Николай Озеров посмотрел на баскетбольную площадку, куда стали выходить из раздевалок игроки сборных СССР и Пуэрто-Рико.

* * *

На вторую половину тайма Суренович сказал мне, чтобы я даже не переодевался. Мало ли у меня какие последствия после травмы могут случиться. А нам еще играть и играть, самые важные матчи впереди. Тем более что мы попадаем в полуфинале в группу со сборной США. К сожалению, регламент Олимпийского баскетбольного турнира оказался запутанным и идиотским. Если мы в полуфинале проиграем США, то в финальной четверке куда из двух групп отберутся по две лучшие команды, результат личной встречи будет учитываться. Это значило, что с вероятностью до девяноста девяти процентов в финале, после проигрыша студентам из американских вузов мы будем биться лишь за второе место. Тут тебе не там, усмехнулся я, в том моём времени все просто, вышли в финал две команды и разыграли золото с серебром, спокойно без всяких чудес турнирной арифметики.

Пока Муйжниекс увеличивал разницу до тридцати очков я вертел головой по сторонам. Маура Лари действительно работала на матче. И мы даже встретились один раз взглядами. Маура печально улыбнулась и помахала мне рукой, я тоже помахал и улыбнулся.

— Куда смотришь? — толкнул меня в бок Юра Корнеев, — вон на поле надо смотреть. А не на итальянок в коротких платьишках.

— Мне твой несмешной юмор во — где! — я поднёс ладонь к своему горлу.

— Да ладно, игра сделана, — усмехнулся Корней.

Баскетболисты Пуэрто-Рико с мнением моего партнёра по команде были не знакомы, но категорически согласны. Так как за десять минут практически бросили играть. Финальный свисток остановил избиение островитян на счёте 110:53. Самым ценным игроком матча в нашей команде признали Юру Корнеева, который набрал двадцать четыре очка. Я со своими двадцатью двумя, которые настрелял в первой половине, стал вторым по результативности.

После матча у выхода из «Плацетто делло Спорт» меня ждала одинокая фигура моей итальянской знакомой.

— Не забудь забежать в аптеку, прикупить там кое-чего для чая, — загоготал Корней, когда я подошёл к Мауре.

— Что он говорить? — девушка приподняла одну бровь.

— Он говорить, что ты очень красивая, а я этого не вижу, — бессовестно соврал я, — поэтому он посылает меня в аптеку за очками.

— Правда? — заулыбалась Маура.

— Ты же должна каждый день на себя в зеркало смотреть, — я развёл руки в стороны, — конечно красивая.

Тут из Палаццетто вышли наши латышские баскетболисты.

— Валдис, — обратился я к капитану команды, — закинь мою сумку в гостиницу.

— Шустрый ты парень, — усмехнулся Муйжниекс, — пора тебе перебираться в Ригу.

— Мы с тобой в чемпионате всех разнесём, — прогудел высоченный Янис Круминьш.

— А маршал Гречко считает, что мне пора переходить в ЦСКА, — я отдал сумку

Валдису, — кто-то хочет с ним поспорить?

Желающих ясное дело не оказалось. Хорошие ребята, латыши, душевные, только много себе воображают, подумал я, провожая Мауру домой. Мы оба чувствовали неловкость после прошлого свидания, поэтому старались идти на пионерском расстоянии. Лишь в закоулке, где было слишком темно, Маура резко прижалась ко мне, и держалась за меня до тех пор, пока не вышли на свет.

— Извини, — сказала она, когда мы подошли к её общежитию, — подниматься к нам? Я познакомить тебя с соседка.

— Прости, в другой раз, — я чмокнул девушку по-дружески в щеку, и быстро пошёл к себе в Олимпийскую деревню.

Потом еще раз оглянулся и помахал итальянке, которая все ещё стояла на пороге своего здания.

Виктор Прохоркин последние дни буквально летал, паря на крыльях вдохновения. Наконец-то сбылась мечта идиота, он писатель, самый настоящий. Уже в «Пионерской правде» опубликовали два его отрывка из космической саги «Звёздные войны». И сегодня в последний день производственной практики Виктор решился сделать новый шаг на пути к собственному самоуважению.

— Пора становиться настоящим мужиком, — бубнил себе под нос начинающий писатель, вновь опаздывая в госпиталь имени Бурденко, — главное наступить на горло своей врожденной робости! Не пытайся! Делай или не делай! Не пытайся. Как говорят джедаи.

Однако букет цветов, которые решил сегодня подарить Марине, Виктор спрятал поглубже в просторный портфель. Мало ли кто его засмеёт на улице. Кому приятно услышать, от неразумной детворы, вон жених пошёл. Главное все сделать быстро, чтобы не успеть испугаться, твердил про себя студент.

Но, к сожалению, Марина отсутствовала в госпитале первую половину дня. Прохоркин же просто весь извёлся. Ну, где же можно столько времени пропадать? Из меня же сейчас вся смелость испариться, думал он, по несколько раз за час, выходя к окнам, которые смотрели на крыльцо главного входа в Бурденко. И вдруг на аллее появилась Марина. Вся такая ладная, миниатюрная, вся такая не земная.

Витюша схватил портфель и во чтобы то ни стало, решил встретить медсестру на улице, где говорить ему будет во много раз проще чем в госпитале. Вот она удача, подумал студент, Марина остановилась около крыльца и что-то искала в своей сумке.

— Привет, — дрожащими губами пролепетал Прохоркин.

— Что? — Марина подняла на него большие персидские глаза.

— Я тут это, — замялся Витюша, и попытался открыть портфель.

Но руки совсем его не слушались, и застежка просто застряла, как приваренная к замку.

— У тебя всё в порядке? — поинтересовалась девушка.

— Я должен тебе сказать, — кроме застёжки, во рту застряли и слова.

Но вдруг буквально через секунду, какая-то тяжёлая лапа упала на плечо Витюши и сильная, как экскаватор, легко развернула его на сто восемьдесят градусов. Студент поднял глаза и увидел омерзительную небритую харю незнакомого здорового, как бык, мужика.

— По этому хлюпику ты что ль сохнешь? — проревела харя, обдав Витюшу спиртосодержащим выхлопом.

— Макар! — взвизгнула Марина, — всё уже сто раз переговорено! Глаза б мои тебя не видели!

Марина отчаянно жестикулируя пошла в сторону Лефортовского парка так как стыдилась, того чтобы её здесь застали с давним отверженным ей воздыхателем. Макар тут же пошёл следом и повёл, как бычка на привязи Витюшу.

— Отпусти Виктора, а то я вызову милицию! — Марина, в поисках защиты, посмотрела по сторонам.

— Тебя отпустить? — глядя студенту прямо в глаза промычал Макар.

— Извольте, — еле выдавил из себя Витюша.

— Чтоб я тебя больше с Маринкой никогда не видел! — мужик взял Прохоркина за грудки и силой оттолкнул.

Бедное тело студента пару метров пробежало, запнулось об бордюр и рухнуло в кусты. Портфель, в котором прятался миленький букет, полетел по параболической траектории ещё дальше. Голый интеллект оказался абсолютно бессилён перед грубой физической силой. Сказать, что Витюша был раздавлен, это не сказать ничего. Так упасть, фигурально выражаясь, в глазах любимой девушки было очень больно. Но то, что увидел Прохоркин дальше, повергло его в ещё больший шок. Когда он вылез из кустов, Макар как ни в чём не бывало, целовал его ненаглядную космическую Мэри.

— Чтоб в таком виде здесь больше не появлялся, — приказала, тяжело дыша, Марина своему омерзительному поклоннику.

— Замётано, — криво ухмыльнулся бугай.

Уже дома Виктор достал из укромного места открытую бутылку отцовского коньяка и выпил целую рюмку неприятного для него на вкус напитка. В голове тут же зашумело, и перед глазами поплыли радужные круги. Прохоркин закрыл дверь в их общую с братом комнату и уставился на свое отражение в большом зеркале, которое висело на двери.

— Слизняк! — студент ткнул презрительно пальцем в него, того кто смотрел из-за стекла, — Мари-и-ина! — завыл он, давясь слезами и соплями.

Вдруг в большой комнате зазвонил телефон. Витюша погрозил своему отражению пальцем, потом сделал знак, тс-с-с. И покачиваясь, снял дребезжащую трубку, с которой плюхнулся на диван.

— Внимательно слушаю, — пролепетал студент.

— Это звонит редактор «Пионерской правды» Татьяна Владимировна Матвеева, — представился приятный деловой женский голос, — мне нужен Виктор Прохоркин.

— Сейчас, — пробубнил Витюша.

Он оставил в покое трубку прямо на диване, а сам быстро, насколько был способен, ринулся в ванную комнату, потом открыл кран с холодной водой и сунул под струю свою голову. Досчитал про себя до десяти и перекрыл кран обратно. В голове заметно прояснилось.

— Виктор у аппарата, — подражая отцу, сказал он в трубку.

— Здравствуйте, — ответил голос Татьяны Владимировны, — сможете ли вы сегодня вечером со мной встретиться?

— Да, — голос Витюши неожиданно дал петуха, — куда мне приехать и во сколько?

Встречу главный редактор «Пионрки» назначила на Поварской улице в ресторане ЦДЛ, Центрального Дома Литераторов. От дома где проживал начинающий гений литературного труда дворами ходу было минут пятнадцать, поэтому Витюша вышел пораньше, чтобы немного проветриться и прийти в себя. Эх, мне сейчас бы джипсы как у брата, студент печально осмотрел свой внешний вид. Черные брюки, черный пиджак и белая рубашка с цветастым стилижным галстуком, выглядели несколько комично. Но что может быть хуже, чем лежать в кустах, когда твою любимую девушку целуют? Поэтому внешний вид Витюша счёл приемлемым, плащ, несмотря на пасмурную погоду, он решил не надевать.

— Давно пора нужно было начать заниматься физкультурой и закаливанием, — бубнил себе под нос Прохоркин, топая по запутанным закоулкам столицы своей Родины, — сегодня буду закаляться!

В ресторане ЦДЛ, на Витюшу вновь навалилась робость, когда он представил, какие тут обедали литературные «мастодонты».

— Виктор! — Татьяна Владимировна помахала растерянному юноше рукой из-за

столика на двух персон, который стоял у самой стены под огромным портретом с девушкой и снедью.

Неловкой шаркающей походкой Прохоркин пересек зал и плюхнулся в кресло напротив редактора «Пионерской правды». А она ничего так, подумал про себя Витюша, держит себя в хорошей форме, жаль, старовата, сорок пять лет уже стукнуло.

— Вы вино пьёте? — спросила его женщина.

— А как же? — удивился студент, и растерянно посмотрел в зал.

Вообще-то, последний раз Прохоркин употреблял спиртное в Новогодний праздник, после чего всю волшебную новогоднюю ночь он простоял на коленях перед тазиком, и выслушивал оскорбляющие личность и достоинство реплики отца и старшего брата. Но после сегодняшней рюмки коньяка, Витюша решил, сгорел сарай — гори и хата.

Татьяна Владимировна сделала заказ на двоих сама, так как однозначного утвердительного ответа, что предпочитает молодой литературный гений она так и не дождалась. И кроме графинчика хорошего молодого вина, на столе появился салат из овощей и мясное рагу. Надо бы сказать, что у меня денег нет, подумал Витюша, вылавливая мясные куски из рагу.

— Я хотела вас поздравить, — редактор «Пионерки» сама разлила вино по фужерам, — вы не представляете, это просто вал писем! Мы уже увеличили тираж пятничных номеров в пять раз! Давайте выпьем за наш общий успех.

Прохоркин и товарищ Матвеева скрепили литературную удачу звонким дзинь, своих хрустальных бокалов. Виктор залпом опрокинул в себя весь фужер, и ему сразу же стало очень хорошо.

— Да, — студент криво улыбнулся, — это вам не «В дебрях бумбы-румбы». Кстати, вам ни кто не говорил, что вы очень очаровательная женщина?

Последние слова из молодого литератора выскочили сами собой.

— Это было очень давно, — улыбнулась Татьяна Владимировна, — но нет, только не это! — сказала она глядя мимо студента.

Витюша неудобно изогнувшись, быстро посмотрел себе за спину. К их столику нетвёрдой походкой двигался какой-то грузный мужчина.

— Танюшенька, — пропел он, — почему ты не отвечаешь на мои звонки?

— Спокойно, — Татьяна Владимировна положила свою ладонь на руку Витюши и встала из-за стола, чтобы как следует отчитать надоедливого поэта и выпроводить его вон.

Но Виктор Прохоркин ситуацию, своим затуманенным мозгом, прочел несколько иначе, он налил из графина в бокал вина и когда грузный поэт поравнялся с их столиком, Витюша резко поднялся.

— Чтоб я тебя больше не видел со своей женщиной! — взвизгнул он и плеснул содержимое бокала прямо в глумливую морду, как он полагал, своего соперника.

Дальнейшие события для сознания молодого писателя закрутились, как в калейдоскопе. Сначала ему прилетела тяжелая затрещина ладонью в левое ухо, после чего полстремительно приблизился к лицу. Затем его кто-то тащил и с трудом усадил в автомобиль. Потом перед глазами мелькали вечерние огни горящих окон домов. Дальше ноги еле-еле переступали со ступеньки на ступеньку. И наконец, он с кем-то долго и очень мокро целовался. Затем произошло то, о чём он лишь читал в медицинской литературе. Коитус вспомнил Витюша загадочный научный термин. Что снилось до утра, Прохоркин уже не запомнил. Да и какая разница, подумал начинающий писатель, лёжа на животе, когда

солнце ударило ему прямо в глаза.

— Подъём лежебока! — студент услышал голос Татьяны Владимировны, и повернулся на кровати так, чтобы получить более полную информацию о месте своего пребывания.

Он увидел большой книжный шкаф, который плавно перетекал в шкаф бельевой. Наверное, сделали на заказ, подумал он. В углу деревянный лакированный резной журнальный столик из почерневшего дерева. Сама хозяйка квартиры стояла с подносом, от которого шёл непередаваемый аромат свежесваренного кофе. При этом сама Татьяна Владимировна была одета в кокетливый короткий, выше колен халатик.

— Поднимайся, — голосом строгой учительницы сказала она, присаживаясь рядом на кровать.

— Вчера, Татьяна Влади..., - не успел пролепетать Витюша.

— После вчерашнего, можешь называть меня просто Таня, — женщина придвинула блюдо, на котором стояла кружка кофе к Виктору, а сама с журнального столика взяла пачку «Marlboro».

— Знакомый привёз из Болгарии, — сказала Таня, закуривая импортную сигарету, — значит так, вчера не дали договорить, поэтому поговорим сейчас.

Женщина наклонилась и опёрлась на одну руку так, что из халата выглянул наглый голый и возбуждённый сосок.

— Напечатаем продолжение твоей книги ещё в пяти номерах, а остальное пусть заинтересованные читатели приобретают в книжных магазинах, — Татьяна Владимировна стряхнула пепел в хрустальную плоскую пепельницу.

— Книгу же нужно для начал издать, — промямлил студент, не сводя глаз с обнажённой груди.

— Это я беру на себя, — Татьяна улыбнулась и поплотнее прикрыла, разошедшиеся полы халата, — в союз писателей я тебя тоже пропихну. А твоё дело писать. Писать много и так же хорошо.

Редактор «Пионерки» отодвинула поднос в сторону и, прильнув к Витюше, поцеловала в его неумелые губы.

На тридцатое августа для сборной СССР по баскетболу выпал свободный от игр и тренировок день. И для того чтобы сборники не шатались хаотично по городу, и не дай Бог, где-нибудь употребляли вкусное итальянское вино, главный тренер команды решил всех вывезти на море, в маленький городок Лидо-ди-Остия. Благо расстояние всего ничего, примерно тридцать километров, и ехать меньше часа на автобусе.

— Не забываем плавательные принадлежности! — крикивал второй тренер Алексеев, — это вам не на диком алуштинском пляже барахтаться, в чём мать родила!

— Надо, по дороге вина купить, да! — расплылся Гурам.

— Какой море без вина? Так, одна солёная вода! — хохотнул я.

— Вообще-то Гурам прав, — вмешался Корней, — давайте проголосуем!

— Я тут кому-то проголосую, — буквально прорычал Суменович, — это вам не просто увеселительная прогулка. Выезд на море рассматривается тренерским штабом, как внеплановое занятие по общефизической подготовке.

— Ну, тогда у меня рука болит, — сел на скамейку около нашего корпуса центральной Саша Петров.

— У меня тоже, вот тут плечо заболело, — Минашвили искривил свою физиономию, из-за мнимой боли.

— А у меня плавки порвались, — смущенно сказал Миша Семёнов.

— Они же у тебя сегодня в комнате были целые, — сдал его сосед по номеру латыш Озерс.

— Тогда сейчас порвутся, — прогундосил Михаил.

— Хорошо, возьмём молодого вина, — пошёл на попятную Спандарян, — но максимум по двести грамм на человека, ни больше!

— О! — обрадовался Гурам, — совсэм плечо не болит! Показалось, наверное.

Когда команда с шутками и прибаутками загружалась в автобус, меня окликнула Маура, которая выглядела очень встревоженной.

— Суменович, я отойду, — сказал я главному тренеру.

Оказалось, что всё очень серьёзно. У соседки Мауры по комнате пропала младшая сестра. На вопрос, почему не обращаетесь в полицию? Итальянка сказала, что в полиции в лучшем случае примут заявление через два дня, а займутся поисками, если займутся вообще после завершения Олимпиады. Так как все полицейские задействованы на охране олимпийской деревни и мест, где идут соревнования.

Дилемма, я ненадолго завис. Ведь не наше это спортсменов дело разыскивать пропавших детей, в далёкой не знакомой стране. Но пройти мимо, по меньшей мере, подло.

— Мне просить помощь больше никто, — сказала девушка.

Я вернулся к автобусу.

— Степан Суменович, — я вытащил свои вещи из салона, — я с вами на море не еду.

— Ты совсем охренел со своими амурными делами? — уставился на меня тяжелым взглядом главный тренер.

— Младшая сестра пропала у её подруги, — я кивнул в сторону Мауры.

— А ты что? Полицейский или советский милиционер на отдыхе? — не отступал Спандарян.

— Нет, но пройти мимо этого не могу, в конце концов, это не по-советски, — я двинулся обратно в жилой корпус, чтобы оставить свои вещи, — сейчас вернусь! — крикнул я итальянке.

И тут из автобуса за мной выскочил Корней.

— Суренович, — сказал он главному тренеру, — я за пацаном присмотрю.

— Не влипните там во что-нибудь, — Спандарян не смог найти слов, во что, — чтоб всё было по-тихому. Ну, ты меня понял. Поехали, пока остальные не разбежались! — сказал он водителю.

Первым делом мы взяли такси, я заплатил из той премии, которую дали после победы над Пуэрто-Рико, и поехали в сторону Ватикана. Подругу и одновременно соседку по комнате Мауры звали Сильвия Фазоли. Она рассказала, что её семья, мать и ещё две младшие сестры живут в очень бедном районе, на холме, с которого открывается прекрасный вид на собор Святого Петра.

Понятно, думал я, где нищета, там и оседает криминал, потому что люди бьются за свою жизнь, пренебрегая всеми заповедями и законами. Кстати, Корней посоветовал мне одеться попроще, в синий спортивный костюм.

— Если придётся бить в репу, лучше быть в одежде, которую не жалко испортить, — сказал он.

— Нет, Юра, оденемся более респектабельно, в наши красные джипсы и хорошие рубашки, — ответил я, — чтобы не пришлось никого бить по репе, будем давить авторитетом.

Улица, на которую мы приехали, точнее на которую мы не смогли заехать, так как на ней отсутствовало дорожное покрытие, называлась ди Домиция Лучилла. По крайней мере, со слов Мауры я понял так. Сильвия повела нас в дом своей семьи, из которого надо полагать она с большим желанием сбежала. Даже не представляю, чего ей стоило поступить в Институт физической культуры. По разным сторонам извилистой улицы шли жалкие хибары, которые были построены из чего попало. Из стен с отвалившейся штукатуркой выглядывали камни, дерево, и сворованные где-то кирпичи. Ограды домишек были сделаны из гнилых досок, которые дышали на ладан.

— А я думал, — шепнул мне Юра Корнеев, — это я плохо живу, в полуподвале Косого переулка.

— Такова жизнь, — горько усмехнулся я, — всегда найдется, кто живет либо ещё хуже, либо ещё лучше.

В доме Сильвии, кроме голодной сестрѐнки, которая тут же потребовала от неё еды, безмятежно спала мать. Я поднял с пола у кровати пустую бутылку, понюхал её, то, что в ней было не молоко, за это я ручался на сто процентов.

— Спроси у младшей сестры Сильвии, кто что видел, с кем пропавшая девочка, может быть, гуляла? — сказал я нашей переводчице Мауре.

— Зря мы в это дело влезли, — на ухо мне прошептал Корней, — это же трущобы, здесь человек, как зверь в лесу, был, и нет его.

— Нужно говорить соседний дом, там видели, — Маура передала слова сестры Сильвии.

В соседнем доме нас встретил мучившейся с похмелья недовольный отец семейства. Он выдал такую тираду, что и без переводчика было понятно, кто мы, что он о нас думает, и куда мы должны убираться. Пришлось схватить его за ухо, чтобы привести в адекватное

состояние. Хватило минуты легкого воспитательного мероприятия, и мы поговорили еще с одной бедно одетой запуганной девчушкой.

— Она говорит Мария посадить в большую чёрную машину и ухать, — перевела щебетание девочки Маура.

— Меня сейчас стошнит от вони, — буркнул Корней, — давай быстрее на улицу.

Что мы и поспешили сделать. Потом немного потоптались у калитки очередной развалюхи и перекинулись парой слов. Юра повторил, что зря мы сюда полезли. Сильвия спрашивала, что же мне теперь делать? Маура с надеждой смотрела мне в глаза.

— Что это за большой дом выше по улице? — я показал рукой на строение, которое значительно выделялось из общей массы хилых лачуг.

Из того что ответила Сильвия, я разобрал лишь имя — синьор Маццателло, и его статус — коммерсант.

— Можешь не переводить, — обратился я к Мауре, — пойдём туда.

Когда мы были уже на полпути к дому коммерсанта Маццателло, нам навстречу вырулила из маленького проулка группа молодых парней и перекрыла нам дорогу.

— Студенты практиканты фольклор собирают, этнографическая экспедиция, — прокомментировал я, появление шести гопников.

— Ага, диссертацию пишут, сейчас вопросы начнут задавать идиотские, — хмыкнул Юра, — я же говорил, придётся в репу бить.

Гопники начали что-то выкрикивать нечленораздельное.

— Они говорить, — перевела Маура, — это их улица! Зачем мы здесь? И ещё ругаться.

— За свою улицу придётся заплатить налог! Пять тысяч евро, э-э-э, то есть пять тысяч лир. Передай им, — сказал я это нашей единственной переводчице, затем достал корочки баскетболиста сборной СССР и показал их в развёрнутом виде гопникам.

— Они спрашивать кто вы такие? И ещё ругаться, — вновь перевела Маура выкрики местных бандитов.

— Мы есть — русская мафия! — сказал я.

И в подтверждении своих слов, с широкой улыбкой на лице, сделал несколько шагов в сторону ухмыляющихся пацанов, которые из всех сил пытались казаться крутыми бандитами. Первый кто оказался ближе всех, получил от меня «приз», резкий прямой прямо в челюсть. Остальные от «подарков» отказались и бросились врассыпную.

— Руссо мафиози! Руссо мафиози! — верещали они по сторонам.

Я наклонился и похлопал беднягу по щекам. Парень очнулся, открыл глаза и что-то затараторил.

— Что ж ты падаешь на ровном месте? — спросил паренька здоровенный Корней.

Пацан резко крутанулся, и тоже рванул с низкого старта в проулок. Дорога в дом коммерсанта синьора Маццателло была свободна. Единственная крепкая, кирпичная двухэтажная постройка на весь этот сомнительный райончик, вмещала в себя ещё и пристрой, в котором наливали в долг, давали деньги под проценты, и скорее всего, скупали краденное. В этот мини-маркет мы и зашли. За барной стойкой нас встретил невысокий коренастый полненький мужчина.

— Это есть синьор Маццателло, — шепнула мне в ухо Маура.

Я ткнул ему прямо в нос корочки игрока сборной СССР, и быстро их захлопнул. Пусть думает, что я из Интерпола. Тем более одеты мы были дорого и не по-ихнему.

— Спроси, что он может рассказать по поводу пропавшей девочки из семьи Фазоли? —

я посмотрел внимательно на хозяина заведения, который, скорее всего, был чемпионом района по лжи.

Мужик за барной стойкой пару минут что-то гневно выкрикивал, при этом активно жестикулируя руками. В довершении всего из двери, которая соединяла барную стойку и внутренние помещения, вышел ещё один мужичок. Такой же плотной комплекции, но повыше ростом. Судя по расплюсченному носу, либо бывший боксёр, либо просто уличный боец.

— Вышибала, — усмехнулся Корней.

— Он говорить..., - начал вольный перевод Маура.

— Не надо перевода, — я махнул рукой, — задай ему этот вопрос повторно и скажи, если не перестанет врать, мы тут всё разнесём к чёртовой бабушке!

Я сделал пару шагов к барной стойке и смахнул с неё вазу с цветами, которая тут же разлетелась на куски. Вышибала заревел, как бык и бросился на меня, выстави вперёд руки с толстенными короткими пальцами. Лишь шаг удалось сделать грозе местных жителей, потому что Корней успокоил психопата правым боковым в район скулы. Мужик с разбегу воткнулся головой в барную стойку, рухнул мне под ноги и затих. Либо отрубился, либо чтоб больше не били, притворяется, какой ему резон рисковать здоровьем за здорово живешь? Проявил героизм перед хозяином, и хватит на сегодня. Может ему уже неделю зарплату задерживают?

Маццателло о чём-то задумался, и снова выдал двухминутную тираду. Речь уже изобиловала более мирным нотками, я бы даже сказал, с оттенками некоего заискивания. Может дать ему руку поцеловать, подумал я, и сунул ему ладонь внешней стороной.

— Пусть поцелует мне руку, если не врёт, — сказал я опешившей Мауре.

Маццателло обречённо ткнулся в мою руку своим противным носом. После чего я его похлопал как поросёнка по щеке.

— Что он сейчас сказал? — спросил я нашу симпатичную переводчицу.

— Он говорить девочка увезти чёрная машина, — ответила мне Мауро.

— Ну, смотри если соврал, — проревел Юра Корнеев и, взяв деревянный стул, со всей дури разнёс его об стену на куски.

Мы вышли на улицу, с холма открывался замечательный вид на древний город. Внизу, справа, по железной дороге с громким шумом пробежал поезд, и всё это смотрелось, как игрушечная железная дорога. А в крошечном Ватикане зазвонили колокола, и началась церковная служба.

— Где искать эту чёрную машину? — пробубнил Корней, — если только с вертолёта полетать над Римом. Да и то дело тухляк.

— Мне сверху видно всё, ты так и знай, — задумчиво пролепетал я.

Девушки Маура Лари и Сильвия Фазоли притихли и понимали, что если сейчас мы ничего не придумаем, то девочку уже не спасти.

— Юр, ты в Бога веришь? — спросил я Корнея.

— Чуть-чуть, — пожал он плечами.

— Девчонки, — я обратился к итальянкам, — где у вас в Риме есть плохое магическое место? Там, где людям бывает страшно?

Итальянки что-то затараторили перекрикивая друг друга, но через минуту они пришли к единому мнению, что такое место есть на площади Барберини.

— Ехать такси! — Маура и Сильвия поспешили к очень крутому спуску с холма в

вечный город.

Мы с Корнеем двинулись следом. Ступеньки этой самодельной лестницы были сделаны из чего непопада. Иногда в конструкции проглядывали камни, иногда под ногами трещали худые досочки деревянных продуктовых ящиков, про перила, естественно никто не подумал.

— Вот будет фокус, если я здесь шею сломаю, — пробубнил Корнеев, — ведь никто не поверит, что был абсолютно трезв!

— Ну, тогда я на тебя спиртиком побрызгаю, чтобы поддержать авторитет, — хохотнул я.

В такси, который нас вёз обратно, на другой берег Тибра. Измучившиеся за день девчонки уютно примостились на моих плечах и заснули. Юре же оставалось на переднем сиденье довольствоваться обществом болтливого водителя. И итальянца даже не смущал тот факт, что мы его абсолютно не понимаем.

— Таксист говорить вы приятный собеседник, — засмеялась Маура, когда мы прибыли к небольшой церкви Санта-Мария-делла-Кончеционе.

Это тот самый случай, когда название гораздо больше самого архитектурного объекта, усмехнулся я про себя. Мы поднялись по каменной лестнице, с двумя лестничными пролётами, которая вела сразу же на второй этаж. Однако дальше просторной с высоким потолком прихожей, нас не пропустил какой-то монах.

— Он говорить, пока Олимпиада, они не работать, — перевела мрачную речь церковника Маура.

— А так? — я вынул из красных джипсов десять долларов.

Монах что-то зашептал себе под нос, несколько раз перекрестился, потом закрыл за нами дверь церкви на засов и, взяв десять баксов, показал рукой следовать за ним. Над входом в подземную крипту, такое сводчатое помещение, была сделана надпись: «То, кем являетесь вы — мы были; то, что мы есть — вы будете». По крайней мере, так утверждала Маура.

— Намекают на круговорот костей в природе, — невесело пошутил я и потрогал амулет от Тьмы, который начал медленно разогреваться.

— Жуткие ощущения, — пролепетал Корней, рассматривая убранства римских подземелий.

По стенам везде из человеческих костей и черепов были выложены всевозможные орнаменты. А скелеты, одетые в монашеские рясы несли свою вечную бессмысленную службу. В шестом помещении амулет стал просто обжигать мою грудь.

— А что мы здесь ищем? — Юра тревожно оглянулся.

Маура же неосознанно от страха прижалась ко мне, а Сильвия к Корнею.

— Я, скорее всего сейчас потеряю сознание, — сказал я, чувствуя сильное головокружение, — ты, Юра, меня через минуты две вынеси на улицу.

И через секунду я увидел страшную картину, мои спутники куда-то исчезли, зато вместо них на полу сидели измождённые голодом люди и решали, кого они будут, сейчас есть. Это было, словно я попал в объёмное кино, в котором никого до меня нет дела. Слов я разобрать не мог, но телепатически всё понимал.

— Там наверху, — сказал мужчина, — вновь пыльная буря. Я принёс дрова, мне полагается самая большая порция.

— Я не дам есть свою девочку, — рыдала обречённо какая-то женщина, сидящая на коленях.

— Мы должны пережить эту кару господню! — над женщиной навис монах в лохмотьях, — если он! — монах поднял костлявой рукой чёрный крест вверх, — повелел ради жизни есть себе подобных, мы смиренно должны это принять!

Затем я рухнул в воду. Откуда в подвале взялась целая река воды, я решил не вникать. Да и некогда было задумываться, потому что меня кто-то сильной рукой вытянул на поверхность уже знакомого мне пейзажа Туманной реки. На берегу, как на неразумную зверюшку, на меня глядела Мара.

— Тебе что там, в Италии купаться негде? — топнула она капризно ногой, — или думаешь мне заняться нечем, кроме как тебя из очередной задницы вытаскивать?

— Вот теперь я точно знаю, что значит быть прекрасной в гневе, — я выполз на берег, — там девочку украли, помоги, пожалуйста, Марушка.

— Почему ты решил, что ты должен бегать и всех спасать? Есть такое понятие — судьба! — Мара гневно тряхнула головой из-за чего чёрная, как смоль коса вылетела на плечо, — ничего слышать не хочу! В следующий раз будешь выплывать сам!

Морана легко подняла меня за шиворот и толкнула обратно в реку. И вдруг мне на лицо полилась самая настоящая мокрая вода.

— Очнулся, — Корней провёл рукой по вспотевшему лбу, — я уже решил, что ты всё, кирдык.

И тут мне в голову как-бы сами собой пришли несколько видений. На одном из них коммерсант Маццателло открывал потайную дверь в свой подвал. В другом видении в подвале смотрели испуганными затравленными глазами несколько малышей. Вдруг Юра отвесил мне смачную пощёчину, и видения прервались. Зачем же сразу по лицу, я встал на ноги, шум в голове постепенно утих.

— У вашего коммерсанта Маццателло в подвале твоя сестра, — сказал я Сильвии, позабыв, что она по-русски ни бельмеса не понимает.

Маура перевела мои слова подруге, та ей что-то ответила, и о чудо, я понял суть её ответа. Сильвия сказала, что всегда подозревала этого толстого негодяя.

— Смело идите в полицию, дверь в подвал за цветочной клумбой, — сказал я девочкам, и устало посмотрел на Корнея, — поймай такси, мне бы сейчас часов пять поспать.

Второго сентября после дневной игры со сборной командой Югославии, на послематчевую конференцию, Суренович неожиданно захватил и меня с собой.

— Ты смотри, берега там не попутай, — бухтел мне главный тренер в ухо, пока мы переезжали на машине из «Палаццетто делло Спорт» в пресс-цент Олимпийских игр, — чтоб без этих твоих закидонов!

— Тогда нужно было взять с собой Муйжниекса, — я вяло посмотрел в окно, — а за себя я не ручаюсь.

— Ну что ты за человек, — заворчал Спандарян, — мне может быть тоже иногда хочется выхватить шашку и вперед на лихом коне. Но я сдерживаюсь.

— Хочу напомнить, что мне всего шестнадцать, — улыбнулся я, представив Суреновича в главной роли в фильме про Чапаева, — имею право выходить за рамки надуманных условностей!

— Заноза! — буркнул тренер.

На прессухе я заметил, кроме пары десятков корреспондентов печатных изданий и радиийщиков с микрофонами, парочку операторов с ручными кинокамерами. Вляпался я в историю по самое не балуй! Потом, лет через цать, посмотрев видосик на ютубе какая-нибудь школота будет спрашивать: «Папа, папа, а что это за хрюндиль?» На что тот ему ответит, что это был такой известный баскетбольный вундеркинд. Разгромил Уругвай и Югославию, но потом всё равно просрал американцам.

— Тогда последний вопрос, — отвлекшись от Тик-Тока, задаст дитяtko, — а что такое Югославия?

Хотя возможно всё это будет и не совсем так, потому что с американскими студентами нам ещё играть завтра. История пока никем не написана. Или как бы выразился я, попаданец с четырёхмесячным стажем, история ещё никем не переписана.

А вот и первый вопрос про американцев прилетел в главного тренера. Французское издание с заковыристым названием интересовалось, если Югославию штаты обыграли 42:104, а Уругвай 50:108, а вы обыграли Югославию и Уругвай 108:61 и 109:53 соответственно то, как сложится завтрашний матч?

— Сложно, — высказался Суренович.

— А поподробнее? — потребовал журналист, который пять минут потел над вопросом.

— Завтрашний матч выдастся сложным, — дал развёрнутый ответ Спандарян.

— Вопрос к мистеру Кругову, как вы оцениваете своего завтрашнего соперника? — это уже интересовались моим мнением американские газетчики.

— Судя по статистике, — я на секунду задумался, вспоминая счёт прошедших игр, — нападение у нас будет чуть сильнее, а защита чуть слабее. Следовательно, завтрашний соперник очень силён. Тем более сборная США, если мне не изменяет память, ещё никогда и никому не проигрывала на Олимпийских играх. Но в этом и есть наше преимущество, потому что мы голодные до побед волки, а они раскормленные титулами до ожирения псы.

Суренович на моих словах побледнел.

— Спасибо за вопросы, пресс-конференция окончена, — рыкнул он в микрофон.

— Завтра будет весёлая охота! — добавил я жару, когда Спандарян меня потащил на выход.

— Ты чего плетёшь? — шептал он мне в ухо, когда мы пробирались через толпу журналистов, — какие на хер псы? Какие к едреней фене волки?

— Это в иносказательном смысле Суренович, — оправдывался я, — пусть американцы перед игрой понервничают. На них сейчас давит груз побед, а на нас гонит вперёд голод неудач.

Вечером, в комнате у Спандаряна, вся тренерская бригада, я и капитан команды Валдис Муйжниекс, собрались для обсуждения плана на предстоящую важнейшую игру. Дело в том, что по воле организаторов, если мы завтра проиграем, выше второго места нам уже не прыгнуть. А вот если победим, то до золота будет рукой подать.

— Завтра раскрываем все свои наработки, — первым высказался второй тренер Алексеев, — двойной заслон, аллей-уп, и периодически включаем прессинг, который отработали в игре против Пуэрто-Рико. Кстати предлагаю с прессинга и начать.

— Что думаешь, Крутов, — посмотрел на меня Суренович.

— А я предлагаю горячку не пороть, — я склонился над металлическим баскетбольным полем, с десятью двух разных цветов магнитиками.

Я передвинул их в расстановку — наше нападение, и задумался.

— Вот смотрите, — я почесал лоб, — американцы львиную долю очков набирают в быстрых атаках. Как только их соперники успевают в защите расставиться, то всё у них не так весело.

— Так что ты предлагаешь! — не выдержал Алексеев.

— С первых минут на поле выйдем я и Валдис, — я похлопал рижанина по плечу, — центровым более быстрый и координированный Петров, и два форварда Корнев и Зубков. Я перевожу мяч в зону атаки, отдаю Корнееву, а сам иду в правый угол и жду передачи. Валдис же займёт левый угол атаки. Корней обыгрываясь с Петровым или Зубковым будет скидывать нам на края. И как только мяч доходит до меня или Валдиса, мы индивидуально атакуем кольцо, а все остальные тут же откатываются в защиту.

— И не идут на подбор! — Алексеев просто подскочил на стуле.

— Спокойно Женя, — остудил его Суренович, — в этом что-то есть. Если наши снайперы попадут больше половины бросков, а американцы потом застрянут в нашей защите, то мы постепенно начнём отрываться в счёте.

— А как будем защищаться? — поинтересовался ассистент Конев.

— Играем гибрид, — я махнул рукой, — Петров и Зубков караулят соперника под щитом, а мы, Корней, я и Муйжниекс опекаем снайперов персонально.

* * *

В Москве, в первой коммунальной квартире Большого Каретного переулка 15, приехавшая из Ялты четыре дня назад Наташа Маркова примеряла новое платье, которое ей сшила её подруга по детскому дому Тоня.

— Какая ты, Наташка, загорелая, — завистливо посматривала юная модельер на подругу.

— Два месяца в Ялте, днём на пляже, вечером на танцах, — Наташа крутилась у зеркала, которое прежний владелец комнаты прикрепил на дверцу одежного шкафа, — утром фитнес тренировки, как сказал Богдан.

— А ночью? — хитро усмехнулась Тоня.

— Какая ночь? — нахмурилась Маркова, — я Богданчика за всё это время видела всего несколько раз. Кстати, сегодня поеду к мальчикам в Измайлово. Санька радиоприёмник где-то раздобыл. А ночью будет идти прямой репортаж с баскетбольного матча из Рима, СССР — США.

— Тогда может быть, Вадик приедет сюда? — Тоня мечтательно подняла глаза вверх, — а то мне одной очень страшно.

— А что ж ты к нам в Ялту не прилетела? — Наташа надела туфли на каблучке и посмотрела, как платье смотрится с ними.

— Директор не отпустил, — юная модельер, вскочила, так как почувствовала, что на примусе подгорает яичница, — мы сейчас готовим большую партию на экспорт в Чехословакию, в Польшу, в Болгарию и в ГДР. Руководство пообещало за работу без отпусков и выходных мне комнату к Новому году дать.

— Может, вы ещё с Вадиком и заявление в ЗАГС подадите? — Наташа, позабыв на минуту об обновке, тоже подбежала к столу и вилкой прямо со сковородки ухватила небольшой кусочек яичницы.

— Посолить забыла, — скривилась Тоня, — ближе к Новому году и подадим. Когда ордер на комнату будет на руках.

* * *

Уже неделю Витюша тарахтел на печатной машинке, сидя на кухне, в уютной двухкомнатной квартире Татьяны Владимировны Матвеевой. Теперь, после всего того, что между ними произошло, уже точно просто Тани. Эту квартиру главному редактору «Пионерской правды» оставил после развода муж, который сейчас с другой, молодой женой, работал в посольстве, в Швеции. Обидно ли было Тане, что так с ней распорядилась судьба, Витюша достоверно не знал, но догадывался, что нет. Так как женщина она была слишком деловая и целеустремлённая. Прохоркин первые дни даже терялся, как можно после безудержной ночи жаркой любви, буквально мгновенно переходить к делам. Что же это такое, думал он, разглядывая, как обнажённая Татьяна ходит по комнате, и надиктовывает ему план на предстоящий день. Сколько страниц он должен напечатать, какие встречи должен провести. Да и помощь в продвижении «Звёздных войн» от Танечки была не безвозмездной, они подписали договор, заверенный у нотариуса, по которому тридцать процентов от гонорара отходила ей.

— Зато, эта жаркая, страстная, и шикарная женщина моя, — Витюша от досады хлопнул себя по лбу, — зачем же это печатать в роман? Теперь целую страницу переделывать, — пробурчал он себе под нос и, скомкав листок, бросил его под стол.

Но тут вдруг дверь в прихожей брякнула, и Витюша тихо матюгнувшись, полез собирать с пола с десяток бумажных шариков, так как хозяйка квартиры беспорядка не терпела, причём даже творческого.

— Посмотри, что пишет иностранная пресса, — Таня прошла на кухню и зачитала, — игрок сборной СССР, Богдан Крутов, заявил, что на сегодняшней игре русские голодные до побед волки устроят весёлую охоту на разжиревших от титулов американских псов.

Всю эту тираду Витюша прослушал из-под стола, созерцая красивые женские ножки.

— Это случаем, не тот ли Крутов, который привёл тебя в редакцию? — Татьяна присела на корточки и с любовью посмотрела на своего недотёпу.

— Я скажу больше, — Прохоркин вылез из-под стола на свет божий, — он мне всю эту историю про рыцарей Джедаев и рассказал. Кончено общую канву, сюжет.

— Когда он вернётся с Олимпиады в Москву, нужно будет с ним более плотно подружиться, — Таня показала портрет Богдана из чехословацкой газеты «Руде право».

Витюша медленно сжал кулаки и мстительно посмотрел на женщину исподлобья.

— Да не в том смысле, в котором ты подумал, — усмехнулся Татьяна, — нужно будет узаконить авторские права и прочие формальности. И потом тебе же нужно будет писать продолжение.

На Прохоркина тут же нахлынули одновременно чувства вины и благодарности и он, с жаром, бросился целовать руку своей Танечке.

— Кстати, сегодня ночью состоится прямой радиорепортаж с баскетбольной игры с Америкой, — Татьяна вынула из сумки бутылочку вина, — поболеем сегодня за наших! А это от нервов, — улыбнулась она, поставив бутылку на стол.

— Внимание, внимание, говорит столица семнадцатых Олимпийских игр город Рим, — Николай Озеров мельком посмотрел на своего соседа, американского коллегу, комментатора, который что-то тарабанил в микрофон эмоциональной скороговоркой.

— Волей календаря сегодняшнюю игру можно по праву считать скрытым финалом игр, — Озеров налил себе водички, — никто кроме наших ребят не способен остановить победное шествие американских баскетболистов по Олимпийским пьедесталам! Итак, составы стартовых пятёрок. Сборная СССР, разыгрывающий Крутов, самый молодой на турнире баскетболист. Младше его на играх есть только тринадцатилетняя плавчиха Донна Элизабет де Варона из сборной США. Цетровой нашей команды Петров, форварды Корнеев и Зубков, капитан команды латышский снайпер Валдис Муйжниекс. Интересно какой сюрприз на сей раз приготовил наш выдающийся баскетбольный тренер Степан Суренович Спандарян. И вот разминка закончена, сейчас прозвучит стартовый свисток, и арбитр подбросит в центральном круге спорный мяч. Ну, с Богом, поехали!

Ох, попадёт же мне за Бога, хлопнул себя по лбу Николай Озеров. К сожалению, из прямого эфира слов не выкинешь. Осталось только надеется на нашу победу. Ведь победителей, как известно не судят.

* * *

Баскетбольный котёл римского Паллацетто просто взорвался с первым выигранным нами спорным мячом. Я аккуратно обыграл спиной своего оппонента сто восьмидесяти восьми сантиметровой Джерри Уэста. Ничего себе, подумал я, поставили против меня защищаться лучшего снайпера. Меня тут же встретил афроамериканский баскетболист Оскар Робертсон, кстати, негров в команде США оказалось всего трое. Ничего скоро придёт время и белых ребят, которые будут защищать честь звёздно-полосатых, можно будет смело вносить в «Красную книгу». Ну а пока же всё с точностью до наоборот. Я перевёл пару раз мяч под ногами, и резко развернувшись на правой ноге, ушёл в правую же сторону. За моей спиной раздался малоизобретательный американский мат, скорее всего это Уэст налетел на своего партнёра по сборной Робертсона. Я тут же от пола отдал мяч на Корнея и, ускорившись, рванул в крайний правый угол площадки.

— Зуб, заслон! — крикнул Корнеев Вите Зубкову и пошёл в проход на кольцо американцев.

На него, как стая голодных гиен набросились все, кто мог до него дотянуться. И Юра мгновенно перевёл мяч на открытого меня в угол. Когда никто не держит забивать, конечно, не так интересно, но что поделать, нужно же себя иногда и заставлять. Я легко шмальнул с семи метров под нулевым углом и набрал первые два очка в нашу пользу. Вся остальная команда, как мы и договорились, уже успела откатиться к своему кольцу. Я же возвращался в защиту последним и с боку слышал крик Бори Никонорова.

— Покажи им, Богданыч, кузькину мать!

Сборная боксёров почти в полном составе расселась на дополнительных стульях в проходе. Трибуны же пока не решили за кого им по серьёзному «топить», или за

«проклятых» коммунистов, или за более привычных для них капиталистов.

— Уэст мой! — крикнул я своим партнёрам и выдвинулся на разыгрывающего защитника американцев.

Но наставник звёздно-полосатых тоже был не пальцем деланный, объяснил своим ребятам, что по чём. И Джерри не дожидаясь моих цепких пальцев, передал мяч на Робертсона. Тот смело пошёл в проход и скинул на центрального Джерри Рей Лукаса. Лукас попытался в касание переправить баскетбольный снаряд в корзину, но получил горшок от Саши Петрова. Мяч заметался и вылетел в поле, где всех быстрее был я. Разворот, перевод под ногой, два шага, перевод за спиной и вот он я красавчик лечу на пустое кольцо. Прыжок, подкидка и мячик аккуратной бомбочкой падает в корзину.

— Защита! Защита! — услышал я отчаянный крик Корнея, которым он попытался быстро вернуть всех в свою зону.

— Валдис! — крикнул я нашему молчаливому капитану, — мой Уэст, твой Робертсон. Встречаем у центрального круга.

* * *

— Как здорово защищаются сегодня наши ребята! — Николай Озеров придвинул максимально близко микрофон к себе, чтобы его голос не перекрикивали разошедшиеся от искромётной игры болельщики.

— Как самоотверженно бьются под кольцом наш центровой Саша Петров и армейский форвард Витя Зубков. Теперь по прошествии десяти минут игрового времени ясно, какую тактику выбрал наш тренерский штаб, отвечать резкими быстрыми контратаками, а затем стоять на смерть в глухой обороне. Не нравится такая игра нашим американским друзьям!

Озеров показал своему соседу, комментатору из США большой палец и широко улыбнулся. Его коллега, по ремеслу нервно перекосившись, выдавил из себя жалкое подобие всеобщей радости.

— 23:11, первый тайм-аут взял Пит Ньюэлл. Да-а, посмотрим, что придумает наставник сборной США в такой ситуации.

* * *

В маленьком домишке на окраине Измайлова, почти никто не спал. За столом ветеран войны Прохор сурово смотрел на «чудо» технической мысли, которое где-то откопал Санька Земакович. По идее эта штука должна была принимать радиосигнал и трансформировать его во внятную человеческую речь, но на практике в комнате стоял треск, шум и чьё-то завывание сквозь помехи, в котором иногда можно было услышать, Рим, Олимпиада, кто-то кому-то что-то забросил. Однако Санька не унывал и уже полчаса носился с длинной проволочной антенной по всему дому.

— Ну как? — спрашивал он, подвесив проволоку к потолку.

— Как, как! — психанул Толик, — каком кверху вот как! Я тебе, Зёма, денег дал на нормальный новенький «Воронеж»!

— А он у нас великий экономист! — поддержала брата Наташа, — сначала все деньги

спустит, а потом начинает экономить!

— Не правда! — обиделся Санька, — я сначала экономлю, а потом спускаю!

— Давайте антенну забросим ко мне в мансарду, — прогудел Прохор, который приготовил для себя маленькую чекушку, чтоб выпить за победу, но с таким сигналом праздничный повод мог и вовсе не случиться.

— Проволоки не хватит, — Зёма обречённо сел на стул и к нему на колени тут же запрыгнул кот Василий и успокаивающе заурчал.

— Есть у меня проволока, — буркнул Прохор.

* * *

В перерыве первого тайма, который мы взяли со счётом 36:19, я сидел ни жив ни мёртв. Суренович всем дал поиграть, всех за тайм поменял, а про меня забыл. Пятнадцать минут я ещё как-то скакал молоденьким козликком по полю, но в последние пять минут, я окончательно перешёл на бег трусцой.

— Придёшь в атаку, станешь в угол и стой, отдыхай! — орал с бровки главный тренер.

— Потерпи ещё немного! — покрикивал второй тренер Алексеев.

— Надо ещё немного потерпеть, — твердил ассистент главного Конев, — когда я падал на стул во время тайм-аутов.

В раздевалке мне принесли сладкого чая. Врач командный Олег Маркович Белаковский отсчитал пульс, и сказал, что я вроде пока здоров, и выдал мне на ладонь несколько таблеток глюкозы.

— Осталось потерпеть двадцать минут, мальчики! — глядя на меня сказал Суренович, — Богдан, ты главное попадай, можешь не бегать, в защиту можешь возвращаться трусцой, но главное стой в своём углу и попадай.

— Богдан, — на меня насел Корней, — ещё двадцать минут и хрен кто у нас олимпийское золото отнимет!

— Смерти моей хочешь? — грустно улыбнулся я.

— У нас на Кавказе такие врачи, да! — вклинился Гурам, — мы тэбя не просто воскресим, мы из тэбя долгожителя сдэлаем!

— Олег Маркович, — пролепетал я, — дайте бумагу.

— Зачем? — оторопел врач.

— Напишу расписку, что в моей смерти прошу винить сборную СССР, — под хохот команды ответил я.

* * *

— Витюша! — толкнула Татьяна Владимировна студента.

— Что? — подскочил тот.

— Мы, кажется, игру проспали, — главный редактор «Пионерки» с грацией пантеры выскочила из-под одеяла и включила новенькую радиолу «Октава», из которой тут же раздался голос комментатора Николая Озерова.

— Я один раз с Колей в теннис играла, — похвасталась Татьяна, накидывая на голое

тело халат.

Ну и вляпался я, подумал Витюша, верёвки из меня вьёт. Как начнёт рассказывать про своих знакомых и ухажёров, прямо так бы и задушил! А как ловко Таня меня захомутала, и убедила академотпуск взять и к ней на квартиру работать переехать, так продуктивнее, сказал она. Когда отец с матерью узнали, что я ухожу жить к взрослой женщине, их чуть «кондратий не хватил».

— Ты мать посмотри, что наш чудило удумал! — орал батя, — да я тебя сейчас выпорю, как сидорову козу!

— А за что? — развёл руками Витюша, — за то, что на мою книгу только за две недели пришло около десяти тысяч писем? Представляете, что случится к концу года? Скоро в книжных магазинах охотиться за писателем Виктором Прохоркиным будут!

— Сколько писем пришло? — отец опустил свой широкий кожаный ремень, и сам присел на край стула.

— Десять тысяч без пары сотен, — усмехнулся Виктор, — и всё благодаря ей, Танечке.

— Может быть, оно и к лучшему, — мать присела рядом с отцом, — будет, кому за тобой присмотреть. А сколько ей лет, Татьяне твоей?

— Сорок пять, — гордо выдал начинающий писатель.

— Ладно, — крякнул батя, — поживём, увидим.

Виктор вылез из-под одеяла и тоже накинул новый махровый халат. Честно говоря, он немного стеснялся своей наготы, неуклюжая тощая фигура, впалая грудь, небольшой животик и тонкие, не знавшие физического труда, руки.

— Внимание, внимание, говорит Рим, — звук из динамика «Октавы» был отличного качества, — сегодня самый настоящий исторический день! Семнадцать очков после первой половины ведёт наша доблестная баскетбольная дружина...

— Я пойду, сварю кофе, — шепнула Татьяна Витюше, — чувствую, победу мы сегодня не отдадим. Нужно будет для «Пионерки» договориться об интервью с твоим Крутовым.

— Хорошо, — выдохнул Виктор, которого опять захлестнула ревность.

* * *

— Работает! — заорал Зёма, когда услышал потрескивающий голос комментатора.

— Да не ори ты, — одёрнул его Толик, — Вера спит.

Последняя алушнинская подружка оказалась самой настойчивой и самой терпеливой, подумала Наташа, даже сейчас в первые учебные дни приехала сюда из Ленинграда. Она конечно красивая, но стерва та ещё, с другой стороны Толик не будет так задаваться.

— Гурам Минашвили проходит по правому флангу, скидывает мяч на врывающегося в трёх секундную зону Юрия Корнеева, пас в угол на Крутова, — комментатор замер на мгновенье, — гол товарищи, ещё два очка в копилку нашей сборной.

— Богдан! Богдан! — не сговариваясь, начали скандировать Наташа и Санька.

— За победу, — буркнул более сдержанный Прохор и, наконец, опустил в себя маленькую рюмочку горькой водки.

— Эх, какой матч дурак Вадька пропускает, — махнул рукой Зёма, — ухал к Тоньке своей. Не мог, что ль днём смотаться на бутерброд чая?

— Дурак, у них, между прочим, всё серьёзно, — толкнула в бок Саньку Наташа, — они

скоро заявление в ЗАГС подадут.

— Ладно, — пригорюнился Земакович, — на какие только жертвы ради друга не пойдёшь, буду у него на свадьбе свидетелем.

— Опять хорошая комбинация нашей команды, — выдало с треском радио, — Петров отдаёт на Зубкова, тот дальше на Крутова. Обманное движение, пас с навесом на кольцо и в одном прыжке Петров переправляет аккуратно мяч в корзину! Вы не представляете, что творится на трибунах. Послушайте, как итальянские болельщики дружно скандируют название нашей команды. Великолепный баскетбольный спектакль!

* * *

На очередной тайм-аут, я приплёлся, как и в оборону позже всех. Конев подставил мне стульчик и начал делать массаж рук и плеч.

— Хорошо мальчики, хорошо, — Суренович больше ничего не рисовал на планшете, а старался просто поддерживать игроков эмоционально, — последние десять минут!

Я посмотрел на табло USSR — USA 54:39. Просели мы по физике во втором тайме капитально, в лучшем случае на каждую удачную атаку американцев отвечаем своим попаданием. Разница пока держится, хватит ли сил?

— Суренович, — пролепетал я, — если сейчас включат штаты прессинг посыпемся.

— Что предлагаешь? — вклинился Алексеев.

— Меня заменить, — я махнул рукой в сторону скамейки запасных.

— Не, не, не, — отмахнулся Суренович, — забудь. Уже тридцать четыре очка настрелял, они пасут тебя по двое. Ты нам все руки под кольцом развязываешь.

— Да, да, да, — забубнил второй тренер, — нужно ещё немного потерпеть. Ещё чуть-чуть, зато в финале отдохнёшь.

Главный судья швейцарец Вебер снова пригласил команды на паркет. Я выбежал на свой правый фланг и вдруг услышал от американской скамейки запасных.

— Дайте ему, как следует! Не можете сдержать удавите пацана! — всё это выкрикнул тренер звёздно-полосатых Пит Ньюэлл.

Странно, уже не в первый раз понимаю, о чём говорят иностранцы, причём язык не важен, итальянский, французский, испанский, немецкий или английский. Однако долго мне рефлексировать не пришлось. Американцы разыграли быструю комбинацию, и Джерри Уэст положил нам очередные два очка, 54:41.

— Не спешим в атаке, не спешим! — крикнул с бровки Спандарян, — дайте Круту отдохнуть.

Я трусой прибежал в свой правый угол и встал там, как памятник. Муйжниекс, Зубков, Вольнов и Корнеев, через пас перешли в зону атаки. Я показал с шагом Уэсту, который всю игру меня стерёг, что сделаю рывок под кольцо, он дёрнулся следом, я резко развернулся и остался на доли секунды один в своём любимом углу. Передача от Валдиса тут же нашла героя. Бросок и Уэст локтем влетает мне прямо по скуле. Я успел увидеть краем глаза, как мяч нырнул в кольцо, и больно бахнул спиной на паркет. Из глаз тут же брызнули слёзы, и очень сильно сбилось дыхание.

— Я тебя подлюка задушу! — услышал я над собой медвежий рёв Корнея.

Я быстро откатился в сторону, чтоб не затоптали, и увидел, как Юра душит Джерри

Уэста. На помощь своим партнёрам бросились все игроки обеих команд. Я устало поднялся и присел на зрительское место рядом с каким-то добрым итальянским дяденькой. Пока швейцарский судья Вебер и его помощник из Болгарии Такаев разбирали завал из тел. Я в принципе отдышался и даже немного повеселел. Забавно когда большие мужики толкаются, как маленькие дети в детском саду. Кстати, Джерри Уэст выжил. Корней в последний момент передумал брать грех на душу. Так чуть-чуть попугал, что я Юру не знаю, он ведь только первые секунды страшен, пока на нервах. А так милейший человек, даже мухи не обидит. После кучи малы, мне дали пробить ещё один штрафной. И счёт стал 57:41 на тридцатой минуте матча.

И после потасовки, американские студенты наконец-то сдулись. Надломилась в них вера в успешный исход поединка. И за пять минут до конца при счёте 67:50, Суренович меня заменил.

* * *

— Это победа товарищи! — ревел в микрофон охрипшим голосом Озеров, — великолепная победа нашей героической сборной! Ура, товарищи! За минуту до конца матч превратился в простую формальность. Команды откровенно его доигрывают.

* * *

— Мы как никогда близки к золотым олимпийским медалям по баскет... — последние слова комментатора пропали в невыносимом шуме и свисте радиопомех.

— Выиграли, наверное, — с виноватым видом сообщил Санька.

— Знаешь, что, — Толик нервно встал, — забирай свою радиоколымагу, и возвращай за неё наши деньги!

— Давайте спать, — сладко зевнула Наташа, — главное мы победили. А с этим хламом разберёмся завтра.

— Ну, за Богдана, — Прохор опрокинул последнюю рюмку из опустевшей чекушки.

— Прохор, — взмутилась Наташа, — вы хоть закусывайте, я вон всего столько привезла, и капуста квашенная и пироги с яйцом.

— Я после чекушки не закусываю, — пробубнил Прохор и пошёл в свою мансарду.

* * *

72:51, записала на тетрадном листе финальный счёт Татьяна Владимировна, главный редактор «Пионерской правды».

— В понедельник нужно обязательно опубликовать поздравительное письмо от пионеров Советского союза в газете, — сказала, потягиваясь, женщина и села на край своего любовного ложа.

— А кто его напишет? — Витюша бросил халат на стул, и улёгся на кровать, разбросав свои руки в разные стороны.

— Какой ты глупый, — пропела Таня, — сами напишем.

После чего она прильнула к губам своего студента.

— А зачем ты меня целуешь, если я такой глупый, — обиделся Виктор.

— Потому что дурак, — хохотнула женщина, оседлала Витюшу, как арабского скакуна.

* * *

После финальных рукопожатий я медленно двинулся в подтрибунное помещение, в душ и спать, остались две единственные мысли у меня в голове. Вроде такая победа, первая над сборной США на Олимпиадах, а сил никаких радоваться нет.

— Ну, ты дал! — подскочил ко мне с боку боксёр Боря Никоноров, — сорок одно очко положил копейка к копейке.

— Была бы трёхочковая дуга, вот тогда бы было на самом деле весело, — устало улыбнулся я.

— Я в баскетболе не рублю, — махнул рукой Никонор, — пошептаться бы надо, — боксёр опасно посмотрел по сторонам.

— Давай завтра, — я остановился около раздевалки, — голова сейчас не варит.

— Ага, после обеда мячик побросаем, — предложил Боря и подмигнул мне.

В воскресенье 4 сентября на Олимпийских играх в Риме, кроме хоккеистов на траве, все остальные спортсмены готовились, как следует поразвлечься. Покататься по городу, съездить на море, даже нашлись те, кто решил обвенчаться в вечном городе. Например, австралийский пловец Джон Хенрикс повёл к алтарю американку Уилки, а Олимпийская чемпионка Даун Фрезер вышла замуж за своего соотечественника Робинсона. В Олимпийской деревне даже ходили потешные слухи, что один журналист потерял свою жену.

Я с утра подольше повалялся в кровати, а вот мой сосед по комнате, куда-то подорвался, при этом, как следует, привёл себя в порядок, помылся, побрился и причесался.

— На экскурсию записался, что ли? — смотрел на него я, хлопая спросонья глазами.

— Сильвия попросила полку прибить в комнате, — буркнул Корней.

— Ты там это поаккуратней приколачивай, молотком не промахнись, не трахни, куда не надо, — хохотнул я, переворачиваясь на другой бок.

— Мауре от меня привет, — я вновь попытался заснуть.

— Маура домой уехала к маме, — брякнул Корней, — то есть собиралась ехать. В общем, спи давай, не твоего ума дело.

И Юра громко бухнул входной дверью. Однако через минуту он вернулся.

— Что деньги оставил, неужели в аптеке теперь бесплатно комплектующие к полкам не продают? — я снова повернулся на другой бок, чтобы увидеть виноватое лицо Корнея.

Но на меня смотрел озадаченный Боря Никоноров.

— Мы же договорились после обеда мячик побросать? — промямлил я.

— Не могу я до обеда дотерпеть, мне сейчас надо, — Боря сделал супержалостливое лицо.

Мы опять решили не идти на берег Тибра, а поработать здесь, на глазах у наших уже бывших прямых конкурентов, американцев. После вчерашнего нам осталось 8 сентября сыграть с Бразилией, а 10 сентября с хозяевами Олимпиады, Италией. Я постучал немного мячом в асфальт и совершил первый бросок с семи метров, мимо.

— А ты Никонор бросай лучше из-под щита, так вернее будет, — хохотнул я.

Однако Боря был сам не свой. Он поймал мой мяч и повёл его прямо на меня. И когда расстояние между нами было с метр, боксёр остановился.

— Я хочу в Америку бежать, — бухнул он меня этим признанием по голове.

Как назло мимо нас прогуливался кандидат наук по штыковому бою синьор Шлёпов. Я выхватил мяч у Бори из рук и, выскочив тет-а-тет с баскетбольным кольцом, высоко выпрыгнул и вколотил баскетбольный снаряд сверху. Потом выловил мяч и отпасовал его Боре.

— Повтори! — крикнул я.

— Что именно? — растерялся Никоноров.

— Как что? — удивился я, — проход, прыжок, бросок сверху.

Никонор неловко протащил мяч, и бахнул его снизу мимо кольца. Шлёпов тем временем удалился на достаточное расстояние.

— Тебя головой ударили? — цыкнул я на Борю.

— Думаешь, если я боксёр, то ничего не соображаю, — он посмотрел по сторонам, —

завтра пятое число. Пройдут все десять финалов в боксёрской Олимпийской программе. Это значит, что утром шестого меня уже будут встречать в Московском аэропорту. И всё! Дорис я больше не увижу. Мне нужно бежать, помощи.

— Не боишься, что я тебя сдам? — я тоже посмотрел по сторонам.

— Ты единственный, кто сто процентов не сдаст, — Боря схватил мяч, неумело повел его в поле и бросил по кольцу, сильно мимо цели, — вечером ещё поиграем, — невесело улыбнулся он.

* * *

В воскресенье днём главный редактор «Пионерки» Татьяна Владимировна решила своего юного литератора Витюшу ввести в творческое богемное общество Москвы. Для начала они посетили ГУМ, где для Танечки оставили «по хорошему знакомству» дорогой мужской костюм. Конечно, новый костюм несколько скрадывал сутулую не спортивную фигуру Виктора, но это всё выглядело не солидно.

— Лучше бы джипсы купили, — бурчал писатель.

— Будут тебе и джипсы, когда издадим книгу, — отмахивалась деловая женщина.

К разочарованию Витюши московское творческое богемное общество сегодня собиралось в коммуналке на Арбате. И когда он протискивался на звуки крика и смеха через висящие тазики и натянутые бельевые веревки, ему совсем стало грустно. Ну что я тут буду делать, твердил себе он.

— Познакомьтесь это молодой талантливый начинающий писатель! — крикнула Таня по-дружески обнимаясь с симпатичной молодой девушкой, — Виктор Прохоркин, запомните это имя.

— Сколько тебе лет? — спросил Витюшу черноволосый с такими же черными усиками парень.

— Почти двадцать, — буркнул Виктор.

— Поздновато начинаете! — хохотнул черноволосый парень, но все же протянул руку и представился, — Андрей Тарковский.

— Виктор, — поздоровался Прохоркин.

— Ну, хватит галдеть ребята! — в комнату вошёл с бутылочкой водки коренастый улыбчивый парень, — давайте Юру послушаем! Привет, я Гена Шпаликов.

— Виктор Прохоркин, — студент пожал ещё одну руку.

В комнате было сильно накурено, на столе над закуской превалировал выпивка, в углу стоял чемодан, из которого выглядывал отдающий пластиковой белизной новенький катушечный магнитофон. «Астра» прочитал название чудо-машины Витюша. Однако богема сейчас предпочла послушать крепкого коренастого мужчину в свитере с гитарой в руках.

— Это Юра Визбор, — шепнула Таня своему писателю.

Визбор провел по струнам на секунду замер, что-то вспоминая и улыбнулся.

— Очень странный случай произошёл со мной на встрече со студентами педагогического ВУЗа, — начал он, — просто фантастика какая-то.

— Что? — прыснул от смеха Тарковский, — встретил девушку полумесяцем бровь?

— Нет, — когда все отсмеялись, ответил Визбор, — сижу значит, исполняю свои песни. И тут меня просят спеть мою новую вещь. Я понять ничего не могу. Ну как же кричат

студенты мы её уже все давно поём. И одна девушка...

— Так всё-таки девушка была? — усмехнулся Гена Шпаликов.

— Ну, хватит ребята, дайте послушать, — возмутилась хозяйка квартиры, — интересно же!

— Так вот эта девушка махнула рукой, и студенты разом запели, — Юра Визбор выдал вальсовый ритм на гитаре, — Ты у меня одна, Словно в ночи луна, Словно в году весна, Словно в степи сосна...

Витюша замер, чтобы не вспугнуть красивую и романтическую песню, в которой автор просил свою возлюбленную, чтобы ни случилось в жизни светить и светить.

— Ну и сочинят ты мастак! — выкрикнул еще один молодой неизвестно чего гений, — по стилистике сразу видно, что это твоя песня!

— Это Андрон Кончаловский, — шепнула Танюша Виктору, — начинающий талантливый сценарист.

— А теперь, как хозяин квартиры предлагаю, — разлил по рюмкам водку Шпаликов, — давайте выпьем за наших баскетболистов! Как мы сегодня ночью сделали непобедимую Америку!

— Кстати, можно написать такой сценарий для фильма! — Кончаловский взял рюмку и тоже встал, — название «Центровой из поднебесья»! Где...

— Молодой чабан высокого роста высоко в горах пасёт баранов! — заржал Тарковский, — и...

— И играет на флейте! — продолжил полный маразма сценарий Шпаликов, — и фамилия у него необычная Кулич-Кончаловский! Хорошо, хорошо, — Шпаликов посмотрел на Андрона, — пусть будет Кулич-Куликовский.

— А в финале он обыгрывает американскую команду, — задумался на мгновение Визбор, — Фричи-Причи-Сити Кампус!

Так посмеиваясь над полным идитотизма сценарием, который родился за пять минут под водочку, компания постепенно перешла к танцам. Включили катушечный магнитофон, и к удивлению Витюши зазвучала песня на нашем родном русском языке.

— Гитары, синие запели..., - красивым голосом из магнитофона выводила певица незамысловатую, но зажигательную мелодию.

— Новомодный московский танец диско! — ритмично двигаясь, сказала хозяйка квартиры.

— Куда катится мир, — пролепетал Тарковский, — Элвис Пресли уже не котируется. А что будет завтра? Иностранная одежда будет не в моде, и иностранные книги?

— Уже сейчас вся Москва гоняется за джипсами из «Красного текстильщика», — ответила ему Татьяна, — полторы тысячи на чёрном рынке дают за них. Да и книги поверьте мне, уже не за горами.

И редактор «Пионерской правды» тоже бросилась оттанцовывать модный диско танец. Следом пришлось и неуклюжему Витюше вклиниться в общее веселье.

* * *

После ужина в международном клубе в Олимпийской деревне австралийские и американские пловцы всех желающих угощали вином за здоровье недавно обвенчавшихся

коллег. Для более пушного праздника в клуб были приглашены какие-то местные итальянские музыканты. Барабаны, контрабас, скрипка, гитара, аккордеон и саксофон лобали для позитивной международной молодежи твисты и рок-н-роллы.

— Корней, — я толкнул друга, который уже намеревался вклиниться в толпу танцующих спортсменов.

— Полку прибил, привет передал, — отмахнулся он.

— Тут недалеко хозяин одного кабачка приглашал на бесплатный кофе с десертом, — я мотнул головой, — давай ходим. Человеку реклама, а нам приятно.

— При условии, что кофе будет с ликером, — Юра хитро мне подмигнул.

— Замётано, — обреченно согласился я.

Мы прогулялись по Олимпийскому бульвару, красиво подсвеченному уличными фонарями. На проходной из Олимпийской деревни с нас никто пропуск не попросил. Вообще надо сказать, что по пропуску впускали только внутрь огороженной территории, а выпускали всех без разбора. Мы недолго протопали в сторону центра города по двум кривым улочкам и спустились в подвальное помещение с яркой вывеской на входе. Здесь тоже звучала музыка. На фортепьяно, раскачиваясь из стороны в сторону, играл народные итальянские мелодии одинокий музыкант. Мы сели за самый укромный от посетителей столик. Сначала пришёл официант с меню, затем к нам плюхнулся боксёр Боря Никоноров.

— Ты ему всё уже рассказал? — спросил он, кивнув головой на Корнея.

— Жрать сейчас будем на халяву, — хохотнул Юра, раскрывая меню.

— Вообще-то, — я прикрыл меню, которое листал Корней, — Боря у нас решил бежать в штаты. И просит нашей помощи.

— Пиз...ц! — выматерился Корнеев, — совсем тебе макушку пробрили?

— Я просто женится хочу на Дорис, дом свой займет, машину, детей, четверых сорванцов, — Никонор посмотрел в глаза Корнею, — а так завтра финал, после чего я в Союзе буду не выездной, жить с родителями в коммуналке.

Тут пришёл официант, и Боря заказал на всех, кому кофе с ликером, кому просто кофе с десертом, а кому бутылочку минералки, так как завтра финальный бой с поляком Ежи Адамским.

— Ладно, — крикнул Корнеев, хлебнув кофе с ликёром, — говновопрос, хочешь бежать, беги. От меня-то что требуется?

— Давайте сделаем так, — я наклонился поближе к ребятам, — у тебя бой днём, — я передвинул кружку с кофе на середину, — это «Паллацетто делло Спорт», подняли тебе руку, ты выиграл ура-ура все дела. Потом ты в одних трусах выбегаешь из зала, переодеваешься в маленьком закутке в индийца, натягиваешь на себя чалму и плащ, и спокойно топаешь на такси. А дальше в американское посольство. Вещи твои мы сутра отнесём к Дорис.

— А во дворец спорта я тоже в одних трусах пойду? — засомневался боксёр.

— Бля! — тихо хлопнул по столу Корней, — надень наш спортивный костюм, уж по нему-то ты точно не будешь страдать за бугром? И кстати, вещи лучше оставить в сумках в комнате, иначе найдётся, кому раньше времени забить тревогу.

— Хотелось бы джипсовый красный костюм с собой прихватить, — Боря опустил голову вниз.

— Хорошо, красный костюм отнесём твоей американке, — согласился Корнеев, — постой, а может ты, ещё сомневаешься бежать или не бежать? Так какого хрена мы здесь

сидим?

Боря совсем сник, путаясь в своих мыслях.

— Есть ещё одна идея, — я доел премиленькое пирожное, — а давай, мы Борьку забросим к нашим итальянским девчонкам в общагу? Пусть денёк в шкафу у них покукует, и тогда точно будет ясно, хочет он свалить или нет.

— Только если завтра финал просрёшь, хрен тебе, а не помощь! — Юра показал боксёру легковесу здоровенный кулак, — я, между прочим, до баскетбола тоже боксом занимался. Так тебе накину, мало не покажется. И это, ещё принеси кофейку с ликёром.

Когда Боря ушёл делать новый заказ, Корней наклонился ко мне поближе и признался.

— После того, как тебя кэгэбешники скрутили, я ведь тоже думал дёру в Америку дать, — шепнул он, — а сейчас почему-то подумалось, может у нас все ещё в стране наладиться, и не нужно будет для нормальной человеческой жизни из страны валить.

— Хрен его знает, Юра, — пробурчал я.

Утром в понедельник Суменович собрал всю команду в просторном холле на втором этаже нашего Советского корпуса. Сказал, что будет какой-то сюрприз. И когда уже все недовольно стали переглядываться и перешёптываться, что нам политинформация и даром не нужна, в холл по ступенькам поднялся Николай Озеров. В руках он нёс большую кипу газет.

— Здравствуйте товарищи баскетболисты, — поздоровался он, — хочу вам прочитать, о чём сегодня пишет иностранная пресса. Советские спортсмены играют в баскетбол будущего, пишут в Соединённых Штатах. Баскетболисты из СССР покорили наши сердца, это уже итальянские газеты. Нам нужно перенимать опыт Советского союза в деле воспитания нашей молодёжи, пишут во Франции. Шестнадцатилетний вундеркинд раздавил непобедимых американцев, написали в Швеции. Богдан у нас теперь мировая знаменитость!

— Давайте без восторгов, — я встал, когда команда мне устроила небольшие овации, — мы ещё не Олимпийские чемпионы. Впереди бразильцы и итальянцы.

— О чём ты говоришь дорогой! — не выдержал Гурам, — после Америки нам сам чёрт нэ брат, как говорят у нас в Тбилиси!

— Хорошо, — согласился я, — а может пресса пишет что-нибудь и критическое. А то у кое-кого корона уже на уши давит. Правда, Гурам?

Минашвили сделал вид, что не расслышал меня, или снова плохо понимает по-русски.

— Есть и критическое, — помрачнел Озеров, — десятки газет вышли с заголовками о том, что формула баскетбольного турнира нарушает основной Олимпийский принцип, по которому все участники соревнований должны быть в равных условиях. Пишут, что не справедливо, когда победитель первенства определяется в полуфинале, а не в финале, который теряет всяческий спортивный смысл. Кстати, по этому поводу сегодня днём пройдёт экстренное заседание между представителями США, СССР, Италии и Бразилии.

— Э, да! — взвился Гурам, — чего они предлагают?

— Спокойно! — вмешался в беседу второй тренер Алексеев, — американская делегация предлагает в финальном пуле играть всем с нуля, без учёта результатов полуфинальных игр.

— Да пошли они на х...! — взревела разом вся команда, — да пусть они идут в ж...! — это были самые невинные выкрики баскетболистов.

Я же попытался вспомнить, было ли что-то подобное в истории того, моего мира. Но кроме скандальных двух вручённых золотых медалей в парном фигурном катании на зимней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити, мне ничего не пришло в голову. Может быть, именно так сопротивляется изменениям истории Река времени? Но не думаю, что звёздно-полосатые смогут взять реванш повторно.

— Я сказал, всем успокоиться! — заорал на весь этаж Алексеев, — всё под контролем! Если хотя бы одна делегация проголосует против изменений регламента, то предложение штатов будет заблокировано.

— С этого и надо было начинать, да! — опять подскочил с места Гурам Минашвили, — у меня чуть давление, между прочим, не поднялось до 310 на 220 ртутного столба. Хер им, а не изменения!

Я тоже поднялся с дивана и сделал пару разминающих телодвижений.

— Суменович, я на пробежку пошёл! — крикнул я, — кто со мной тот герой!

— Вечером на тренировке набегаемся, — пробурчал за всех центральной Саша Петров.

Мне же того и надо было, так как сто долларов в кармане спортивного костюма очень неприятно жгли ляжку. До полудня мне требовалось купить индийскую чалму и плащ. Потом всё это дело спрятать в небольшом закутке на выходе с римского «Паллацетто делло Спорт». Наши индийские друзья обосновались в самом конце Олимпийского бульвара по ту сторону от эстакады, куда я и добежал за три минуты. Улица, на которой количество спортсменов в чалмах превалировало, называлась Индия. А место, где улица Индия пересекалась с улицей Венецуэлла, вообще назвали проспектом Ганди. Именно на нём я и предложил двум индийцам поменяться.

— Сувенир чалма ченьж доллар, — я показал индийцу на его головной убор, назвав его сувениром и вытащил из кармана двадцать баксов.

— Что хочет от нас этот немец? — спросил один индиец другого, само собой я понял лишь общий смысл его слов.

— Он, наверное, говорит, что ты очень умный и хочет за это дать тебе двадцать долларов, — ответил своему товарищу другой индиец, — только это не немец, а поляк.

Я посмотрел себе на грудь, где обычно на моей футболке красовались четыре большие красные буквы, СССР, но сегодня я решил быть инкогнито, и надел простую майку без узоров и прочих обозначений. Повеселевший индиец тут же потянулся к моим денежкам. Точнее это доллары были Бориса, ещё точнее эти зелёные бумажки для побега ему дала Дорис.

— Ну, ну, — я замотал головой, спрятав баксы в карман, — ай нид чалма, ченьж бакс.

— Я понял, — догадался второй индиец, — это не поляк, это югослав и он хочет купить твою чалму.

— Эти белые все на одно лицо, — пробурчал первый и протянул мне свой головной убор, быстро выхватив из моей руки доллары.

— Ай нид кип, ченьж бакс, — теперь я показал на накидку второго более догадливого индийца, и вынул из кармана ещё две бумажки по десять баксов.

Однако более догадливый индиец почему-то засомневался, нужны ли ему доллары взамен плаща.

— Отдай ему эту накидку, — пробурчал первый, — а то он от нас не отвяжется, у меня в чемодане есть вторая такая же.

После того как второй индиец обречённо протянул мне за доллары свою любимую накидку я широко улыбнулся.

— Индия, Ганди, Свобода! — я над головой поднял сжатые крест-накрест ладони.

— Это, скорее всего швед, — сказал тот, что остался без чалмы, — пакистанца от индийца отличить не может.

— А какая разница? — спросил я их по-русски и трусцой побежал в обратном направлении, замотав чалму в плащ.

* * *

— Внимание, внимание, говорит столица Олимпийских игр город Рим, — Николай Озеров от волнения потёр ладони, — сегодня в спортивном зале «Палацетто делло Спорт» заключительные бои боксёрского турнира. На ринг поднимутся финальные пары всех

весовых категорий. До 51 килограмма выступит наш Сергей Сивко, в весе до 54 килограмм Олег Григорьев, в полулёгком весе поборется за золото Борис Никоноров, и в полусреднем Юрий Родняк встретится с итальянцем Джованни Бенвенути. К сожалению, Борису Лагутину и Евгению Феофанову пробиться в финал не удалось. Итак, первый бой начался в белых трусах и красной майке Сергей Сивко, в синих трусах и белой майке наш венгерский друг Дьюла Тёрёк. В каком высоком темпе началась встреча. Первую хорошую комбинацию провёл Сивко. Однако венгерский атлет удачно контратаковал, и Сергей вынужден был снова уйти на дистанцию для подготовки новой атаки.

* * *

Я забежал в зал, увидел глазами Корнея, в том секторе, где мы и договаривались встретиться, и тут же переместился к нему.

— Ну как? — буркнул он.

— Всё ок, — я смахнул пот со лба, постоянная римская жара допекала не на шутку, — прикрыл чалму и плащ метёлкой и двумя швабрами. Со стороны выглядит, как уголок уборщика. Как у тебя?

— Не бзди, — Корней увлёкся боем нашего бойца наилегчайшего веса, — денег Сильвии дал, такси вместе с ней уже ждёт на стоянке.

— Так рано же ещё? — удивился я, когда Серёжа Сивко пропустил сильный и чувствительный удар от венгра, — блин!

— Терпеть! Терпеть! — заорал Корней, — Переходи в контратаку, боксируй жёстче! Нужно всё отдать для победы!

За судейским столиком ударили в гонг. Судья в ринге показал боксёрам разойтись по своим углам. Прошло небольшое совещание и записку с результатом передали за канаты. Раздельным решением победил венгр Дьюла Тёрёк.

— Рано говоришь, — Корней наконец вспомнил зачем мы сегодня здесь вдвоём из всей баскетбольной команды болеем за своих, — лучше перебдеть, чем недобдеть, — проворчал он.

— О, Олежка Григорьев пошёл, — сказал я, уставившись за канаты.

Против итальянца Дзампарини будет боксировать, подумал я, как бы судьи не подзажали нашего представителя в легчайшем весе. Судья за столиком ударил в гонг и погнало наших городских в сторону деревни. Олег очень здорово и хладнокровно просчитывал соперника. Вышел на короткую дистанцию, выдал серию, и, закончив её точным и хлёстким ударом, ушёл обратно. Потом снова подёргал, покачал, и опять серия.

— Нет шансов у Дзампарини, — выдал свой вердикт Корней, — везде опаздывает и делает всё невпопад.

— Подожди, может итальянец панчер, — возразил я, — один удар и всё поплыл Олежка.

— Лови своего панчера, — хохотнул Корней, — когда Григорьев хлёстко приложился справа, и Дзампарини заметно качнуло.

Лишь гонг возвещающий окончание перового раунда спас от полного разгрома итальянского боксёра.

— Замечательный бой, товарищи, провёл наш советский боксёр Олег Григорьев, — сказал Николай Озеров, улыбаясь в микрофон, — он с тринадцати лет занимается боксом, и выступает за общество «Трудовые резервы». Наши поздравления тебе Олег. Это наша первая золотая Олимпийская медаль на этом турнире. Ура, товарищи! Это должно быть пять — ноль, по судейским запискам, абсолютная победа! Хотя постойте, судья в ринге объявляет счёт: три — два? Странное судейское решение, которое впрочем, не отменяет нашего итогового чемпионства.

— Да, дома и судьи помогают, — пробормотал я, — хорошо хоть победу не отняли.
 — Где же наш этот, — завертел головой Корнеев, — герой любовник. Баб ему в Москве мало, так он американку нашёл на нашу с тобой голову.
 — Тише вон Шлёпов, — я кивнул головой на штыковеда, который обещал бдеть за мной днём и ночью.

Когда наши взгляды встретились. Я чуть привстал и одной головой поклонился. Шлепов потоптался в безуспешных поисках свободных стульев и решив, что бокс ему не интересен, поплёлся на выход.

— Нас случаем не заподозрит? — прошептал Корней.
 — Нас-то за что? — удивился я, — сидим, бокс смотрим, никого не трогаем. Пропаганду буржуазного образа жизни не ведём.

Тут мимо нас главный тренер боксёрской сборной СССР Сергей Семёнович Щербаков провёл на ринг Борю Никонорова. Тот даже не взглянул на нас. Прошёл, как зомби на казнь.

— Э-э-э, что-то мне Боря сегодня не нравится, — пролепетал Корнеев, — где юношеский задор? Где желание порвать противника, во что бы то ни стало?

— Может сейчас по хавальнику схлопочет, — без надежды предположил я, — разозлиться, и пойдёт в полёт Ежи Адамского между канатов прямо на судейский столик.

— И вот вашему вниманию третий финальный бой, — Николай Озеров хлебнул минералки, — сложный турнирный путь выдался нашему бойцу. Сначала Борис победил сильного американского боксёра, затем нокаутировал Франческо Муссо, и вот финал, на кону золотая Олимпийская медаль — мечта каждого советского спортсмена. Однако с первых минут преимущество захватил Ежи Адамский. Удар, удар, ещё удар! Борис Никоноров упал на одно колено. И рефери открыл счёт. Это конечно не нокаут, но приятного мало.

— Сука! — заорал Корней, видя, как нашего Борю мутузит потомок польских шляхтичей, — руки выше! Чему тебя в детстве учили?

— Если так дальше дело пойдёт, — шепнул я, — то он не в Америку сбежит, а попадёт прямиком в больницу.

Адамского мало волновало, куда собирается попасть или сбежать Никонору, и он кинулся добивать нашего легковеса. И вдруг пропустил встречный апперкот, и сам грохнулся на настил ринга. Трибуны впервые за день взревели, как древние римляне во время гладиаторских боёв. Но тут судья ударил в гонг, конец первого раунда. Корней пару раз матюгнулся и, согнувшись в три погибели, помчался к синему боксёрскому углу, где приводили в порядок заплывший глаз Борису. Юра молниеносной тенью пронёсся мимо судей и вырос за спиной нашего боксёра. Нужно было видеть потрясённое лицо главного тренера Сергея Щербакова. Но Корней что-то прошептал Никонору и тем же макаром трусцой вернулся на своё законное зрительское место.

— Ты чего ему сказал? — спросил я.

— Так, пару ласковых, — махнул рукой, довольный собой Корнеев.

— А всё же? — не унимался я.

— Если ты сука проиграешь, мы сдаём тебя Шлёпову, — победно улыбнулся Юра.

* * *

— Второй и возможно решающий раунд, — Озерову пришлось поднапрячь голос, так как зрители устроили на трибунах невообразимый гвалт, — картина боя разительно отличается. Сейчас наш боксёр очень много атакует, а польскому атлету приходится много перемещаться и постоянно терпеть в защите. Удар, удар, Никоноров зажал своего противника в углу. Серия сильных ударов, но поляку Адамскому удалось выскочить из неудобного положения и отойти к центру ринга. Но Борис вновь ворвался на ближнюю дистанцию и обрушил ещё несколько мощнейших ударов. Ежи прижался к канатам. Пару ударов в корпус, перевод в голову и какое неудачное падение. Это надо видеть товарищи, Ежи Адамский вывалился между вторым и третьим канатом ринга прямо на судейский столик! Сейчас нужно обязательно оказать первую медицинскую помощь нашему польскому другу. Сможет ли он продолжить поединок? Нет! Тренер польской сборной выбросил белое полотенце на ринг. Ура, у нас вторая золотая Олимпийская медаль!

* * *

— Чё, может, хватит тут сидеть, — довольно развалившись на стуле, промурлыкал Корней.

— Ага, тогда точно проколемся, — улыбнулся и я, хотя поляка было откровенно жаль, такой же спортсмен, как и все мы, и здоровье у нас у всех не казённое, — будем смотреть все бои до конца. Никто не должен соотнести пропажу Бори и наше здесь нахождение.

В шестой кабинет, четвёртого дома на Старой площади в Москве, Никита Сергеевич Хрущёв срочно вызвал к себе товарища Сулова, который, к слову сказать, работал практически по соседству в том же здании, на том же этаже.

— Миша, — встретил своего подчинённого Никита Сергеевич, держась за телефонный аппарат, — присаживайся.

Михаил Андреевич осторожной прихрамывающей походкой прошёлся по кабинету и сел через стул напротив Хрущёва.

— Ни хрена понять не могу, — рассердился первый секретарь ЦК, — Анастас звонит, и несёт какую-то чушь, якобы американцы нам предлагают в следующем году поставить бесплатно двенадцать миллионов тонн зерна!

— Попахивает политической провокацией, — высказал осторожно своё мнение Сулов.

— Что ты говоришь? — гаркнул в телефонную трубку Никита Сергеевич, — изменить регламент на Олимпийских играх хотят?

— Совсем в Америке сбрендили, — Хрущёв зажал трубку рукой и пояснил в чём суть проблемы, — Микояну сейчас звонит сам Джозеф Барр, министр финансов США, и предлагает зерно в обмен на какое-то голосование. Поговори сам, ни хрена ничего не понимаю!

Сулов осторожно взял трубку, поприветствовал Микояна и попытался вникнуть в заманчивое предложение проклятых американских капиталистов. Минут через десять ситуация стала предельно понятна, правда потребовалось ещё десять минут, чтобы разъяснить её Никите Сергеевичу.

— Изменить на Олимпиаде регламент баскетбольного турнира, — задумался Никита, — а что это такое баскетбол? Это когда двадцать два идиота один мячик бросают?

— Нет, Никита Сергеевич, — у Сулова от волнения пересохло во рту, поэтому он налил из графина свежей родниковой воды, и сделал пару глотков, — в баскетбол играют пять на пять, там десять ид-ид-идиотов.

— Один хрен, — Никита зашагал по кабинету, быстро перебирая короткими ножками, — вот сволочи! — стукнул он кулаком по столу, — купить нас решили за 12 миллионов тонн зерна! Коммунисты это вам не ваши эти прости господи!

— Никита Сергеевич, — вышел из задумчивости член политбюро ЦК КПСС, — у нас кукуруза на Урале и в Сибири не уродилась, вредители и несунуны, наверное, подгадали. Чем в следующем году народ кормить будем?

Хрущёв тоже взял графин и на весу налил воды в стакан. Потом сжал плотно губы от злости и грохнул этот стакан на стол так, что из него половина содержимого выплеснулась на скатерть.

— Звони Микояну, — распорядился Никита, — пусть требует за наш голос 15 миллионов тонн зерна, и тогда будем считать, что договорились.

не замеченным. Команда боксёров паковала чемоданы, так как ночью их ждали уже в самолёте сообщением Рим — Москва. А про Никонора подумали гуливанит где-то, обмывает золотую Олимпийскую медаль. Награждение, как раз состоялось после его, третьего финального боя. Значит, после полуночи забегают, решил я, и предложил для успокоения нервов побросать мяч на баскетбольной площадке. Причём мы намеренно выбрали площадку, которая находилась под самыми окнами штатовских спортсменов. На удивление наши недавние соперники, вместо того чтобы скрежетать зубами от злости, сами довольные высыпали на улицу, чтобы посмотреть, как я кладу с восьми метров «самонаводящиеся» мячи.

— Гуд! Гуд! — приговаривали они каждый раз, когда я попадал.

— Хрен ли вы гудкаете? — криво усмехнулся Корней, — золотые медали гуд бай.

— Этот русский даже в НБА может навести шороху, — сказал Джерри Уэст, своему тезке Лукасу, разобрал, не пойму как, я суть сказанного.

— Да его там прихлопнут, как мышонка, — засомневался центровой американцев Лукас.

И тут к баскетбольной площадке прилетел весь взлохмаченный Гурам Минашвили. Неужели Борю Никонорова хватились, подумал я.

— Корней! Богданыч! Скорее в корпус! — Гурам посмотрел с ненавистью на веселых американцев, — чё вы ржёте? Ещё посчитаемся!

— Ты чего завелся? — я подошел к горячему грузинскому парню.

— Регламэнт помэняли, — махнул рукой Минашвили, — второй раз с этими играть придётся за золото, — тбилисец кивнул в сторону весёлых родоначальников лучшей игры с мячом.

Мы тут же побежали в свой корпус, чтобы «тепло» пообщаться с тренерским штабом, хотя уже через секунду я понял, что Суренович здесь вообще ни при делах. Всё решилось в высоких кабинетах. Другими словами, что бы ни выиграл русский спортсмен, все его достижения всегда могут свести к нулю наши же чиновники.

В комнату главного тренера кроме нас хотели заглянуть и другие партнёры по сборной. Даже всегда выдержанные латыши по паре раз громко сматерились, причем исключительно на великом и могучем языке. Но в дверь не пускал ассистент главного Конев Анатолий Константинович.

— Хрен ли тут столпились? Завтра поговорим! — гудел он.

— Какой завтра? — возмутился Гурам, — у нас медали золотые отбирают, а мы молчать, да?

— Константиныч, ты не прав, — пёр на него Корней.

— Если хотите, могу Богданыча одного пропустить, — смирился с неизбежным Конев.

После чего он чуть-чуть приоткрыл дверь, и я нырнул в образовавшийся проход. На своих кроватях, полностью сняв с себя стресс водкой и пепси-колой, лежали без движения главный тренер Спандарян и второй тренер Алексеев. Я посмотрел на батарею разнокалиберных бутылок, махнул рукой и вышел прочь.

— Мужики! — обратился я к команде, — чё, вы раскричались, в самом деле? Что мы второй раз штаты не разделаем? Жахнем их повторно так, чтобы они на всю жизнь запомнили, что мухлёр в конечном счёте всегда выходит боком!

— Вот это дело! — поддержал меня Конев.

— А если не жахнем? — засомневался центровой Петров.

— Я тебе, Петя, не жажну, только подумай так! — Корней показал ему свой крепкий кулак.

* * *

В прохладный, из-за поставленных в начале лета кондиционеров, спортивный зал университета Святой Марии в Сан-Франциско, вошёл тренер баскетбольной команды Норман Дэйл.

— Хэлло, мальчики! — он внёс под мышкой несколько тяжёлых плоских коробок, — сегодня тренировки не будет!

— У-у-у, — недовольно загудели, одетые в трусы и майки, студенты.

— Заноси Джек! — Норман посмотрел в сторону входной двери.

Университетский уборщик полный и вечно-потный детина легко втащил тяжеленный кинопроектор.

— Куда ставить, тренер? — не выговаривая большинство букв, крикнул он.

— Сегодня будем смотреть кино, — Норман Дэйл положил коробки на переднюю лавку раскладных зрительских трибун, — Том, — обратился он к капитану университетской команды, — принеси из учительской комнаты подвесной экран.

— Куда ставить-то, тренер? — пропыхтел уборщик Джек.

— Да подожди ты! — махнул рукой Норман, — мальчики вынесете стол из тренерской.

— «Кадрящих» смотреть будем? — заражал один из игроков университетской команды.

— Сегодня мы разберём Олимпийский баскетбольный матч СССР — США, — не обращая внимания на шуточки, очень серьёзно сказал Норман Дэйл.

Подвесной экран студенты закрепили за баскетбольный щит, проектор установили на учебной парте, а сами учащиеся в Святой Марии расселись прямо на паркетный пол. Тренер выключил в зале свет, и луч проектора выдал на экран с десятков движущихся фигур. Запись на плёнке была не самого лучшего качества, но то, что творилось на экране, захватило ребят с первых минут.

— Смотри Том, — шепнул капитану Тому Мешери его одноклубник и друг Стив Смит, — а ты мог бы сейчас играть там.

— Потянул руку во время тренировочного сбора, — проворчал капитан университетской команды, — смотри, что творит эта двадцатка!

— Лепит с восьми метров, как я с двух, — пробормотал Стив.

Однако первая плёнка незаметно закончилась, и Норман обратно включил в зале свет.

— Что скажете мальчики? — посмотрел он на своих подопечных.

— Этот двадцатый номер у проклятых комунок просто зверь! — высказался университетский разыгрывающий Стив Смит.

— Что ещё? — тренер хитро прищурился.

— Они широко расставляются в атаке, метко бьют из углов, — ответил Том Мешери, — за счёт чего растягивают нашу оборону.

— Правильно! — показал на него пальцем Норман, — этому мы с вами и будем учиться в новом сезоне.

Немного потрясённый увиденным, Том Мешери шёл по учебному корпусу. Нет, он читал в газетах об этой сенсации, и даже слушал репортаж по радио, но как такой разгром

случился на самом деле, увидел впервые.

— То-о-ом, придёшь сегодня на вечеринку? — окликнула его «развратная» Сьюзи.

— Нужно помочь отцу в гараже, — отмахнулся от навязчивой девушки баскетболист.

— Фу, какой ты скучный! — протянула разочарованно она.

Мешери миновал длинный учебный коридор, периодически отвечая на множественные приветствия однокурсников, и вышел под палящее калифорнийское солнце. На стоянке велосипедов его окликнул странный человек, чем-то напоминающий спортивных агентов.

— Привет парень, — мужчина в лёгком летнем пиджаке и широкополой шляпе натянутой на глаза, направился прямо к Тому.

— Я уже всё обговорил с менеджерами «Филадельфии Уорриорз», — бросил он, чтобы отвязаться от непонятого мужчины.

Именно в эту команду НБА сватали талантливый центрового спортивные агенты. Играть вместе с баскетбольной легендой с самим Уилтом Чемберленом была просто мечта Тома с восьмого класса, когда он впервые серьёзно занялся игрой.

— Я не из «Филадельфии Уорриорз», — улыбнулся мужчина, — я представляю руководство всей лиги. Ты ведь русский, Томислав Мещеряков? Я прав?

Как и подавляющее большинство американцев, Том был потомком эмигрантов. Его отец царский офицер Николай Мещеряков воевал под командованием Колчака, мать происходила из дворянского рода, и была дальней родственницей великого писателя Льва Толстого. А дед вообще депутат Думы и член Временного Правительство Керенского. Однако после реакционных выступлений сенатора Джозефа Маккарти, даже с такой родословной Мещеряковым пришлось поменять фамилию на более американизированную Мешери.

— Я американец, — Том взглянул на мужчину исподлобья.

— У меня здесь чек на тысячу долларов, — в ответ улыбнулся тот, — и билет до Рима.

— Что это всё значит? — растерялся Мешери.

— Лигу интересует русский, двадцатый номер, — мужчина вынул из внутреннего кармана записную книжку и стал в ней что-то записывать карандашом, — ты же смотрел матч?

— У нас нет телевизора, — признался Том, — но мы сегодня с тренером Норманом смотрели игру через кинопроектор.

— И как? — мужчина оторвался от своей записной книжки.

— Очень впечатляет, — Мешери вынул свой велосипед из отдельной металлической ячейки, — так что вы от меня хотите?

— Лига хочет, чтобы этот двадцатый номер играл здесь в Америке, в стране безграничных возможностей! — спортивный агент вдохновенно развел руками, — съезди в Рим поговори с ним. Расскажи, как ты живешь, как живут звезды спорта. Ты русский, он русский, вам проще найти взаимопонимание. И ещё намекни, что при согласии эмиграции, лига готова ему сделать единовременную выплату в размере одного миллиона долларов. От таких условий оказывается только сумасшедший, или фанатик, ни первые, ни вторые нам здесь точно не нужны. В Риме тебя встретят и поселить вместе с остальными баскетболистами сборной США.

— Он может, не согласится, — вдруг засомневался Том Мешери, — у него, наверное, в Союзе родители?

— Нет у него родителей, он из детского дома, — мужчина протянул Тому подробные инструкции, как и что говорить, и чек на тысячу долларов.

В среду седьмого сентября наш временный дом в Олимпийской деревне постепенно стал пустеть. Во избежание политических провокаций и прочих возможных эксцессов функционеры старались, как только заканчивались соревнования по-быстрому отправлять спортсменов на Родину. Так покинули Рим уже наши гребцы, велосипедисты, прыгуны в воду, пловцы, команда по водному полу, пятиборцы, борцы и боксёры. Само собой кроме Бори Никонорова, который пока не объявлялся нигде, ни в Олимпийской деревне, ни в Советском посольстве, ни в посольствах загнивающих капиталистических стран. Что характерно спортсмены с загнивающего запада спокойно гуляли, где хотели и ежедневно веселились в международном клубе Олимпийской деревни. Это что же за страна такая, которую нужно обнести вокруг колючей проволокой, чтобы из неё народ не разбежался, матерился я про себя.

— Где спрятался ваш Никоноров? — зашипел прямо на завтрак Шлёпов, который бесцеремонно плюхнулся за наш с Корнеем столик.

— Где, где, — усмехнулся Юра, — в гнезде, вот где?

— Мы с тобой Корнеев в Союзе отдельно поговорим! — Шлёпов, как поросёнок стал запикивать в себя бесплатную яичницу с беконом.

— А вы не угрожайте, — меня передёрнуло от этого зрелища, — я ведь в Москве молчать не буду. Всем расскажу, как вы среди спортсменов вели подрывную работу.

Кандидат наук по штыковому бою тут же подавился беконом и громко закашлялся.

— Да, да, — продолжил я, — это же вы Борю Никонорова подговорили бежать в Австралию. Вся команда подтвердит.

Шлёпов затравленно посмотрел на баскетболистов, которые за соседними столиками беззаботно трепались о чём-то своём.

— Поэтому если вы сейчас отсюда не уберетесь, то я вам в ваше вражеское рыло плесну такой же вражеской пепси-колой, — и я демонстративно налил сладко газированную заморскую отраву в стакан.

Штыковед посмотрел по сторонам и молча пересел от греха подальше.

— Ты чего моей пепси-колой расплескался? — похохатывая спросил Корней, — ну ты и псих! — добавил он.

Перед завтрашней игрой с бразильцами Суренович решил не нагружать команду дополнительными занятиями. Поэтому на баскетбольной площадке у самого берега Тибра мы потренировали аллей-упы, выход из-под заслона на ударную позицию и провели товарищескую двусторонку. Меня главный тренер попеременно заиграл сначала в одной команде, затем в другой.

— Из «Советского спорта» попросили интервью с тобой организовать, — сказал Суренович, когда вместо меня вышел в поле Озерс, — ты как? Не против?

— Газета дело хорошее, — улыбнулся я, — особенно если корреспондентка будет умненькая и симпатичная.

— Ну и лады, — пробурчал главный тренер, — ты это, только лишнего не ляпни. А то с этим Борей Никоноровым уже всем тренерам мозги выели. Почему не следите за спортсменами, они у вас гуляют, где хотят! Что мы няньки в детском саду?

— Чтобы я лишнего не ляпнул, — задумался я, — нужно интервью организовать сразу

после обеда, у меня тогда настроение более миролюбивое.

Первое мое интервью в этом времени и мире решили записать прямо здесь, на втором этаже нашего жилого корпуса, в холле. В том своём времени я этих интервью сделал тысячу, правда, не я их давал, я их наоборот, брал. Ведь десять лет отпахал фотографом в различных журналах. Где и про спорт писали, и про моду и про медицину, и даже про историю. Вот так бывало, приедешь, диктофончик на стол, фоточки сделаешь, парочку формальных вопросов и готово. Думаете, такую ерунду не читали? Если интерьер подходящий, да мордашка красивая, да фигура сексуальная, то любую ерунду прочитают.

Я развалился на диване в ожидании, как минимум, мисс всесоюзной советской прессы. И даже прикрыл глаза, представив красивые ножки в капроновых телесного цвета чулочках. Вот что с мужчиной делает продолжительное воздержание! И хорошо, что Маура снова перевелась из Палаццетто в международный пресс-центр. А то держите меня семеро.

— Здравствуйте, — поздоровался со мной мужской голос.

Н-да, корреспондент «Советского спорта» был толстым, потным, с хитрыми бегающими глазками мужиком. И судя по носу, еврей. «Вы еврей? Нет, я русский! А я американский!» — вспомнил я старый анекдот. Корреспондент откровенно меня не удивили, он задал с десятков малозначимых вопросов. Кто первый тренер, кто второй, как я воспринял победу над США, о чём мечтаю в будущем.

— Вам не хватает заключительного вопроса, — остановил я уже складывающего свои записи репортёра, — чем финалить собираетесь статью? Между прочим, последнее слово всегда запоминается лучше первого.

— И что вы предлагаете? — подвис корреспондент.

— Давайте напишем так, — я мечтательно посмотрел на потолок, — в нашей беседе Богдан выразил надежду, что в целях массовой популяризации здорового образа жизни, после того, как в Риме погаснет Олимпийский огонь, все призёры семнадцатых Олимпийских игр вновь соберутся вместе на торжественный бал чемпионов в Москве. Чтобы ещё раз вспомнить незабываемые мгновения побед нашего великого Советского спорта! Ведь как говорил товарищ Ленин: «Молодёжи особенно нужны жизнерадостность и бодрость».

Репортёр этого самого «Советского спорта» от неожиданности открыл рот.

— Главный редактор не пропустит, — печально задумался он.

Я вынул из кармана двадцать баксов и протянул их бедному репортёру.

— Это зачем? — вздрогнул тот.

— Пообещайте главному бутылку хорошего итальянского вина, — деньги я просунул между листов, замученной невнятными закорючками, репортёрской тетради.

После ужина Суренович объявил в команде свободное время, напомнив, что завтра игра с Бразилией, поэтому не маленькие дети, и сами должны осознавать всю ответственность. Но ребята и без накачки договорились в последние три решающих дня никакого вина, и никаких приключений на свою попу. Ведь почти всем парням пообещали, в случае золотых медалей, улучшение жилищных условий, премии, и покупку вне очереди персонального автомобиля. Лишь один я, который не принадлежал ни к одному спортивному обществу, бился за простое элементарное право любого нормального человека заниматься своим любимым делом.

— Чё, сидишь? — Корней заглянул в нашу комнату, где я тупо уставился в стену.

Что-то замотался за эти дни, и потянуло меня на расслабляющую медитацию.

— Пошли мячик, побросаем, — он вытащил из-под кровати баскетбольный снаряд.

— Иди один, — я вновь попытался остановить свой внутренний плохо затухающий диалог.

— Боря обратно просится, — шепнул мне на ухо Юра.

— Ну, тогда, конечно, пойдём, побросаем, — я натянул спортивный костюм.

По традиции мы стали обстреливать кольцо на уличной баскетбольной площадке перед окнами американской команды. Пусть поволнуются, думал я, забивая восьмой мяч подряд с восьми метров. Вообще после сильнейшей травмы, когда любой бросок давался через боль, меткость моя возросла до восьмидесяти процентов. Это, конечно, если обстреливать корзину без сопротивления. А в борьбе примерно залетало семь из десяти, что тоже очень круто.

На стук мяча по асфальту и об деревянный баскетбольный щит из здания напротив подтянулись к площадке американские баскетболисты, Джерри Уэст, Джерри Лукас и ещё один высокий под два метра парень, с такой необычной большой нижней челюстью.

— Привет парни, — поздоровался с нами на чистейшем русском языке незнакомец, — сыграем два на два?

От такого нежданчика я махнул мимо цели.

— Сыграем! — с вызовом бросил Корней, — если к мамочке не побежите жаловаться, что регламент не такой.

— Что он говорит, Том? — спросил долговязого Уэст, это я понял, само собой, чисто интуитивно.

— Я, между прочим, со своей мамочкой несколько лет провёл в японском концлагере под Токио, — ответил Том Юре Корнееву.

— Тогда сыграем за дружбу народов, — предложил я, — ставка сто долларов.

— Хотят с нами играть на сто долларов, — перевёл Том наши слова двум своим, неговорящим на языке Пушкина и Толстого, соотечественникам.

Корней тут же набросился на меня.

— Ты чё, с дуба рухнул? — зашептал он мне, — какие сто баксов? Мы так с тобой не договаривались!

— Э, нет! — махнул рукой Джерри Уэст, — с коммунистами на доллары я играть не буду.

И со своим тёзкой Джерри Лукасом они, развернувшись, потопали в сторону своего корпуса.

— Бэби эфрейд? — кирнул я в спину гордым сынам европейских переселенцев на дикий запад.

Я конечно в английском в той своей жизни силён не был, так нахватался по шапкам на курортах Турции, Греции и Египта, выучил пару десятков слов, и возможно на словарь английской Элочки людоедки вполне тянул. Правда сейчас мне, было не совсем понятно, дошёл смысл сказанного до американских ушей или нет. Но судя по тому, что Уэст крикнул, что я проклятый русский наглец. Два криво произнесённых мной английских слова, что детка испугалась, попали в точку.

Я объяснил вкратце через переводчика Тома Мешери правила игры двое на двое, что играем на одно кольцо, за каждое попадание очко, и то, что мяч разыгрывать придётся от центральной линии. И самое главное если ты забил, то владение остаётся снова за тобой. И мы, с Корнеем раздевшись по пояс, договорились, он играет против двухметрового Мешери, а я против ста восьмидесяти восьми сантиметровой Уэста.

Джерри Лукас подкинул спорный мяч, и матч до десяти очков начался. Мешери выиграл подбор и тут же отпасовал на Уэста. Я, широко расставившись, стал очень быстро переносить центр тяжести с ноги на ногу. Уэст попытался качнуть меня в одну сторону, а уйти в другую, но я оказался быстрее и просто выбил мяч в сторону. Первым с пола поднял его более координированный Корней. Он дождался, когда я выскочу на центр площадки, и отдал баскетбольный снаряд в мои руки. Уэста в свою очередь я раскрутил за пару мгновений, переведя мяч за спиной. Мешери не решился оставить без опеки Юру и я свободно метнул с восьми метров точнѐхонько в корзину.

— Том! — крикнул Уэст, — нужно было блокировать двадцатку.

Двадцаткой, американцы называли меня, потому что этой цифре соответствовал номер на моей игровой майке. Пока американцы переругивались, мы быстро разыграли с центра и Корнеев забил от щита лёгкий второй мяч.

— Это не честно! — пискнул Уэст.

— Передай своему другу, — обратился я по-русски к Мешери, — что в большой семье хлебалом не щёлкают!

И мы снова с Корнеем пошли в атаку. Небольшой перепас. Скрещивание, когда мы на ведении поменялись местами с Юрой, и ещё один дальний точный бросок. Мяч лишь чуть-чуть чиркнул переднюю дужку и нырнул внутрь корзины. После шести ноль, Уэст и Том Мешери поменялись оппонентами, американец говорящий по-русски стал опекать меня.

— Мне нужно с тобой поговорить, — шепнул мне Мешери, когда я обыгрывал его спиной.

Я вышел на ударную позицию, дождался, когда на меня понесётся в расстроенных чувствах Джерри Уэст и отдал пас с отскоком от пола прямо под кольцо Юре Корнееву.

— Семь ноль! — Корней победно потряс кулаками.

— Завтра в семь утра на берегу Тибра, я буду делать пробежку, — шепнул я Тому Мешери.

После семи ноль американские студенты все же размочили счёт, но итоговый результат десять три принёс нам пять зелёных бумажек с изображением седьмого президента Эндрю Джексона на банкнотах.

Когда мы делили наши деньги, Корней вновь вернулся к разговору о Боре.

— Так что с Никонором делать будем? — посмотрел с надеждой на меня Юра.

— Как что? — я удивился, — пусть топают обратно в Олимпийскую деревню.

— Как? Просто так? — Корнеев даже растерялся.

— А что ему будет? — я отдал Юре десять баксов сдачи, — пусть для храбрости выпьет, придёт сюда и скажет, что отмечал олимпийскую золотую медаль с местными римскими шляхами. Где не помню, так как был пьян. Вещи его здесь, гитара, которую он на значки выменял тоже здесь, красный джипсовый костюм у меня в чемодане. Я его Дорис так и не передал.

— Ну да, что ему дураку будет, — согласился Юра, — путешественник, мать его яти.

В утренней прохладе в ленивых звуках прибрежных волн дремал медленный римский Тибр. На берегу реки было привычно пустынно. Итальянцев ещё не обуяло массовое стремление к долголетию и здоровому образу жизни. Спортсмены же из Олимпийской деревни и без того замученные ежедневными тренировками досматривали последние сны. Рыбаки, которым никогда не спиться сидели, как скрюченные статуи в своих лодочках, обречённо уставившись на воду. А я трусой отмерял уже третий километр.

— А я думал ты уже не придёшь, — выскочил откуда-то с боку Том Мешери.

Мы вместе пробежали ещё один километр и остановились, когда перед нами выросло какое-то заброшенное строение. Мы вошли внутрь.

— Тебе предлагает совет лиги единовременную выплату в миллион долларов и переход в любой американский клуб НБА, — сразу же перешёл к делу Мешери.

— Почему не два? — я сделал расстроенное лицо.

— Таких денег нет даже у Уилта Чемберлена, — опешил Том.

— А ты откуда так хорошо знаешь русский? — задал я вопрос, который меня мучил с самого начала.

— Моё настоящее имя, Томислав Мещеряков, я русский, — печально улыбнулся парень.

— Понятно, потомок белоэмигрантов, — я тоже усмехнулся, — не поеду я в твою Америку. У меня в Союзе друзья, девушка любимая, да я бы и сюда в Рим не поехал, если бы мне не запретили музыкой деньги зарабатывать.

— Ты не хочешь стать звездой спорта? — Томислав сделал глаз по пять копеек.

— Я хочу, чтобы страна, в которой я живу, стала нормальным человеческим государством, — я отчаянно, как шашкой, махнул рукой, — чтобы ты вместе с родителями, получил визу, и спокойно приехал на свою историческую Родину, в Питер, в Москву, погулял бы по красной площади, сходил бы на могилу предков. Чтобы любой трудяга из СССР, мог бы позволить себе съездить в отпуск, в Грецию, Испанию или Турцию. Люди вообще должны путешествовать, смотреть Мир, это нормально!

— Это смешно, — рассмеялся Мешери, — кто ты? Просто обыкновенный пацан!

— Дайте, мне точку опоры, и я переверну Землю, сказал Архимед, — я показал руками, как работает рычаг, — мне бы найти эту точку опоры. А в Россиюшке потенциал ого-го! Народ умный, хитрый, трудолюбивый, ресурсов природных море. Ладно, рад был знакомству!

Я пожал руку и только намеревался пробежаться до деревни, как Том вновь завёл свою шарманку.

— А что мне передать совету лиги? — занудел он.

— Пусть обращаются к Никите Хрущёву о серии баскетбольных матчей звёзды НБА сборная СССР, — я почесал затылок, — четыре игры в штатах, четыре в союзе. Денег срубим, завались!

— Да у вас же нет шансов! — крикнул он мне в спину.

— Шансы всегда есть! — ответил я, и ломанулся на завтрак.

Санька Земакович второй день караулил Машу Ларионову на улице, что вела к ДК Строителей, которым руководила её мама, Галина Сергеевна. Два месяца он, после того как они вдрызг разругались, из-за этих проклятых денег, не видел свою подругу. Санька даже в Алуште попытался пойти по бабам, как говорил его друг Толик, но всё впустую. Машу из головы вытащить было не возможно. Вдруг заморосил неприятный московский осенний дождик. Санька поднял повыше воротник своей джипсовой курточки и спрятался под навес автобусной остановки.

— Льёт ли тёплый дождь, подает ли снег, — подумал Земакович о превратностях осенней погоды, — могла бы получиться замечательная песня! Надо бы Богдану эту строчку показать. Быстрее бы он уже из своего Рима вернулся. Надоело слушать зудение Вадьки, то нельзя, этого тоже нельзя. Командир блин! О! Вот она, Маша! Подняла над головой газетку и смешно перепрыгивает через лужи. Эх, была, не была, — подумал Санька.

— Маша! Подожди! — крикнул он.

Девушка остановилась, но по её лицу было не понятно, рада она или нет. Земакович снял с себя джипсовую курточку и сделал над собой и Машей небольшой навес. Капли все равно лупили по ногам и телу. Но на лицо пока не опускалась ни одна дождинка.

— Я приехал! — улыбнулся Санька.

Девушка же ничего не ответила, резко развернулась и быстро зашагала в дом культуры. Земакович попытался подстроиться под стремительный темп движения, чтобы защищать своей курткой волосы Маши от дождя, но у него ничего не получалось. Вот сейчас она уйдёт и больше между нами ничего не будет, мелькнуло в голове Саньки.

— В заколдованном круге бегут мои дни, — прочитал он строчки новой песни, — вечера так унылы, беспокойны так сны. Серый дождь нервно шепчет — тебе не уйти. Заколдованный круг закрывает мечты.

Ребята забежали под козырек ДК Строителей и Маша остановилась.

— Богдан сочинил? — спросила она, перестав мучить Саньку заговором молчания.

— Это наша новая песня, — глупо улыбнулся Земакович.

— Я давно всё про вас поняла, — Ларионова убрала мокрую чёлку со лба, — Богдан пишет музыку, сочиняет стихи, даже джипсы эти ваши он придумал. А вы просто бездумные исполнители. Отними у вас Богдана и всё, не будет никаких «Синих гитар». Один лишь Толик останется, воображало!

— Ты не права, — Санька по-настоящему обиделся, — ты забываешь, что все мы из детского дома. Кроме нашей компании у Богдана, да и у всех нас нет больше ни одного родного человека во всём Мире. Мы ему платим самым важным.

— Чем же? — смутилась девушка.

— Дружбой, — Земакович развернулся и пошёл обратно под дождь.

* * *

Что мне всегда импонировало в итальянцах так, это их внезапное преображение, из расслабленных лентяев и раздолбаев в максимально хитрых и расчетливых соперников. Вот и сегодня девятого сентября в предпоследний день Олимпиады, весь первый тайм с ними страдаем. А, между прочим, американцы их вынесли 112:81. В первой половине ведём всего два очка.

— Хотел я тебя, Богданыч, для завтрашнего финала приберечь, — начал издали главный тренер сборной, — но придётся тебе на паркет всё же выходить. Потому что некоторые не осознают, что сейчас весь советский народ, как один человек, прильнули к своим радиоприёмникам. Ждут победы со спортивных фронтов!

Ну, это Суренович загнул, подумал я, в лучшем случае прямой эфир идёт на Европейскую часть страны. А Урал и Сибирь, лишь завтра с утра послушают о том, как мы сыграем сегодня. А в деревнях, где у людей пока ещё даже паспортов нет, а кое-где и электричества, вообще объявят к вечеру. Хорошо хоть Никита выдал удостоверяющую личность бумажку жителям районных центров. Да, социализм маде ин СССР для всех разный. Одни, живущие в Москве и Ленинграде видят его одну сторону, с театрами, музеями, библиотеками, кино и прогулками на теплоходах, пока другие впахивают в деревнях за трудовни не видят этого ничего. И сколько в мировой истории не твердилось, что рабский труд — малопроизводительный, бесполезно. Кстати, это в полной мере можно было бы отнести к тому, моему миру и времени.

— Если бы Петров не записал в конце дурной мяч, — включился в психологическую накачку второй тренер Алексеев, — то сейчас бы не выигрывали 34:32, а играли бы вничью! Муйжниекс, Валдминис, почему из углов плохо попадаете?

— Эвгений Николаевич, — ответил капитан команды, — не летит сегодня. Вчера с бразильцами сил много отдали.

В этом Валдис Муйжниекс прав, потеряли мы игровой тонус, четыре дня балду гоняли. Да ещё эта история с Борей Никоноровым, меня выбила из колеи. Вернулся наш бродяга в аккурат перед игрой с бразильцами. Как забегали эти кэгэбешники. Наш Шлёпов громче всех орал.

— Кто тебя покрывал? Да я тебя по зонам затаскаю! Ты вообще эту за границу в последний раз видишь!

— Ты что ли, штыковед, медали для страны завоёвывать будешь? — не выдержал я, так как всё дело происходило в холле, где жили мы с боксёрами, — сидите на нашей пролетарской шее, как паразиты! По всей стране вас, как тараканов в бомжатнике, и каждый хочет жрать. А случись что, вы первые перестроитесь и Родину сдадите.

Еле-еле я сдержался, чтобы не сунуть в его морду крысиную. Потом пол игры руки от злости тряслись, ведь умом понимал, что нужно успокоиться, но не мог. Намазал в первом тайме много. Целых четыре очка южноамериканцам отдали. Зато как разогнались во втором, 30:56 бабахнули. А общий счёт всего 62:84. Кстати, звёздно-полосатые после нас с бразильцами рубятся.

— Богданыч, ты всё понял? — обратился ко мне второй тренер Алексеев.

— Яснее ясного, — улыбнулся я, — поменьше суеты, побольше заброшенных мячей.

* * *

— Мы продолжаем нашу радиотрансляцию с Олимпийских игр из Рима, — Николай Озеров нервно заёрзал на стуле.

Вторую игру подряд провожу на валидоле, подумал комментатор, а ведь завтра играть снова с Америкой! Отработаю ещё два дня и в отпуск, нервы лечить.

— Итак, на вторую половину игры тренер Спандарян выпустил следующее сочетание

игроков, — Озеров протёр платочком лоб, — центральной Петров, форварды Зубков, Вольнов и Корнев, разыгрывающий двадцатый номер Богдан Крутов. Александр Петров выиграл спорный мяч. Пас на Крутова, и Богдан переводит игру в зону атаки. Он получает заслон от Зубкова, второй заслон от Вольнова и врывается под кольцо. Бросок! Есть два очка в нашу пользу, 36:32. Да, сейчас придётся поломать голову итальянскому наставнику Нелло Параторе, что делать с нашей двадцаткой.

* * *

— Я Алезини взял! — крикнул я своим партнёрам давая понять, что опекаю разыгрывающего итальянцев, который мне чем-то напомнил российского игрока из будущего Василия Карасёва.

Марио хорошо прикрыл мяч корпусом и, не дожидаясь, пока я выгребу его у него из-под носа отдал на Джанфранко Ломбарди, по прозвищу Дадо. Эти двое нам сегодня, много крови попортили. Перед Дадо вырос как из-под земли Корней. Ломбарди отпасовал на центрального Антонио Калевотту, которого прикрыл Зубков. Калевотта пару раз стукнул мячом в пол, пытаюсь продавить спиной нашего спортсмена, но я тут же бросился на подстраховку и резко перехватил мяч и откинул его на свободного Петрова. Итальянцы, кроме Алезини, быстро вернулись в защиту. Саша Петров вернул мяч мне, и мы всей пятёркой пошли на половину поля лазурно-синих. Алезини пару раз безуспешно попытался меня попрессинговать, но как говорится, руки у вас батенька коротки.

— Корней, уйди в край! — я показал Юре пальцами левой руки номер комбинации.

На тренировках мы для некоторых наработок придумали обозначения. Один палец, значит все встают широко, и я играю изоляцию, то есть обыгрываю в одиночку своего оппонента и иду на кольцо. Два пальца играем аллей-уп. Три — двойной заслон. Четыре — выводим крайнего на бросок. Кулак играем заслон с разменом. Пять пальцев, значит, крайний должен резко открыться под кольцом. Не все конечно в реальном матче работало, и мы часто по ходу импровизировали и находили другие продолжения атаки. Но некая определённая всегда давала дополнительную уверенность.

Я дождался, пока опекающий Корнея итальянец Дадо вытянется за ним в угол, и наш игрок резко рванётся под щит. Я тут же отдал пас на ход Юре. Корнеев выпрыгнул в паре метров от кольца, и сам в свою очередь сделал скидку на Сашу Петрова. Наш центральной аккуратно переправил мяч в корзину, 38:32.

После чего мы ещё дважды удачно отзащищались в обороне и я забили в быстрых отрывах два мяча. При счёте 42:32, Нелло Параторе взял тайм-аут.

Непередаваемая игра слов, так я для себя прокомментировал минутную миниатюру итальянского тренера. Какой актёр пропадает на тренерском мостике!

* * *

— Вот это совсем другое дело! — Николай Озеров, взял в руки микрофон, и расслабленно откинулся на спинку стула, — ко второй половине второго таймы разрыв в счёте вырос до двадцати очков. Ничего не может противопоставить Параторе

наступательному напору нашей советской команды. А это значит, завтра нас ждёт самый настоящий финал. Битва за золотую олимпийскую медаль! Тренер Спандарян усадил Крутова на скамейку и выпустил реактивного тбилистского динамовца Гурама Минашвили. И правильно, золотая рука нашего двадцатого номера завтра ещё ой как понадобится.

* * *

Дожали мы окончательно посыпавшихся итальянских баскетболистов к концу игры, 54:98. Последние десять с лишним минут я лишь подбадривал с бровки своих партнеров по сборной, весело размахивая полотенцем. Интересно, думал я, потянем ли мы матчевую встречу против звёзд НБА? Там ведь собраны лучшие баскетболисты планеты. Профессионалы на все сто процентов. А у нас что? Пока тренер не прикрикнет, спортсмен ведь не перекрестится. А над мелочами вообще никто не работает! Как правильно корпус поставить, чтобы во время передачи никто мяч не перехватил, как ноги должны работать во время защиты, как мяч должен на пальцах лежать при броске. Вон, Круминьш до сих пор штрафные пробивает из-под «юбки». Анахронизм!

Я каждый день, здесь в Олимпийской деревне совершаю по двести выстрелов по кольцу перед сном, без всякого понукания Суреновича. И никто из команды ко мне ещё ни разу не присоединился, кроме Корнея, конечно. Вообще этот полупрофессиональный статус советского спорта много вреда приносит, потому что двум Богам служить нельзя. Ты либо любитель, который после работы в охотку стучит по мячу, либо профи, который ежедневно и самостоятельно живёт спортом. Во тогда и НБА крушить смело можно.

— Чего задумался? — весело толкнул меня в плечо Корней.

— Да надоела мне эта Олимпиада, разобраться бы завтра со штатами и в Москву, — улыбнулся я.

— Что итальянки разонравились? — хохотнул Юра.

— Нет, просто наши лучше, — я тоже толкнул Корнея в плечо.

На выходе из «Палаццетто делло Спорт» меня встретила Маура. Мои партнёры по сборной поулыбались, но ничего скабрёзного не сказали, когда я подошёл к девушке.

— Ты меня проводить? — спросила она.

— Если только до двери общежития, — улыбнулся я и, передав сумку с формой Корнею, двинулся по тёмным кривым улочкам Рима.

Мы большую часть пути до бульвара Пинтуриккьо прошли молча. Никто не решался начать разговор. Никогда не умел объясняться с барышнями, у которых не пойми какие мысли в голове.

— Ты меня не любить? — наконец первой спросила меня Маура Лари.

— Я с тобой дружить, согласна? — в темноте не было видно лица девушки, — я вообще через два дня уезжаю. И когда вернусь, не знаю.

— Я с тобой ехать в СССР, — Маура кинулась мне на шею и плотно прижалась ко мне, — я просить гражданин СССР.

— Хорошо-о-о! — неожиданно прокричал я так, что девушка сама отскочила от меня, — через год, если не передумаешь, я сам обращусь в советское посольство, чтоб тебе предоставили наше гражданство.

А через год, подумал я, много воды утечёт, и либо шах помрёт, либо осёл, как выразился

бы Ходжа Насреддин, который обещал научить разговаривать осла, правда, через десять лет.

— До свидания! — крикнул я, помахав рукой, — завтра у меня важная игра! Аривидерчи!

И чтоб было меньше слёз, я припустил в Олимпийскую деревню. Нужно было, как следует выспаться, собраться с мыслями. И самое главное у меня возникло какое-то нехорошее предчувствие. И всю ночь мне снились волки, на которых велась охота, и я был одним из этих незащитных хищников.

С большим трудом Том Мешери раздобыл билет на решающий матч Олимпийского баскетбольного турнира. Ему пришлось немало побегать по Риму, посетить спекулянтов, большинство из которых толклось около Палаццо Колонна, в самом центре итальянской столицы. Американец переплатил, наверно, раза в четыре выше номинала. Но за такую игру не жалко решил для себя Мешери, протискиваясь на свое место на десятом ряду ближе к углу баскетбольной площадки. Что ж, буду смотреть матч по диагонали, немного взгрустнул Том.

Когда он уселся в кресло, ему вдруг пришла странная мысль, а за кого белеть? Одна часть его сознания хотела победы США, а другая, всплывшая из глубин подсознания, твердила: «Эй, парень, ты же русский, и сегодня будут биться твои кровные родичи, разве ты хочешь их поражения?»

* * *

Перед самой игрой Николай Озеров, которого потряхивало от напряжения, заглянул в раздевалку сборной СССР. Благо, что главный тренер Спандарян счёл уместным появления известного в стране комментатора перед игроками.

— Как настроение? — первым делом поинтересовался он.

— Велика Россия, а отступить некуда — позади Рим, — под хохот баскетболистов, ответил Богдан Крутов.

— Хорошо, что у вас такой боевой настрой, — улыбнулся мэтр комментаторского ремесла, — столько телеграмм пришло из всех уголков Советского Союза в поддержку команды.

— Николай Николаевич, нам бы сейчас с мужиками тет-а-тет пошептаться, — обломал замысел с зачиткой телеграмм, то же самый Крутов, — а телеграммы мы после игры почитаем.

— Ну, хорошо, успехов вам ребята, — пожелал Озеров.

* * *

В субботу 10 сентября, в предпоследний день Олимпиады накачка баскетболистов началась задолго до вечерней игры. Сначала, Шлёпов, учил нас Родину любить. Затем, Николай Романов, руководитель министерства спорта, рассказывал, с какой надеждой на нас смотрит весь советский народ. Потом подключился Суренович, что нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим. Намекал на звания и премии. А перед самой игрой зашёл Николай Николаевич Озеров, который решил почитать телеграммы болельщиков нашей необъятной Родины.

— Ты почему так с Озеровом говорил не учтиво? — удивился капитан команды Валдис Муйжниекс, когда комментатор вышел из раздевалки.

— Потому что если бы Николай Николаевич зачитал все телеграммы, мы бы на игру не вышли, — ответил я, — мужики, давайте поступим так, всё что вам сегодня долдонили про

премии, ожидания, ответственность, сейчас и здесь разом забыли. От нас сегодня требуется показать лишь то, что мы наиграли на тренировках. Потенциал нашей команды выше, чем у американских студентов. Выходим сейчас, с первой секунды показываем кто в доме хозяин, тогда во втором тайме поиграем в своё удовольствие. Просто повеселим публику.

— Правильно! — встал Корней, — выходим сейчас и херачим от ножа. Чтоб они навсегда запомнили, как с регламентом мухлевать!

— У нас в Тбылыси, за такое по лицу бьют! — высказался Гурам.

— В Латвии тоже жуликов не любят, — согласился Муйжниекс, смешно растягивая окончания слов.

— Сосиски, сардельки, редиски, нехорошие люди! — ляпнул я.

— Почему редиски? — удивился Корней.

— Потому что редиска с двойным дном, снаружи красная, а внутри белая, — пояснил я свою точку зрения, — сделаем сегодня штаты, да!?! — крикнул я.

— Да-а-а, — вяло поддержала меня команда.

— Не слышу, да!?! — заорал я.

— Да-а-а! — как стадо диких бизонов взвыла вся сборная СССР.

Вот с таким настроем можно и на паркет, подумал я.

* * *

В Москве, на окраине Измайлова, в небольшом частном доме трещал самопальный дряхленький радиоприемник, и каждые пять минут нехорошим словом поминали Саньку Земаковича. Сам же Санька «набрал в рот воды» и скромно сидел в самом углу комнаты, наглаживая черного кота Василия.

— Только ты меня в этом доме понимаешь, — бухтел тихо себе под нос Земакович.

— Это где же надо было умудриться купить такую рухлядь? — возмущался Вадыка Бураков, — в чемодане денег не считанное количество, а мы вынуждены слушать одни радиопомехи.

Тоня с Наташей приготовили целый котелок варёной картошки, который сейчас дымил на столе. Из мансарды в комнату спустился бывший фронтовик Прохор. Наташа увидела в его руках очередную чекушку. Да, подумала она, что ему не говори, как не разьясней пользу здорового трезвого образа жизни, бесполезно. Раз в неделю он всё равно хоть сто грамм, но обязательно на грудь примет.

— Наташа, — окликнула её подруга, — помоги мне селедочку разделать, а я пока лук порежу.

Кот Васька, унюхав кошачий деликатес, с громким мяу, что означало без меня попрошу не начинать, спрыгнул с колен Саньки, и пулей бросился на кухню.

— Предатель, — пробубнил Зёма.

— Блин! — выругался Толик Маэстро, который нервно ходил взад и вперед, и чуть не наступил на усатого проныру, — я тебе, Зёма, давно хотел сказать, как был ты в детском доме скрягой, так им и остался. Признавайся, сколько на радиоприёмнике сэкономил?

— Да что вам сдался этот приёмник? — не выдержал массовой травли Санька, — во-первых деньги любят счёт, а во-вторых сейчас уже у людей телевизоры в домах стоят. С такой хорошенькой линзой для дистиллированной воды, КВН называются. А злишься ты на

меня, Толик, потому что Верка твоя в Ленинград от тебя сбежала. Не выдержала твоего склочного характера.

Маэстро сжал кулаки, и хотел было кинуться и поколотить друга детства, но тут кто-то звякнул в дверной звонок, который ребята прикрепили на воротах калитки.

— Это кого в двенадцать часов ночи сюда принесло? — встрепенулся Прохор, — Вадим, — обратился он к Буракову, — иди, открывай, а я двустволку возьму. Сейчас время не спокойное. Так оно надёжней будет.

Оказалось, что в полночь на окраину Измайлово приехал Володя Высоцкий с гитарой наперевес, который почему-то был уверен, что Богдан уже вернулся с Олимпиады в Риме.

— Так это, сыграли же уже с американцами, — удивлялся поэт, косясь на чекушку водки, что ждала своего звёздного часа на столе, — зачем же ещё раз с ними играть?

— Ясное дело, — высказался Санька, как самый политически подкованный, — президент Эйзенхауэр спит и видит, как нам в очередной раз насолить! Вот собака такая и насолил!

Вадька разлил по кружкам квас, девчонки, Тоня и Наташа, принесли из кухни селёдочку с лучком. Кот Василий, тоже счёл не правомерным отрываться в такой тревожный час от коллектива, и перенёс свою недоеденную рыбу к ребятам под стол. Радиоприёмник внезапно как следует протрещался и заговорил голосом Николая Озерова.

— Говорит и показывает столица семнадцатых Олимпийских игр город Рим. Сегодня будет разыгран предпоследний комплект медалей, в баскетбольном турнире, который выдался на редкость непредсказуемым и захватывающим.

* * *

— Да я не оговорился, — сказал в микрофон Николай Озеров, — эти летние Олимпийские игры впервые в истории ведут свои трансляции на несколько стран Мира. На США, Канаду и Мексику. Самые интересные соревнования записываются на кассеты и самолётом доставляются в эти страны. И уже из студий кабельного телевидения сигнал передается на обычные телевизионные приёмники. Но вернёмся к составу стартовых пятёрок играющих сегодня команд. Сборная СССР, центровой — Александр Петров форварды — Зубков и Корнеев, защитники Богдан Крутов и капитан команды Валдис Муйжниекс.

* * *

Буквально перед стартовым спорным броском тренерский штаб наконец-то решился, кого выпустить в первые минуты матча. Суренович настаивал на игре с центровым Петровым, а Алексеев хотел, чтобы вместо Александра вышел Гена Вольнов. Ещё золото не разыграли, а уже каждый думает о своей выгоде. Понятное дело второму тренеру Алексееву, который сейчас в ЦСКА главный, выгодней наигрывать своих ребят, Вольнова и Зубкова. Плюс к этому, я несколько раз был свидетелем, как Николаич сватает в свой армейский клуб и Корнея. Связка, конечно, может получиться мощнейшая, Вольнов, Зубков и Корнеев. Ну а про меня Алексеев вообще почему-то решил, что я уже одной ногой в его ЦСКА. Видать,

кто-то из Москвы ему уже что-то наобещал. Без меня, меня женили.

Звёздно-полосатые своей стартовой пятёркой почти не удивили. Ожидаемо вышел центровой — Джерри Лукас. Форварды — Терри Дишингер и афроамериканский баскетболист Оскар Робертсон. Защитники — Джерри Уэст и Адриан Смит, по прозвищу Оди. Вот последнего атакующего защитника, ростом сто восемьдесят пять сантиметров выпустили, как раз под меня. Чтобы Уэст больше думал о нападении, а не за мной по пятам бегал.

Судья в поле швейцарец Вебер подозвал команды к центру площадки. Петров и Лукас встали в центральном круге, а я и остальные игроки по принципу свой, в белой майке и красных трусах, и чужой, в синей майке и синих трусах, расставились по окружности. И вот швейцарский рефери одной рукой, отправив баскетбольный снаряд в свободный полёт, дал начало новой главе в истории баскетбола. Весь зал разом сначала затих, а потом резко взревел. Пятнадцать тысяч плоток обрушились на мои уши. Петров, используя преимущество в росте над Лукасом, очень сильно скинул мяч на нашу половину поля. Я как самый невысокий, но самый реактивный на площадке ускорился и завладел ничейным мячом.

Американцы бодро откатились к своему кольцу. Кроме Оди, который остался караулить меня в центре площадки. Муйжниекс не глядя потрусил в левый угол, Зубков и Петров тоже побрели в зону атаки, а Корней решил помочь мне заслоном. Я кивнул ему головой, давая понять, что нечего заниматься дурью, дуй в расстановку и понёсся, как электричка в атаку. Своего оппонента Оди, я даже не успел заметить, он, как деревня Гадюкино, лишь мгновение мелькнул за окном. Так как меня благородно решили не встречать, я с восьми метров спокойно положил первую бомбу в корзину звёздно-полосатых.

— Каждый с каждым! — заорал я, — встаём в прессинг.

Два раза повторять, когда от адреналина кипит кровь, мне не пришлось. Мы плотно сажали растерянных американских студентов. Робертсон из-за лицевой на исходе пятой секунды отпасовал на Уэста, которому активно мешал Корнеев. Я, бросив Оди одного, сделал небольшой слаломный проход между своими и чужими игроками, и, выскочив, как прыщ на носу перед самым важным свиданием, выхватил мяч из рук опешившего американца. Зубков первым сообразив, что ему самое время нужно рвануться под кольцо, получил от меня быстрый разрезающий пас, и забил ещё два лёгких очка, 4:0.

— Отошли, отошли, — бросил я своим товарищам, — играем гибрид. Петя и Зуб из нашей краски ни шагу!

До сих пор реактивные студенты американских университетов медленно поплелись в атаку.

— Почему ещё раз не зажали синих? — спросил Корней.

— Потому что не с Пуэрто-Рико играем, зачем рисковать? — ответил я, и пошёл встречать Адриана Смита, по прозвищу Оди.

Адриан, только завидев меня перед собой, тут же отдал на Уэста, который скинул в край на Робертсона. Афроамериканца плотно закрыл Корней, поэтому он вернул мяч обратно Уэсту. А вот Муйжниекс прозевал рывок американца, который вышел на ударную позицию, и шамальнул с пяти метров. Мяч брякнулся о переднюю дужку кольца и вылетел в поле. Петров был первым на подборе. Я рванулся в прорыв, но Саша замешкался, и студенты в синей форме вовремя вернулись в защиту. Не всё, как говорится, коту Масленица. Валдис сам перевёл мяч в нападение, и, отдав на Корнеева, ушёл в левый угол.

— Зуб, заслон! — закричал Юра и тут же за счёт Зубкова оставил за спиной,

опекающего его Робертсона.

Но под самым кольцом Корней упёрся в лес рук Лукаса, Дишингера и Смита, зато я в правом углу в одиночестве даже успел немного задремать. Скидка на меня, и я вновь на все сто использовал открытый бросок, 6:0.

Трибуны дружно заулюлюкали и засвистели.

* * *

Лишь первые секунды нервно ёрзал на стуле Том Мешери, которому с подачи руководства НБА посчастливилось увидеть интереснейший матч живьём. Когда первый мандраж прошёл, Том просто растворился в игре. Он с высоты десятого ряда читал битву между СССР и США, словно шахматную партию. Начало — полный разгром синих, 16:4. Игроки в белых майках и красных трусах играли хитрее пронырливых лис. То зажимали синих в защите, то, как пружина, резко распрямляясь, контратаковали. Двдцатка же палил, как безжалостный убийца в фильмах про самих метких ковбоев. Затем с паркета убрали игрока номер двадцать, дали отдохнуть Крутову, и игра моментом выровнялась, 20:12. Тренер коммунистов красный, как помидор, что-то яростно заорал и тут же выпустил своего джокера. И вновь счёт на табло медленно пополз в сторону Советов, 26:14.

* * *

— Свидетелями, какого баскетбольного спектакля мы сегодня с вами стали, — перекрикивая толпу, надрывался в микрофон Николай Озеров, — вы просто не представляете товарищи! До конца первого тайма пять минут и при счёте 26:14, тайм-аут взял тренер американцев Пит Ньюэлл. Интересно, что придумает американский наставник. Как он собирается нейтрализовать нашего двадцатого номера, Богдана Крутова. Кстати, пользуясь небольшой паузой, хочу сказать, что Богдан передаёт приветы своим друзьям и знакомым в Москве, а так же своей любимой девушке, Наташе.

* * *

— А-а-а! — заорал как человек, который наступил на гвоздь Санька, когда услышал из радиоприёмника привет от Богданчика.

— Что-то я нервничаю, — заёрзал на табуретке Высоцкий, — вроде ведём в счёте, а предчувствия нехорошие не покидают.

— Тогда для успокоения нервов по пятнадцать грамм, самое время, — крикнул Прохор и откупорил чекушку водки.

Наташа посмотрела, как в рюмашки наливается белая прозрачная жидкость, и тоже было подумала выпить для успокоения нервной системы. Но как только представила, что эта горькая неприятная на вкус гадость попадёт в рот, её просто передернуло. Нет уж, я как-нибудь сама справлюсь с трясущимися от волнения пальцами.

— Мы тоже тайм-аут сделаем, — пробурчал Вадька и, взяв за руку Тоню, вывел её из

избы.

— Целоваться пошли, — хмыкнул Санька Земакович.

— Завидуешь? — посмотрел на него хмуро Маэстро.

— Констатирую факт, — Зёма придвинулся поближе к радиоприёмнику.

Прохор с Высоцким чокнулись по маленькой и закусили горькую гадость селедочкой.

* * *

От воплей переполненного Палаццетто голоса главного тренера слышно с моего места, где я чуть-чуть расслабился, почти не было.

— Богданыч, ты уже передохнул? — Суренович внезапно обратился ко мне.

— Нужно ещё немного подавить американцев! — добавил второй тренер Алексеев, — давай Богданыч, уже скоро перерыв.

Куда силы беречь, подумал я, последняя игра турнира. И я встал со скамейки запасных. Так получилось, что на последние пять минут вышла вся стартовая пятёрка сборной.

— Мужики, — обратился я к товарищам по команде, когда мы выходили на паркет, — руки подзабылись, сейчас с дистанции могу не попасть, есть одна идея. Разыграем аллей-уп с пасом от щита.

— Не понял? — удивился Корней, а так же ко мне наклонились Петров и Зубков.

— Всё то же самое, — махнул я рукой, — я прохожу под кольцо, выманиваю на себя соперника, но пас отдаю ударом об щит. Ведь угол падения равен углу отражения.

— Нежданчик сейчас самое то, — поддержал меня латыш Муйжниекс.

— Расставились в защите, расставились! — заорал с бровки Суренович.

Я выдвинулся и прихватил Джерри Уэста. Ведь из двенадцати несчастных очков он нам забил восемь. Вот что значит не дали звёздно-полосатым разбежаться. А уж как после первых побед на Олимпийском турнире американских студентов превозносила мировая пресса, что эту машину не остановить. Как же! У нас в Советском Союзе на любой БЕЛАЭ канавы найдутся. Уэст скинул мяч на Дишингера, который отдал на Робертсона. Афроамериканский игрок, лихо обманув Корнея, пошёл в проход. Сейчас выманит на себя Зубкова с Петровым и скинет под щит Лукасу, понял я и, бросив своего игрока, помчался параллельным курсом.

— Куда? — успел только крикнуть мне Валдис Муйжниекс.

Я мячик вот он мой хороший, в моих загребущих руках. Пас на латыша, рывок на другую половину. Ну, давай родной не тормози, мысленно обругал я Валдиса. Хороший у нас капитан, сообразительный. Мяч тут же полетел мне в спину. Ну, на это мне, честно говоря, начхать, главное чтобы бросили в мою сторону, а я его всё равно выловлю. Два шага, небольшая подкидка, и на табло USSR — USA уже 28:14.

— Зажали! Зажали! Зажали! — заорал я своим товарищам, — нужно ещё синих дожать.

Уэст попытался длинной передачей быстро разрушить наш, вновь возникши из ничего, удушающий прессинг. Но мяч перехватил Зубков. Пас на Корнея. Я не дожидаясь передачи, забрал уже баскетбольный снаряд из рук Юры.

— Играем уллей-уп, — бросил я на ходу.

Петров мне поставил заслон, я ушёл от Оди, показал, что сейчас отдам в угол Муйжниексу, обманув Робертсона, выманил на себя Лукаса и Уэста и бабах мячом в щит. И

Корнееву осталось лишь в одном прыжке переправить его в корзину, 30:14. Запахло тотальным разгромом. Пит Ньюэлл выкрикнул несколько раз нецензурное английское слово и брякнулся на скамейку запасных. А через минуту довольный, как кот, дорвавшейся до сметаны, меня посадил на лавку Суренович.

* * *

— 32:18, с таким счётом команды уходят на перерыв, — с облегчением выдохнул Озеров, — кстати, сегодня в этом же зале, в «Палаццетто делло Спорт» прошёл финал и соревнований среди тяжелоатлетов. Олимпийским чемпионом в весе свыше девяноста килограммов стал наш знаменосец выдающийся спортсмен современности Юрий Власов, который обыграл американцев Джеймса Брэдфорда и Норберта Шемански. Надеюсь, что и баскетболисты поддержат хорошую традицию оставлять атлетов из США позади себя.

В перерыве по трибунам римского дворца спорта продавцы, с подвешенными на плечи ящиками, понесли пиво, закуски и прохладительные напитки. Том Мешери тоже взял себе бутылочку. Всё, второй тайм, если ничего не произойдет превратиться лишь в простую формальность, подумал он. Эта двадцатка русских, как демон на площадке, возможно, он стоит и двух миллионов долларов. Что я теперь скажу в штатах? Мистер Крутов — фанатик и псих предлагает провести матчевую встречу звёзды НБА и сборная СССР? Да меня на смею поднимут. С другой стороны это же гарантированные аншлаги на трибунах, реклама, продажа сувениров. Скажу им всё как есть, дальше пусть сами решают.

* * *

Не доходя до раздевалки, Юра Корнеев завернул в то кафельное помещение, в котором в недалёком будущем клипмейкеры будут «стряпать» свои видеопедевры. Но сейчас «непродвинутые» спортсмены об этом не догадываясь, использовали его по своему прямому назначению. Юра пристроился к одному из писсуаров, и только-только намеревался расслабиться, как рядом, по соседству, встал центральной Александр Петров.

— Корней, мы же с тобой всю дорогу в «Динамо» друганы, — начал под журчание желтого ручейка Петров, — прости, что я тогда с тобой не вышел, не заступился за Богданыча. Побоялся. До сих пор от этого противно.

— Я сам боялся, — признался Корней, — да и простил я тебя давно. Мир, Петя?

— Мир, — согласился Петров.

* * *

— О! Какие заботливые организаторы, — обрадовался, войдя в раздевалку Гурам Минашвили, — два ящика холодненькой минеральной воды! Пуст приезжают в Тбилиси, я им накрою такой стол!

— Много не пейте мальчики, — попросил игроков Суренович, сам откупорив себе бутылочку живительной влаги.

Я взял тоже водички из ящика и упал в самый дальний угол, чтоб немного остыть и собраться с мыслями на решающий период. И тут я вдруг случайно сдвинул пластиковую бутылку в руке, и из пробки брызнула тоненькая струя, как из брызгалки. Перед глазами в момент всплыла неприятная история из 1995 года, матч ЦСКА — «Олимпиакос» в Афинах.

— Всем стоять! — заорал я, как не нормальный, — воду не пить!

— Ты что дорогой? — удивился Гурам, — пэрэгрелся?

— Вода отравлена! — я показал, как из пробки вылетает маленькая струйка, — кто-то шприцом в воду что-то добавил.

— Да не может быть, — Валдис Муйжниекс понюхал горлышко своей бутылки, — все выпили, всё нормально.

Первый грохнулся на пол спортивный врач Олег Маркович Белаковский.

— Все суйте два пальца в рот! — заверещал я.

Однако игроки один за другим стали терять сознание. Лишь богатырь Янис Круминьш, встав на четвереньки, пытался выдавить из себя яд. Вдруг в раздевалку зашли, где-то на счастье застрявшие, Петров и Корнеев.

— Стоять здесь! Воду не пить, она отравлена! Я за врачом, помогите пока ребятам! — выдал я скороговоркой и помчался в игровой зал.

Слава Богу в зале дежурила бригада итальянской скорой помощи. Лишь увидев, мои дикие глаза они сообразили, что случилось несчастье. И пока врач осматривал игроков сборной, его помощница убежала вызванивать дополнительные наряды эскулапов. Через пятнадцать минут в помещении остались ты, да я, да мы с тобой. А именно два московских динамовца Корнеев, Петров и я, человек без клуба.

В раздевалку зашёл взволнованный швейцарский арбитр Вебер с переводчиком.

— Ребята, я очень сожалею, но если вы сейчас не выйдете на поле вам засчитают техническое поражение, — сказал Вебер, это я понял и без переводчика, благодаря не понятно, откуда проснувшейся интуиции на языки.

После того как переводчик перевёл сказанное всем. Я еле сдержал Корнея, чтобы тот не порвал швейцарца на куски.

— Нас же специально отравили, — постарался я взять себя в руки.

— Охрана говорит, что воду принесли парни с большими буквами СССР на груди, — Вебер опасно покосился на взрывного Корнеева.

— Это же бя... подстава! Разве этого бя... не понятно? Суки ё...! — Юра высказал еще много чего интересного, что переводчик передать судьбе был просто не в состоянии.

— Ваше право парни, — пожал плечами швейцарец, — сейчас получите техническое поражение, золотые медали повесят американцам. Дальше можете подавать в суд.

— Не переводи это, — бросил я толмачу, — всё ясно! Петя, Корней, — обратился я к своим друзьям, — у нас с вами два выхода выйти сейчас и доиграть втроём. Вырвать золото. Либо наши чиновники будут доказывать долгие месяцы через суд, что мы не верблюды.

— Х... они что докажут! — Корнеев плюхнулся на лавку.

— Мы же ведём четырнадцать очков, 32:18, неужели мы двадцать минут не выстоим? — поднял кулаки Петров.

— У вас есть ещё минута, — сказал швейцарский арбитр Вебер и они с переводчиком покинули раздевалку.

* * *

— Внимание, внимание, мы продолжаем прямой радиорепортаж с семнадцатых Олимпийских игр, — до Николая Озерова долетели некие неприятные слухи, но он не придавал им большого значения, — сейчас состоится второй тайм финального баскетбольного матча. Между сборными СССР и США. Итак, на паркете уже появились игроки в синей форме. Что-то задерживаются в раздевалке наши спортсмены. Хотя нет, постойте, на площадку вышел центровой Петров, форвард Корнеев и разыгрывающий защитник Богдан Крутов. Где же остальная команда? Вот уже швейцарский рефери Вебер готов дать свисток к началу игры. Что же случилось, товарищи, в перерыве матча?

Тут Озерову передали записку от судейского столика. Когда он прочитал её

содержимое, Николаю показалось что земля сейчас уйдет из-под ног, и сильно закололо в сердце.

— Сейчас срочно только что сообщили, что вся сборная страны и тренерский штаб доставлены в местную клинику с подозрением на отравление, — Озеров сжал от злости кулаки, — а между тем Вебер подбросил стартовый баскетбольный мяч. Нет! Такой баскетбол нам не нужен!

* * *

Саша Петров здорово выпрыгнул и вновь выиграл стартовый спорный, откинув мяч в мою сторону. Я завладел баскетбольным снарядом и вместо того чтобы полететь в атаку обыгрывая всех кто окажется на пути повёл мяч в противоположную сторону, к своему кольцу. Правило зоны пока не придумали, время на атакующие действия не ограничены. Поиграем в поймай меня, если сможешь. Я накрутил Уэста, который сделал попытку номер раз, затем перевёл мяч за спиной и ушёл от Оди, и когда ко мне приблизился Робертсон, я отпасовал на Петрова, который убежал на половину поля американцев. А Саша, недолго думая, бросил мяч уже на нашу половину, где им завладел Корней. Я рванулся на открытое место, и Юра скинул мяч мне. Еще один слаломный дриблинг под кольцо сборной США и вот уже тридцать секунд, как корова языком слезала. И под конец этой беготни игроки в синей форме так запутались, что забыли Петрова под собственным кольцом. А зря 34:18.

— Вроде пока нормуль, — выдохнул Корней, когда мы поставили зону в защите.

Я просто кивнул, зачем друга расстраивать, и рассказывать, что через пять минут на такой жаре мы еле-еле ползать начнём по паркету. Вот тогда нас и возьмут тёпленькими, никакие плюс шестнадцать форы не помогут. Пит Ньюэлл наставник американцев это быстро просёк.

— Мальчики атакуем в быстром нападении, не давайте русским дышать, темп, темп, кто устал, заменитесь! — орал он с бровки.

В первой же атаке Уэст на десятой секунде владения сделал счет 34:20. Корней выскочил за лицевую, чтобы разыграть мяч, а студенты из соединённых штатов плотнее плотно зажали нас в нашей зоне.

— Петя вышли вместе на центр площадки! — скомандовал я, перекрикивая свит трибун, — и как только за нами потянулись американцы, я резко ускорился, вернулся назад под свой щит и получил мяч от Юры. И опять я сделал пару кругов по прекрасному римскому паркету, обыгрался с партнёрами и ещё сделал кружок. Когда стрелка отсчитала тридцать секунд, я отбросил мяч Корнею, Корней Пете, а Петя положил два очка из-под щита, 36:20.

* * *

— У эС эС эР! У эС эС эР! — стали разом скандировать трибуны, когда поняли, что трое сумасшедших русских просто издеваются над непобедимыми американцами. Гоняют мяч каждую атаку по тридцать сорок секунд.

— У эС эС эР! — заорал и Том Мешери, поддавшись общему настрою.

А я ведь тоже русский, какого чёрта, я ведь Томислав Мещеряков!

— Давай мужики! — заревел сын белоэмигрантов, — держись!

* * *

— Как отчаянно бьются наши ребята, — у Николая Озерова подкатил комок к горлу, — к сожалению, разница в счете неумолимо тает! Ещё играть почти полтайма, а на табло всего лишь 40:32 в нашу пользу. Только бы хватило сил.

* * *

— Богданушка потерпи! — орала прямо в радиоприёмник громче всех в комнате Наташа, — десять минут осталось, потерпи миленький!

— Терпите мужики! — ревел Прохор, — на фронте и не такое терпели!

— Держитесь парни! — хрипел Высоцкий вместе с Вадькой и Толиком.

* * *

— Всё в жопу! — крикнул я, когда мы забросили сороковое очко, — тайм-аут!

— Тайм-аут! — накинулся на главного судью, который в принципе был ни в чём не виноват, Корней.

Мы, как пьяные еле доплелись до своей скамейки запасных и повалились прямо на паркет. У меня в груди сердце ухало, как молот в кузнечном цехе, а по вискам била барабанная дробь.

— Сколько осталось тайм-аутов, — просипел Петров.

— Три, — Корней на удивление держался еще молодцом.

— Вот сейчас отдайте мяч мне, — центральной московского динамо встал, — сейчас буду играть я!

— Ты, Петя, совсем уже ебанько? — Юра посмотрел в мутные глаза своего одноклубника.

— А я сказал, что сейчас буду играть я! — Петров схватил Корнея за грудки и начал, что есть силы трясти его, как в пьяной бессмысленной соре.

— Прекратите бл...ь! — крикнул я.

Оба динамовца уставились на меня. Петя точно поехал, согласился я с Юрой, видя его помутневший взгляд.

— Вот чего я не люблю, так это актёра Сашу Петрова, который изображает из себя спортсмена..., - не смог договорить я, потому, что Петров опять заладил свое, что отдайте мне мяч и всё.

Главный судья Вебер дунул в свисток и пригласил команды продолжить финальное рубилово под названием, трое против всех, или все против троих.

— Сейчас дашь мне, — я шепнул Корнею, — я отпасую Пете, глядишь он и успокоится.

Мы встали в защиту, в треугольник, Корнеев и Петров по краям я чуть выдвинулся к линии штрафных бросков. Игроки же в синей форме беспрепятственно, как на параде,

пересекли середину поля и сделали пару передач друг другу. И видя, что никто из нас уже не можем встретить игрока с мячом в поле, и что мы уже просто караулим отскок, разом заулыбались. А Джерри Уэст легко и хладнокровно забросил нам со средней дистанции два очка, 40:34. Американцы тут же встали в прессинг. Корней из-за лицевой линии бросил мне на свободное место, я из последних сил ускорился и завладел мячом. Петров с лицом полного отрешения от действительности понёсся в атаку.

— Давай дорогой, покажи цыганочку с выходом! Держи! — и я дал ему точно в руки мяч на ход.

И наш скромняга, и молчун, как бешеный бык повел баскетбольный снаряд, ударяя его в пол, на противоположную половину поля. То, что произошло дальше, лично я никак не мог от него ожидать. Петров высоко выпрыгнул и вонзил баскетбольное ядро в корзину прямо сверху, затем на пару секунд повис на дужках кольца и грохнулся на пол. Вся конструкция, к которой крепился щит, затряслась, завибрировала, и медленно повалилась вниз. Саша лишь в последний момент откатился в сторону.

— Ба-бах! — стеклянный баскетбольный щит разлетелся на сотни маленьких кусочков.

Охотники за сувенирами толпой ринулись на площадку собирать стекляшки. Гениально подумал я, и лег там же, где и стоял прямо на паркет. Двадцать минут минимум у меня есть, выдохнул я.

* * *

— Какой захватывающий баскетбольный спектакль! — не выдержал своих эмоций Озеров, — какой спектакль! Дорогие товарищи, это надо видеть. Центральной сборной СССР и московского «Динамо» вколотил мяч в корзину с такой силой, что баскетбольный щит не выдержал и разлетелся вдребезги! Сейчас организаторы, — уже более спокойным голосом продолжил комментатор, — приведут баскетбольную площадку в порядок, заменят щит, а я пока расскажу как...

* * *

— Да! — разом заголосили Санька, Толик, Вадька и девчонки, Наташа и Тоня.

— Съели гады! — заорал в избушке ветеран войны Прохор.

Высоцкий схватился за гитару, и со всей силы ударил по струнам.

— Идёт охота на волков, Идёт охота, — зарычал бард, свой новый шедевр, — На серых хищников

Матёрых и щенков! Кричат загонщики, и лают псы до рвоты, Кровь на снегу — и пятна красные флажков.

Владимир Семенович выбил финальный аккорд, и первая струна, не выдержав темперамента, лопнула с мерзким звуком — дзинь.

В комнате повисла тишина.

— Как сильно сказано, — пророкотал Прохор.

После того, как закрепили новый щит с кольцом, наступил в игре самый настоящий перелом. Да, эти два очка, которые вколотил Петя, не засчитали, наоборот, нам выписали технический фол за неспортивное поведение и дали пробить игрокам в синих майках два штрафных броска. Но у меня открылось второе дыхание, и я носился как угорелый, дриблинговал, пасовал и забивал. Разница в счёте, конечно, сокращалась, но так медленно, что я видел отчаяние в глазах американских студентов. Зал просто не переставая скандировал: «У эС эС эР»! Лишь мои партнёры уже еле передвигали ноги.

— Мужики! — твердил я им одно и то же, — у нас есть ещё тайм-аут, и осталось всего двадцать секунд. Нужно ещё немного потерпеть!

Парни неопределённо что-то промычали в ответ. Я посмотрел на табло USSR — USA 49:48. Эти двадцать секунд хрен кто меня поймают.

— Нужно ещё потерпеть, — пробубнил я скорее себе и пошёл на паркет.

Корней из-за лицевой, как и весь второй тайм выбросил мяч на свободное место, где я был быстрее всех и полетел наматывать по площадке круги.

— Товарищи! — не переставая эмоционировать, в микрофон кричал Озеров, — это победа товарищи! Осталось всего десять секунд! Девять! Восемь!

То, что случилось дальше, мой мозг даже не успел зафиксировать, ступня сама собой «улетела» в сторону, и я беспомощно растянулся прямо на животе. Мяч подхватил американец Робертсон и ринулся на наше кольцо. Он сделал два шага и попал под «шлагбаум», который ему выставил Юра Корнеев. Судья Вебер тут же свистнул два штрафных броска. Я пригляделся к паркету и заметил маленькое стёклышко от разбившегося щита, которое прошили уборщики и охотники за сувенирами. Я медленно и угрюмо поплёлся смотреть, как уплывает наша выстрадавшая виктория.

Афроамериканец Оскар сияя своей белозубой улыбкой, положил сначала один мяч, в нашу корзину, а затем и второй, 49:50!

— Тайм-аут! — заорал я.

Американцы же высыпали на паркет и стали радостно отплясывать и поздравлять друг друга с победой. Трибуны непривычно затихли, кроме болельщиков звёздно-полосатых, которые дудели в дудки и орали такое милое сердцу слово — победа!

— Богданыч, — Корней приобнял меня, — по херу на них. Мы сделали всё, что могли.

— Я такую игру никогда не забуду, — прогудел Петров, — классно бились, мужики. Сильно.

— Пока финальная сирена не прозвучала, надежда есть! — крикнул я, — собрались б... ть! Юра выбросишь мяч сразу на кольцо американцев. Саша и я, мы встаём в центральном

круге. Я делаю рывок, вылавливаю мяч и кладу его прямо в яблочко. За три секунды иногда решается целая жизнь! Сделаем это, да?!

— Да-а-а!!! — взревели мы разом, но наш крик потонул в море американского веселья.

* * *

— Три секунды до конца матча, 49:50, - Николаю Озерову, как никогда захотелось опрокинуть рюмку горькой русской водки, — какое досадное падение. Но ничего не попишешь, есть еще время для одного точного броска в цель. Обязательно нужно верить!

* * *

Швейцарский судья Вебер с большим трудом усадил празднующих победу американцев и передал мяч за лицевую линию Юре Корнееву.

— Не дайте двадцатке бросить по кольцу! — с бровки выкрикнул Пит Ньюэлл, — возьмите его как следует втроём!

Меня тут же плотно зажали, Уэст, Оди и Дишингер. Сашу Петрова караулил центральной Лукас. А Робертсон, который забил два решающих штрафных, мешал сделать нацеленную передачу из-за лицевой Корнееву. Юра отступил на два шага назад, рванулся и как метатель диска, запулил мяч через всю площадку. За пару мгновений до этого я, словно мышка выскользнул из американской коробочки и понёсся вылавливать длиннющий пас партнёра. Прыжок и вот он я, красивый, и мяч у меня в руках, и лечу я белым лебедем прямёхонько за плоскость стеклянного щита. Ещё мгновение и моя голова воткнется в зрительские кресла, из которых разбегаются люди.

— Простите мужики, — успел прошептать я и выбросил, как невеста свадебный букет, баскетбольный мяч наудачу себе за спину.

Удар по моей пострадавшей за последнее время голове, и в глазах разом потемнело. И что я увидел, как креветка, лежащая на разломанных стульях, когда зрение прояснилось?

* * *

— Бросок! — Озеров вскочил со своего комментаторского кресла, — и сборная Советского Союза забивает мяч! Победа! Товарищи, это победа!

* * *

Весь зал, весь «Палаццетто делло Спорт» просто взревел вмиг обезумев! Неужели попал? 51:50, как в финале Олимпиады в Мюнхене в 1972 году, пронеслось в голове. Американские баскетболисты похватались за головы, а кое-кто обессиленно рухнул на паркет. Юра Корнеев, с сумасшедшими глазами пробегая мимо скамейки запасных звёздно-полосатых заорал.

— Ху... вам! — и бросился ко мне.

А это Вадик Евсеев, 2003 год футбольный матч Уэльс — Россия, автоматически оценил хулиганскую выходку мой медленно приходящий в себя мозг.

— Ху... вам! — проорал Саша Петров пробегая тем же маршрутом.

А это уже плагиат, усмехнулся я. Корней и Петя подбежали ко мне и, схватив за ноги, потащили по грязному римскому баскетбольному паркету.

— А-а-а! — орали они.

— А-а-а! — орал и я.

Вдруг меня кто-то приподнял за подмышки и тоже заорал что-то нечленораздельное прямо в ухо. А когда меня принесли в центральный круг, и наконец, поставили на ноги, я увидел, что вместе с нами скачет сын белоэмигрантов из Америки Томислав Мещеряков.

— Россия, я тебя люблю! — закричал он.

* * *

На окраине Измайлово, в комнате, где отрещал на последнем издыхании самопальный радиоприемник рыдала белугой Наташа.

— Мы же победили, ты чего реवेशь? — удивился её брат, Толик Маэстро.

— Хочу и реву, — сквозь слёзы бросила она.

— Загадочная женская душа, — ляпнул первое, что пришло в голову Санька Земакович.

В последний день Олимпиады осталось разыграть медаль по конному спорту, и наконец-то домой в Москву. Из спортсменов на церемонию закрытия Игр пригласили лишь по одному знаменосцу из каждой сборной. Поэтому Олимпийская деревня превратилась временно в большое пьяное королевство. Кто-то отмечал победу, кто-то пил с горя, а кто-то просто за компанию. И как прекрасно начинался этот день, и что же мне со всем этим счастьем делать сейчас?

— Петя! — заорал я, — Петров, мать твою, отвяжись от японцев! Оставь их в покое! У них не переносимость к алкоголю, зачем ты им ещё наливаешь?

Саша, ведя за собой, за руку двух пьяных представителей японской делегации, посмотрел на меня осоловелыми глазами, и вроде бы даже узнал. Прогресс, однако.

— Это голодные казахские дети, — пробубнил Петров, — если я не могу их накормить, значит, я их напою.

— Это, едрён батон, не дети! — я оглянулся по сторонам, ища глазами, куда подевался Корней, — это японские мужики. У них просто конституция тела такая.

— Вот! — Петров важно поднял один указательный палец вверх, — В конституции прямо так и записано, каждый человек имеет право на пожрать.

Потом Петя посмотрел на японцев, махнул рукой, и сел на свою пятую точку, прямо на газон Олимпийского бульвара. Я воспользовался минутной расслабленностью друга, отвёл невменяемых японцев подальше и усадил их на скамейку. Ничего, подумал я, через час сами оклемаются, и домой доберутся. В крайнем случае, их свои же и подберут.

— Мещеряков! — опять заорал я, — морда белоэмигрантская! Прежде чем ползать тут на четвереньках, сними майку с символикой СССР. Нечего мне тут Советский союз позорить!

Я подбежал к Томиславу, приподнял его за подмышки и медленно подтащил к Петрову. Благо он сам помогал мне, перебирая непослушными ногами. Потом я усадил американца рядом с Петей, прислонив их боками друг к другу. Осталось отыскать Корнея, и всю эту компанию перебазировать в наш, полностью пустой корпус.

Ещё рано утром вывезли всех спортсменов в Москву, и даже наших товарищей, пришедших в себя в больнице, решили долечивать дома в СССР. Остался знаменосец Юра Власов, и несколько чиновников. Лишь по нашей троице решение все никак не могли принять, куда нас девать? Ведь золотых олимпийских медалей нам так и не вручили. Сказали, что до полного разбирательства не положено. Корней же ещё ночью, что-то пробурчал и исчез в неизвестном направлении. Скорее всего, новую полку вешать пошёл, подумал я. А в семь утра ко мне в комнату ворвался Николай Романов, председатель комитета по физкультуре и спорту.

— Где, Корнеев? — бросил он с порога, и поставил на пол большую сумку.

— Как где? — очень натурально удивился я, — тренируется, у него сейчас утренняя пробежка.

Романов сел на застеленную кровать Юры, и о чём-то ненадолго задумался.

— В Союзе будут разбираться с этим отравлением, начнут искать виновных, — начал он, когда я уже натянул на себя спортивные штаны, — что говорить будем?

— Николай Николаевич, — я облачился в футболку с большими красными буквами

СССР, — тут даже и искать никого не надо. Ясное дело кто виноват. Это кандидата наук по штыковому бою Шлёпов совершил преступный недогляд. Вместо того чтобы кляузы на нас строчить, должен был лично проверить, что нам в раздевалку занесли, мерзавец.

— Это точно, — обрадовался Романов, — во-о-от, — протянул облегчённо он, — премиальные я вам заплатить не могу, до полного разбирательства. Поэтому оставляю для вас сорок маек с символикой СССР.

Николай передвинул сумку на середину комнаты. С паршивой овцы хоть шерсти клок, усмехнулся я про себя.

— Понял, — кивнул я головой на сумку, — будем проводить агитационную работу среди не сознательных спортсменов из капиталистических стран. А тому, кто осознает непоколебимость...

— Непокобелимость, — поправил меня Романов.

— Вот! Тому приз в студию, — я еле сдержался, чтобы не заржать, — футболка с надписью СССР.

Лишь к обеду наша золотая троица собралась вместе. И Корней, и Петя сидели с постными лицами, пережёвывая спагетти с рыбой.

— Не по-людски это, — бросил Петров.

— Если нет медалей, нужно хоть победу обмыть, — пробурчал Корнеев, — даже призовых не дали! Суки!

— Чтобы купить что-нибудь нужное, допустим вино, — я решил сжалиться над мужиками, — нужно сначала продать, что-нибудь ненужное.

— Например? — оживился Корней.

— А давай мы Петю, продадим! — заржал я.

— Да идите вы, — обиделся Петров.

— Короче есть сорок футболок, — я показал руками примерный их размер, — хорошие, белые, новенькие, мужским потом пока не воняют, на груди большими буквами написано слово «СССР».

— Так это же совсем другой коленкор! — загудел Корней, — что ж ты раньше то молчал?

— А вы меня раньше не спрашивали, — пробурчал, улыбаясь, я.

Как в студенческой общаге, подумал я, когда через полтора часа мы выставили прямо посреди Олимпийского бульвара четыре ящика молодого итальянского вина. Один ящик ушёл, не глядя, за десяток раритетных советских футболок. А тащить их на себе нам помог Томислав Мещеряков, который всё равно без дела болтался на территории олимпийцев. Сказал, что завтра утром улетает со всей остальной командой. Вот мы его и припахали.

Для разогрева, я сбацил на гитаре, которая осталось от боксёра Бори Никонорова, пару песен из репертуара «Синих гитар». В это время Петров и Корнеев отлавливали всех, кто попадался под руку, и направляли к нашему столу, точнее к нашим ящикам с вином. Первыми в их загребушие лопасти попались три французских пловчихи, Надин, Амели и Розы.

— Это же эти, сумасшедшие русские, — засмеялась Надин, чирикавая что-то по-своему.

Вот ведь, зараза, понимать все понимаю, а ответить не могу.

— Бонжур мадмуазель! — ляпнул я, — шерше ля фам, алягер ком алягер, же не манж па сис жур, пардон!

Остальных французских слов я вспомнить не смог.

— Вышьем за нашу победу! — заорал Юра Корнеев.

Мы разлили вино по кружкам, которые временно спёрли из местной столовой. Я же решил в честь олимпийского золота отравлять сегодня свой организм халявной пепси-колой. И вот странное дело, в нашей пьющей компании я, трезвенник, чувствовал самое настоящее опьянение, из-за которого тянуло на подвиги, и путались мысли.

— Давай нашу песню, французскую! — загудел Петров.

Я почесал затылок. Что-то такое у Джо Дасеена я пытался в той жизни брякать, но за точность французских слов не ручался.

— Салют сэт акор ма, — запел я, наигрывая приятную мелодию французского шансонье, — Салют коман тю ва Лёта мапарю трэле Люэн де ля зе музон жэ пазе та.

— Какой омерзительный французский, — улыбаясь, заметила Амели.

— Зато мелодия красивая, — глотнув вина, ответила Роза.

— Знай наших! — заорал Петров, — давай ещё по одной!

Потом к нам подрулили кубинские товарищи.

— Куба, едрит мадрит! — орал Корней, — давай нашу кубинскую песню! — посмотрел он на меня мутным взглядом.

— Песня кубинская, — сказал я, — но на русском языке, исполняется впервые.

Я что есть силы, брякнул по струнам и завыл.

— Куба любовь моя, Остров зари багровой. Песня летит, над планетой звеня! Куба — любовь моя!

— Знай наших! Давай ещё по одной! — крикнул мне в ухо уже Мещеряков, открывая очередную бутылку.

— А теперь давай нашу, баскетбольную, — сказал, осушив кружку вина Петров.

— Ес, ес, баскетбол, — закивал головой потомок белых эмигрантов Томислав.

— Ес, ес, ОБХСС, — пробурчал я, какую им спеть баскетбольную?

— Баскетбольная хулиганская! — крикнул я, придумав, что сбачать, — солдат шёл по улице домой и увидел этих ребят!

Я решил на ходу перепеть цоевскую «Маму Анархию», потому что, то, что сейчас вокруг творилось, и была самая настоящая анархия.

— Кто ваша мама ребята? Спросил у ребят солдат! Мама — игра баскетбол! Папа — наш главный тренер! Мама — игра баскетбол! Папа — наш главный тренер!

— За Суреновича! — потребовал осушить недопитое вино Петров.

— Все они в красных джипсах! Все высокого роста! Хотел солдат пройти мимо, но это было не просто! — прохрипел я второй куплет.

— Мама — игра баскетбол! Папа — наш главный тренер! — загорланили все, кто примерно понимал русскую речь.

При этом Петя и Корней пустились в дикий пляс, на подобие того, что фаны устраивают в фанзоне на рок-фестивалях. К нелепым прыжкам и кривляньям присоединились и кубинские спортсмены, и французские пловчихи.

— Довольно весёлую шутку сыграли с солдатом ребята! Заставили пить вино, научили ругаться матом! И все вместе! — я бил по струнам так, что пальцы горели, — Мама — игра баскетбол! Папа — наш главный тренер!

В общем два часа, длился бесплатный концерт с перекурами на выпивон с запивоном, постоянно кто-то приходил, кто-то уходил. Пока не появились одетые, как близнецы братья, с фотоаппаратами наперевес японские туристы. Из их болтовни я понял, что они

занимаются сбором информации для ихнего же Олимпийского комитета. Выпив с нами на брудершафт, и заметно окосев, товарищи самураи выложили для продолжения банкета двести баксов. Петров с Мещеряковым тут же рванули закупаться новой алкогольной провизией. Это же они ещё столько же принесут, загрустил я.

Однако я грубо просчитался. Мещеряков и Петров где-то стырили тележку и прикатали шесть новых ящиков вина. Компания же с геометрической прогрессией увеличивалась. Француженок пришлось перенести на скамейки. Слабоваты оказались девушки здоровьем. Вокруг галдели немцы, югославы и шведы. Кстати, европейцы пришли не с пустыми руками, появилась закуска, пиво, и водка.

— Прошу вас успокоится господа спортсмены! — потребовал от нас бедный итальянский полицейский, которому тут же намешали водку с пивом.

Не думал, что Петя такой шутник.

— Дринкен рашен водка, — похлопал полицейского по плечу немецкий спортсмен.

— Я, я, — добавил по-немецки Петров.

Что оставалось делать блюстителю порядка? Пришлось показать, что тоже кое-что в этом деле сечёт. И через пять минут отнесли его на скамейку к французским пловчихам.

— Давай нашу, полицейскую, — посмотрел на меня ословелыми глазами Корнеев.

— Специально для служителей правопорядка! — выкрикнул я, — Айн, цвай, полицай! Драй, фир, гренадир! Фуфн, зекс, альте хекс! Зибен, ахт, гуте нахт! Айн, цвай...

Немцы включились в ритмичную считалочку первыми, постепенно вовлекая в веселье всю поляну. Я же устало присел в стороне, а народ прыгал и орал, что полицейским, гренадёрам и старым ведьмам, всем им спокойной ночи.

Когда потемнело и веселье постепенно сошло на нет, мне пришлось тащить своих двоих товарищей в спальный корпус. Точнее троих, один лишний, русский американец Томислав Мещеряков.

— Корней, хоть ты меня не позорь! — я увидел его фигуру, одной рукой, держащуюся за дерево.

— А что такое? — удивился он.

— Зачем же здесь под окнами ссать? Уже практически до дома дошли! — я шлёпнул себе ладонью по лбу, — Мещеряков, морда белоэмигрантская, ты опять куда пополз? Петя держи его за ногу!

Я вновь кинулся ловить Томислава, которому уже через несколько часов нужно было возвращаться в свою скучную родную солнечную Калифорнию.

В измайловский ДК Строителей режиссёр любительского театра Семён Викторович Болеславский шёл сегодня с тяжёлым сердцем. Ведь предстоял ему решающий серьёзный разговор. Он печально переставлял ноги по крутым ступеням ДК, оттягивая до последнего неприятный момент. А у дверей директора этого очага культуры Семён Викторович перекрестился двумя перстами справа налево. Докатился, подумал он, у меня, у убеждённого идейного атеиста, одна надежда осталась, на несуществующего Ивана Крестителя.

— Ну, во имя Отца, ни пуха, ни пера, — пробубнил он и вошёл к директору ДК.

— Пишите заявление по собственному желанию, — сказала Галина Сергеевна Ларионова и протянула ему бумагу и перо с чернильницей, — будем с вами по-хорошему расставаться.

— А собственно говоря, по какому поводу вы хотите от меня избавиться? — нервно дёрнул руками режиссёр любительского театра, — актёры меня любят! Занимаются в драмкружке они с большой охотой! А какие у нас шикарные гастроли были в Ликино-Дулёво. Да нас там целых два раза на бис вызывали!

— У вас Семён Викторович, — Ларионова встала из-за стола и решительно прошлась — что не репетиция, то пьянка. Я понимаю наших драмкружковских строителей, им вечером домой не хочется к жёнам и детям, вот они сюда и зачастили, с поллитровкой.

— Может быть, тогда стоит мне дать испытательный срок? — робко предложил Болеславский.

— Хорошо! — директриса остановилась за спиной режиссёра, — допустим, я вам дам пятый по счёту испытательный срок. Но вы за два года поставили лишь один спектакль, «Клоп» Маяковского.

— Я предпочитаю работать на качество, а не на количество, — изогнувшись винтом, чтобы посмотреть на Ларионову, парировал Семён Викторович, — это моё творческое кредо.

— Семён, Семён, есть и ещё одна причина, — директриса вернулась на своё место за столом, — наш ДК не выполняет финансовый план. Пока дискотеки проводили, всё было очень хорошо, а сейчас сама могу директорского места лишиться.

Болеславский тяжело вздохнул и, опуская перо в чернильницу, стал карябать проклятое заявление. Так и знал, думал он, что нет никого Ивана Чудотворца, всё враки церковные. И тут в дверь, культурно постучавшись, вошёл Богдан Крутов. Вот мой шанс! Пронеслось в голове режиссёра.

— Богдан, как я рад вас видеть! — подскочил Семён Викторович, сделав большую кляксу на заявлении, и кинулся на грудь Олимпийскому чемпиону, — неужели это вы? Какой у вас прекрасный загар! Вы посмотрите, Галина Сергеевна, как похорошел. Не мальчик уже, а мужчина!

* * *

Вот чего не мог ожидать точно, появившись в кабинете директрисы ДК Строителей, так это Семёна Болеславского рыдающего у меня на груди. В то, что несколько симпатичных

комсомолок мне подарят свои милые улыбки, с большой натяжкой поверить мог. В то, что Галина Сергеевна пошёл меня в пешее эротическое путешествие, допуская. Но это, то что?

— Я полагаю, вы тут в интимной обстановке репетируете? — усмехнулся я.

— Вот, отправляю Семёна Викторовича на гастроли, в другой драмкружок, — директриса вынула из стола новую чистую бумагу и положила её рядом с чернильницей, при этом скомкав заявления с кляксой.

— А у меня есть такое предложение. Я присяду? — спросил я разрешение у хозяйки кабинета.

Директриса кивнула в ответ.

— Есть замечательный сценарий, бомба! — начал я издали, — Сейчас ведь у нас идёт массовое строительство однотипных домов. И вот представьте, перед самым Новым годом главный герой выпивает в бане с друзьями по случаю своей предстоящей свадьбы...

В общем, пересказывал я в вольной форме художественный фильм «Иронию судьбы или с лёгким паром» часа два. Мы несколько раз прерывались на чай. Несколько раз приходилось доказывать директрисе, что это не пошлая гадость, а всего лишь невинный водевиль, где главный герой потом осознаёт пагубный вред от употребления алкоголя и становится примерным семьянином. Хорошо, что Семён Болеславский во всём со мной соглашался и семь раз прокричал, что это гениальная идея. А так несколько раз подсакивал и орал, что он поставит гениальный спектакль! А когда я дал гарантию зрительского успеха, этого новогоднего представления, Галина Сергеевна сломалась. Из чего я сделал вывод, что финансовый план, отчаянно поёт романсы. Ну а дискотеки, решили возобновить уже с пятницы.

У нашей избушки, на самом крыльце меня, как Прометея, который принёс огонь, встречала целая нетерпеливая делегация Толик Маэстро, Владимир Высоцкий, Санька Земакович и Наташа.

— Ну, как? — разом заголосили они.

— Дело — дрянь, — я сел с грустными глазами на завалинку.

— Б. ть, пойду, напьюсь, — коротко, но ёмко выразился бард.

— Я с тобой, — махнул рукой Маэстро, — и по бабам пойдём.

— Эй, эй, эй! — я резко поднялся, — а кто новый спектакль репетировать будет? А дискотеку до ума доводить, новую?

— Это, — замялся Владимир Семенович, — а почему тогда дело, то дрянь?

— Думаете, мне с вами легко? — я постучал себя кулаком в грудь, — ведь все нервы вы мне за время работы вымотаете, к гадалке не ходи.

На следующий день, пока Вадька, Санька и Толик возились в ДК с инструментами, всё нужно было по новой распаковать, настроить, проверить звучание и прочие мелочи. Я подарил Высоцкому свои красные джипсы, и красную джипсовую курточку, которая у меня осталась после Олимпиады.

— Сегодня пойдём искать актрису на главную роль для «Иронии судьбы», — пояснил я свои чудачества.

— Не понял? — крутился у зеркала поэт-песенник, — а что в этом театре нет актрис?

— Это не совсем театр, — кашлянул я, — это скорее драмкружок, любительская студия.

— Эпическая сила, — прорычал Высоцкий, — ты же говорил, будет бомба?

— Я хотя бы раз тебя обманывал? — я оценил, глядя в отражение, как сидит костюмчик на Володе.

— Вот это-то и подозрительно, — пробурчал поэт.

И мы двинулись по полутёмным коридорам ДК. На крыльца нас должен был ждать заправленный под завязку мини автобус Opel Blitz. Но тут прямо на нас выскочил пышущий творческим возбуждением Семён Болеславский.

— Кстати, познакомьтесь, это Семён, это Владимир, — я попытался побыстрее избавиться от театрального режиссёра, и отодвинул его рукой в сторону.

— Когда вы, Богдан, представите мне пьесу, нужно же начинать читки! — пискнул Болеславский, вцепившись в меня, как клещ.

— Семён Викторович, — я повторно убрал с дороги шубутного театрала, — сначала найдём актрису на главную роль, а потом я диалоги как-нибудь пропишу.

— Я уже все роли распределил! — заверещал мне в ухо режиссёр.

— Тогда я рад, — я остановился, и обнял Болеславского так, чтобы кости хрустнули, и он меня больше не доставал, — да, забыл сказать, Владимир Семёнович будет у нас Лукашиным. В спектакле же много песен, а Володя прекрасный бард.

Когда к Семёну Викторовичу вернулось дыхание, он вновь попытался меня догнать и вступить в дискуссию, то автобус, Opel Blitz, уже ушёл.

Москва в 1960 году, это я вам скажу рай для нас, бездарных водителей. Поэтому я, когда отъехали подальше от ДК, остановился, просто прижавшись к обочине, не обращая внимания на такие мелочи, разрешена здесь остановка или нет. В зеркале заднего вида Семён Болеславский слава Богу не наблюдался. Высоцкий о чём-то глубоко задумался.

— Что-то я сомневаюсь, что у тебя с театром хоть что-то путное получится, — медленно проговорил Володя, — это же не дискотека, и даже не сочинение песен, которые надо признать ты лихо пишешь. Я ещё ни разу не начинал репетиций, не имея на руках даже подобия сценария.

— Иногда в спорте, очень важно довериться тренеру, который видит ситуацию в целом, — я постучал пальцами по рулю, — поверь, это тот самый случай. Найдём главную героиню, и всё само собой сложится. Поэтому давай как на духу, где какие театральные вузы находятся. Будем искать блондинку, комсомолку и просто красавицу.

— Ай! — махнул рукой бард, — семь бед, один ответ. Ехай прямо!

Половину дня мы мотались по Щепкинским и Щукинским училищам. Я устал ругаться с вахтершами, которым тыкал свои водительские права, и намекал на то, что вы не понимаете, с кем имеете дело. Наконец в ГИТИСе мы сначала забурились в столовку. У меня уже кружилась голова от созерцания будущих актрис театра и кино, из которых я никого не узнавал.

— Да кто тебе нужен, в конце-то концов? — не выдержал Высоцкий, запивая свою злость на меня жидким фруктовым компотом, — вот тебе блондинка, вот тебе красавица, а вот тебе комсомолка.

— Лицо нужно такое необычное, — я в два прикуса умял пирог с какой-то не вкусной требухой, — как у полячки.

— Почему, как у полячки? — прошептал Высоцкий.

— Потому что на гастроли поедem в Варшаву, вот почему, — пробурчал я и обомлел, — вот она!

Я чуть не ткнул в направлении нужной для спектакля девушки указательным пальцем, которая была одета в чёрный спортивный костюм и пристроилась с подносом в конец очереди за остывшим пюре и жидким борщом. Кормили надо сказать здесь так, чтобы никто

случайно не растолстел.

— Хороша, — пророкотал Володя, — а что мы ей скажем?

— Что скажем? В круиз по средиземному морю пригласим, вот что скажем, — я встал и направился прямо к этой великолепной блондинке.

— Добрый день, — поздоровался я, и девушка резко развернулась в мою сторону, — вы могли бы выйти замуж за первого встречного?

Две подруги нужной для спектакля блондинки прыснули от смеха.

— Прямо здесь в столовой? — красавица изогнула дугой свои брови.

— А разве это столовая? — я повернулся вокруг своей оси, — это же Версаль! Посмотрите, какие изумительные фрески на стенах и потолке, а с какой достоверностью вырезаны человеческие фигуры, поедающие изысканную снедь.

— Прекратите морочить голову, — заулыбалась девушка, — это не фрески, у этих стен просто давно не было ремонта, это пятна грязи и обвалившаяся штукатурка.

— Вот сейчас вот присмотрелся, — я сильно сощурился, — действительно штукатурка. Тогда разрешите представиться, Богдан Крутов, в данный момент кастинг-директор.

— Вы будете что-то заказывать? — каркнула повариха.

— Все что барышня пожелает, будьте добры, подайте в лучшем виде, — улыбнулся я.

Затем я расплатился на кассе и принёс поднос с салатиком и пирожками за наш с Высоцким столик.

— Разрешите представить, — обратился я к блондинке, — это Владимир Высоцкий, талантливый актёр, исполнитель собственных песен. А это Нина Шацкая, начинающая талантливая актриса, — сказал я уже поэту.

* * *

В воскресенье рано утром, звонок в нашу избушку затрезвонил так, как будто на дворе началась третья мировая война. А умотался я за все эти послеолимпийские дни до полной апатии к происходящему. Хотелось хоть в воскресенье отоспаться до полудня. На дискотеке, пришлось как-то выкручиваться без клавишницы, ведь Ирина Симонова пошла в девятый класс, а Наташа могла играть исключительно аккордами. Толик психовал, Наташа психовала, я стоически терпел. В театральной студии имени Семёна Болеславского тоже было всё не слава Богу. Во-первых, хотя я и посмотрел «Иронию судьбы» сто раз в том своём мире, но диалоги вспоминались с большим скрежетом. Я очень хорошо помнил сцену в бане, а так же сцену встречи главных героев в Москве, ну и финал, где Ипполит ругает заливную рыбу и поливает себя из душа горячей водой в ванной. Радовало одно, Шацкая с Высоцким быстро спелись. Во-вторых, нужен был срочно актёр на роль самого Ипполита. Если на друзей главного героя театралы-любители ещё как-то тянули, то без этой ключевой фигуры терялся смысл всего происходящего на сцене. Кстати, роли матерей я без сожаления из сценария вырезал к чёртовой матери, как аппендицит. Первая сцена, Высоцкий и моя бывшая учительница литературы и русского языка Юлия Николаевна Семёнова наряжают ёлку. Вторая сцена — баня, из которой Володю решают отправить багажом в Ленинград. Третья сцена — Нина Шацкая поливает Высоцкого из чайника водой. А дальше? А дальше разберёмся. В-третьих, сам финал спектакля, если его скопировать из одноимённого, правда, пока не снятого кинофильма, получался нудным до зубовного скрежета. Нужно было что-то

срочно сочинить жёсткое и точное, как удар в челюсть, чтоб у зрителей не создалось мучительного ощущения, бесцельно потраченного на театр времени.

— Богдан это тебя, — меня растолкал Санька Земакович, — мужик какой-то нервный. Чего ему надо я так и не понял. Может люлей ему прописать, чтоб не будил людей понапрасну.

— Спи, давай, ложись, прописатель, — пробурчал я, и, натянув спортивное трико, широко открывая от зевоты рот, вышел на крыльцо.

— Суренович, етит твою сила! — обрадовался я Спандаряну, — как здоровье?

Я спустился и приобнял главного тренера.

— Здоровье, как дерьмо коровье, — пробурчал Степан Суренович, — сегодня в здании ВЦСПС на Ленинском проспекте, состоится пресс-конференция и доклад перед тренерским советом. Съедутся деятели со всех команд мастеров, и будут мне дружно плешь проедать.

— Мы же Олимпийские чемпионы, мы же ого-го! — я все ещё не понимал, из-за чего переживает главный.

— Ты просто молодой ещё, — махнул рукой Суренович, — вот поверь, обязательно найдётся какая-нибудь гадина, которая найдёт к чему прикопаться. На сборы тебе пять минут. Пару часов посидим вместе подумаем, что гутарить, а чего нет.

— Только из уважения к вашим сединам, — пробурчал я, — у меня у самого сегодня репетиция в погорелом театре.

Всегда знал, что спортивные тренеры, когда дело касается их любимого вида спорта, часто становятся крайне нервными и раздражительными. Поэтому в кабинете, который больше походил на простой школьный учебный класс, целый час стоял галдёж.

— Почему вы Бразилии проиграли? — перекрикивая всех, требовал разъяснить Александр Яковлевич Гомельский, — почему я спрашиваю, не использовали и не наигрывали расстановку с двойным центром? Мой Янис Круминыш и Петров должны были всех под щитами топтать.

Перед тренерским советом, случайно узнал, что у Гомельского старшего было обидное прозвище, чайник. Я-то больше помнил этого тренера по восьмидесятым, когда его все уважительно звали — папа. Сключный дядька, но говорят, был хороший мотиватор, и квартир пробиватор, и машин достоватор.

— Да прекрати ты орать! — взвился главный тренер ЦСКА и наш второй тренер сборной Евгений Алексеев, — знаю, что ты на моё место метишь! Вот тебе всё и не ладно!

— Попрошу всех успокоиться, и перейти к обсуждению оценки, которую мы должны выставить сборной СССР! — вмешался в галдёж председатель советских физкультурников Николай Романов, пытаясь стуком чайной ложечки о графин, угомонить баскетбольных метров.

— А пусть Крутов выскажется! — потребовал Георгий Авалишвили, наставник «Динамо» из Тбилиси, — мне Гурам прямо чудеса какие-то про него рассказывал.

Вмиг в помещении настала тишина и все решили рассмотреть меня повнимательней. Ещё бы, подумал я, тут про меня такого газеты понаписали, что я чуть ли не с центра поля забросил решающий мяч. Телевизоров ведь в стране не хватат. Да много чего в стране не хватат, и не хватает тоже.

— Спасибо за возможность высказаться перед профессионалами своего дела, — я встал из-за стола и перешёл за одинокую ораторскую кафедру, — у меня было время до заседания совета посмотреть календарь чемпионата СССР по баскетболу. Двенадцать команд начиная

с февраля должны сыграть в один круг и закончить первенство восемнадцатого марта, это всего полтора месяца! Это товарищи самое настоящее вредительство!

— Ты говори, да не завирайся! — крикнул Александр Гомельский, — сейчас ещё отцов поучишь здесь, это самое делать, понимаешь.

— Никита Сергеевич Хрущёв, первый секретарь ЦК, заявил, что мы должны догнать и перегнать Америку, — я бухнул кулаком по деревянной кафедре, — в первенстве НБА каждая команда за сезон проводит больше девяноста игр, а мы всего одиннадцать. Каждый тренер и игрок там работает в десять раз больше. Сейчас выстави американских профессионалов против сборной СССР, от нас и мокрого места не останется.

— Мы, между прочим, развиваем любительский спорт, а не профессиональный, — недовольно бросил мне председатель совета и глава физкультурников Романов.

— Точно! — усмехнулся я, показав на председателя пальцем, — у нас спортсмены, как квартиры получать без очереди и машины покупать, так сразу все профессионалы. А как против профессионалов играть так сразу любители. Кстати, американские студенты уже все посмотрели нашу первую игру против США, и даже подробно разобрали все наши секретные наработки. Это значит, нас завтра ещё и студенты драть будут.

— Не пи...ди! — подскочил Гомельский, — да мы их в последней игре втроём обыграли! Значит, надерём им уши и завтра!

— Не мы обыграли, — я от злости чуть не заскрипел зубами, — обыграли американских студентов Саша Петров, Юра Корнеев и я. И лучше вам не знать чего нам это стоило.

Я, больше не захотев слушать всякие глупости, развернулся и покинул зал заседаний. До нашей избушки, с которой тоже нужно было что-то решать, я доехал на такси. Что-то, а денег у нас теперь было дофига. И когда Санька возмутился, что я трачу общие рублики на никому не нужный театр, я ответил, что это не трата, а вклад в будущее. Ведь нельзя жить лишь одним днём.

Во второй половине дня я вновь вернулся на театральную Голгофу. Сегодня я обещал показать песни, которые звучат в пьесе, и дописать некоторые диалоги. Поэтому пришёл не с пустыми руками, а со своей акустической гитарой. На третьем этаже ДК, в малом зале мы собрались тесной компанией. Режиссёр Болеславский, актёры Высоцкий, Шацкая и Семёнова и их покорный слуга, то есть я. Володя сегодня исподлобья заметно нервничая. Ещё бы ему не переживать, уволился из театра имени Пушкина, и сейчас занимается, здесь не пойми чем. Благо я за это хорошо плачу.

— Для первой песни, с которой начинается спектакль, я предлагаю использовать известную песню Юрия Визбора, — я поднастроил гитару и наиграл одно четверостишие, — Ты у меня одна, Словно в ночи луна, Словно в году весна, Словно в степи сосна..

— Хорошее начало, — пророкотал Высоцкий, — только что-то я этой песни у Визбора не помню.

Блин, второй раз с ней прокалываюсь! Теперь отпираться некуда, буду врать в глаза, есть такая песня и всё тут, пусть меня хоть на части режут.

— Видать ещё не разошлась в народ, — прокашлялся я, — свежачок.

— А что, мне очень нравится, — улыбнулась Шацкая.

— Между прочим, это моя сцена с главным героем, и ваше мнение здесь не уместно, — вмешалась моя бывшая учительница по литературе, Юлия Николаевна.

— Подумаешь, — промурлыкала Нина.

Вообще-то ещё раньше звучит песня про лучшего друга, который не ходит в гости на стихи Евгения Евтушенко, но она для начала очень длинная и нудная. Спектакль ещё не начнётся, а все уже уснут. А вторая вещь Пастернаковская "Никого не будет в доме" очень красивая и в тему, но лучше её сейчас не касаться. Хоть и умер поэт буквально в конце весны этого года, но чиновники от Советской власти его ещё не до конца реабилитировали.

— Дальше невеста Галя убеждает праздновать Женю Лукашина Новый год вдвоём, — я махнул рукой, — и уходит наводить предпраздничную красоту.

— И почему мой Лукашин вместо ванны вдруг попадает в баню к друзьям? — прохрипел бард.

— Да, почему? — заёрзал на стуле Болеславский.

Я встал, прошёлся, почесал репу и придумал.

— Когда Галя уходит, главный герой обращается в зал, к зрителям, — я кивнул в сторону пустых стульев, — Понимаете, каждый год 31 декабря мы с друзьями ходим в баню. Это у нас такая традиция. Может быть мне и сегодня сходить в баню, а то меня Сашка с Мишкой и Павлом там уже заждались?

— А если из зала крикнут, что сиди дома поганец такой! — подскочил и забегал Семён Викторович.

— А я тогда скажу, — Высоцкий тоже вышел на край сцены, — спасибо вам товарищ за ценный совет, но у нас такая дружеская традиция. А дружба — это дело святое.

— И ещё добавь, — я вспомнил пару слов несуществующей в этой пьесе мамы, — Не вижу ничего плохого, если я этот новый год встречу чистым!

Я облегчённо выдохнул.

— Дальше баню пропускаем, в ней песен нет, — я углубился в свои закорючки.

— Как пропускаем! — на меня коршуном налетел главный режиссёр, — это моя любимая сцена!

— Запишите после сцены в бане, — я усадил Болеславского одним движением руки на его законное место, — шум за кулисами имитирует звуки аэропорта.

— Дальше у нас встреча Нади и Лукашина, — я взял карандаш и пометил в бумагах, что диалоги готовы, — пропускаем. Вот, Надя поёт песню Ипполиту.

— А кто у нас Ипполит? Кто Ипполит я спрашиваю? — стал расплываться режиссёр.

— Будет вам Ипполит, — погладила его по голове Нина Шацкая, — всё будет. Что за песня?

— Используем известное стихотворение Беллы Ахмадулиной, — я вновь взял гитару и напел один куплет, — По улице моей который год звучат шаги — мои друзья уходят. Друзей моих медлительный уход той темноте за окнами угоден.

— Мне очень нравится мелодия, — улыбнулась актриса ГИТИСа.

— Следующая песня у нас поётся, когда в квартиру забегают Надины подруги, — я задумался.

Вот сейчас бы не проколоться, не нашёл я в библиотеке в журнальных подшивках этого стихотворения «На Тихорецкую состав отправиться». Вагончик тронется перрон останется, блин!

— Песню пришлось написать самому, — пробурчал я, и заиграл весёлый мотив, — На Тихорецкую состав отправится. Вагончик тронется, перрон останется. Стена кирпичная, часы вокзальные, Платочки белые, платочки белые, платочки белые, Платочки белые, глаза печальные.

Высоцкий прямо подскочил на месте. Помнится, я читал, что Владимир Семёнович обожал эту песню, вон и сейчас глаза разгорелись, руки сами тянутся к гитаре. О, мои Боги, если существует патруль времени, они меня испепелят, за воровство из будущего музыкальных композиций в особо крупных размерах. А с другой стороны, не я сам себя сюда закинул, вот с Марой, Велесом, Перуном и прочими высшими существами ситуацию пусть и разруливают.

— Да мы одними песнями этот спектакль сделаем! — Высоцкий ринулся мерить шагами сцену, — а я дурак ещё не верил! Давай дальше Богдаша, жги напалмом!

Откуда ты таких слов понабрался, подумал я, неужто от меня?

— Следующая песня, тоже моя, — скромно скороговоркой проговорил я, — её исполняет Лукашин для Надежды Шевелёвой. Ария московского гостя.

Арию «Если у вас нет тёти», которая в оригинале называлась «Если у ват нет собаки» не успел уже написать журналист Александр Аронов, а музыку не успел сочинить очень талантливый композитор Микаэл Таривердиев, я спел полностью. Не знаю, почему расчувствовалась Нина Шацкая. Если Высоцкий сел на место и успокоился. То Нина наоборот подскочила и пробежалась по сцене.

— Какие замечательные песни! — всплеснула она руками, — а я дура не верила, что вообще что-то выйдет! Я вообще сначала подумала, что вы два афериста, которые знакомятся с девушками.

— Зачем? — удивился Высоцкий.

— Сами знаете зачем! — Нина присела обратно.

— Чтобы делать им свои грязные предложения! — бабахнула литераторша Юлия Николаевна.

— Товарищи актёры мы несколько отвлеклись, — вышел на первый план режиссёр Болеславский.

— Дальше всё просто, — прокашлялся я, — Надя Шевелёва поёт в свою очередь для Жени Лукашина песню на стихи Марины Цветаевой. Мне нравится, что Вы больны не мной. Мне нравится, что я больна не Вами. И так далее. И наконец, когда Надя заявляет, что сейчас вызовет милицию, чтобы Лукашина выпроводили из её квартиры и закрывает его в комнате, Женя развлекает её следующей вещицей.

Сколько пыли я переглотал, пока отыскал в журнальных подшивках стихотворение «Я спросил у ясеня» расстрелянного в 1930-м году Владимира Киршона, знают только мои бедные легкие. Зато сейчас, сидят, слушают, и оторваться не могут, и Высоцкий, и Шацкая, и Болеславский, и бывшая моя учительница русской словесности Семёнова. Это значит спектаклю быть! Осталось придумать финал и найти Ипполита, а так уже полдела сделано.

— Богдан, беги вниз, мальчики дерутся! — ворвалась в малый актовый зал, распугав всех театральных муз, Наташа.

Я быстро отставил гитару.

— Слова здесь, — я ткнул пальцем в свою тетрадь, — аккорды там же, гитара вот!

И понёсся смотреть, кто кого бьёт и самое главное зачем. За что бьётесь сынки? За правду папаша, мелькнула короткая непонятно откуда всплывшая фраза. Когда я добежал с третьего этажа на первый, Толик держался за нос, Санька за губу. Обоих бузотёров сдерживали сильные Вадькины руки.

— За что бьетесь сынки? — выпалил я.

— А чё он ко мне в душу лезет! — высказался презрительно Зёма.

— Просто сил уже никаких нет смотреть, как ты стучишь! — крикнул Толик, и внезапно вырвался из цепких рук басиста.

В Саньку тут же полетел длинный размашистый удар от Маэстро. Но Земакович вовремя успел пригнуться, поэтому кулак вокалиста врезался в плечо Вадьки, который само собой выпустил на свободу и второго драчуна. Две «ветряные мельницы» мгновенно выкатились на центр коридора, и стали колотить друг друга, грубо выражаясь по матери. Мы с Бураковым, не сговариваясь, растащили бойцов по углам.

— Чтоб это было в последний раз! — просипел я, удерживая Толика, — уволю из группы к чёртовой матери! На вокзал петь пойдете, оба!

Угроза потерять место работы возымела мгновенное действие.

— Богдан Богданович! — по лесенкам, чуть не растянувшись на полу, «скатился» режиссёр Болеславский, — срочно поднимитесь в репетиционный зал, — задыхаясь, выдавил он из себя, — актрисы роль поделить не могут.

И как только меня в этом мире не обзывали, думал я, перескакивая со ступеньки на ступеньку, и Богдашей, и Богданычем, и Богдан Викторовичем, и вот уже я Богдан Богданович. Я ворвался в малый зал. Ах ты, сучка ты крашена! — Почему же крашенная, это мой натуральный цвет! Примерно так можно было передать то, что сейчас высказывали друг дружке Нина Шацкая и Юлия Николаевна, если конечно вымарать из словесной перепалки все непечатные обороты.

— Юлия Николаевна! — я заскочил на сцену, — от вас как от учительницы литературы, я такого не ожидал.

— Мало я тебе двоек ставила! — цыкнула на меня Семёнова.

— Нина Сергеевна! — я обратился уже к актрисе, — вы же в ГИТИСе учитесь, вы же

после окончания должны сеять разумное, доброе, вечное!

— А я его ещё не закончила! — ответила мне Шацкая.

— Давайте все успокоимся, — попытался примерить девушек Высоцкий.

— Предатель! — бросила ему Нина Шацкая и, схватив плащ, пошла на выход.

— Завтра репетиция в тоже время! — крикнул я в спину актрисе.

— И ты тоже предатель, — прошептала мне Юлия Николаевна, и последовала тем же маршрутом.

— Попрошу без опозданий! — крикнул режиссёр Болеславский, который, наконец, осилил крутую домкультуровскую лестницу.

Вечером, в комнате по адресу Большой Каретный переулок 15, мы с Наташей попытались обсудить сложившуюся непростую ситуёвину. Тоня с Вадькой, тактично оставив нас одних, ушли в кино. А мы, чтобы совместить приятное с полезным, забрались под одно одеяло.

— Ты чувствуешь, как стучит моё сердечко? — отдышавшись, спросила Наташа, — и что ты постоянно со мной вытворяешь? Так ведь и разрыв сердца можно получить.

— Согласен на какое-то время воздержаться от любовных утех, — я приобнял девушку, которая удобно устроилась на моей груди.

— Только попробуй, — хохотнула она.

— Так что делать будем, с Толиком и Санькой? — я вернулся к своим невесёлым мыслям, — да и с актрисами нужно что-то решать.

— Не знаю, что у тебя с этими актрисами, — Наташа стала целовать мою шею, — ты у меня, кстати, там смотри! А ребят нужно просто усадить за один стол переговоров.

Моя ненаглядная любимая женщина поцелуи перенесла на грудь, и мысли снова начали путаться. Это, наверное, кровь от одной головы, стала приливать к другой, подумал я.

— Неплохо было бы, ребят расселить, — Наташа, как гибкая кошечка, приподнялась, изогнулась и удобно уселась своей прекрасной попкой мне чуть пониже живота, — они уже видеть друг друга не могут, — девушка издала слабый стон.

— Правильно, — мои сильные руки пробежали по трепетному телу любимой, которая ещё раз простонала, — снимем им комнаты в разных районах Москвы, здесь пусть Тоня с Вадькой живут, а мы в избушку переедем. Там соседи в стенку стучать, точно не будут.

— Ах! — вскрикнула моя девушка.

Если воскресенье — день тяжёлый, значит понедельник — день веселый, думал я на репетиции нашего ВИА.

— А любовь, как сон, а любовь, как сон, — пел Толик, с плохо скрываемым раздражением, — А любовь, как сон, стороной прошла-а-а-а... Да не могу я это слушать! Никаких дискотек, пока нового клавишника не найдём! Я тебя, конечно, сестричка люблю, — он посмотрел на Наташу, — но не настолько.

— Для вас же стараюсь, — в ответ она провела по всем клавишам разом и гневно отвернулась.

— Хватит! — не выдержал я, — хватит, говорю! — гаркнул я на Саньку, который что-то ещё цыцыкал на хэте.

— Дадим объявление в газету, — я встал и нервно прошёлся, — музыкальному коллективу требуется пианист. Оплата по договорённости.

— Может лучше, пианистка? — пискнул из угла с ударной установкой Санька.

— Если пианистка, тогда допишем так, — я махнул рукой, — без пи...ы, но работающая!

— Фу-у-у! — искривилась на мою пошлую шутку Наташа, зато ребята немного повеселели и заулыбались.

— И ещё два объявления, — я вырвал из записной книжки исписанный листочек и прикрепил его кнопкой на дверь репетиционной комнаты, — сегодня в девять часов вечера в буфете ДК состоится комсомольское собрание! Явка всем обязательна!

— А мы не комсомольцы, — сказал Санька и, тут же пригнувшись, спрятался за ударник.

— На подвиг и доблестный труд! — я показал кулак ренегату, — расправив упрямые плечи, вперёд комсомольцы идут! Я сказал всем быть. А там мы уже разберёмся кто комсомолец, а кто нет. И второе. Вадька, купи в магазине одежды, шесть плащей и шесть пальто.

— Какого размера? — удивился Бураков.

— Главное чтобы материал был получше, цвет повеселее, а размер побольше, — я показал руками, как выглядит чехол для автомобиля, — остальные вопросы потом, у меня сейчас встреча с журналистом из «Советского спорта».

После злополучного тренерского совета, на котором выставили сборной СССР за Олимпиаду, оценку хорошо, меня несколько раз вызванивали представители разных газет. Я пообещал дать интервью «Пионерской правде», тем боле там печатался Витюша и «Советскому спорту». А вот от газеты «Труд» и газеты «Правда» я решительно отказался. Потому что в «Правде» правду точно не напечатают, а в «Труде» я побоялся, что не сдержусь и выскажу всё, что думаю о соцсоревновании, стахановском движении и прочих Советских приколах.

Кстати, буфет в ДК, куда я направлялся, был маленьким, но уютным. Три столика, двенадцать стульев, в которых, к сожалению, спрятать бриллианты мадам Петуховой было решительно не возможно из-за отсутствия мягкого сидения. Барная стойка, на которой были закреплены три баллона для разливного сока, берёзового, томатного и ещё одного по вкусу напоминающего морс. Была витрина с одинокими песочными коржиками. Но самое главное в буфете был холодильник, где продавщица тётя Зина хранила тару с мороженым.

— Всё хорошеете, Зинаида Петровна! — улыбнулся я, войдя в заведение общепита.

— Болтун, — хохотнула женщина в белом халате, обнять которую можно было только вдвоём, — тебе, как всегда?

— Нет, мне как обычно мороженное с вишнёвым вареньем, — я посмотрел на настенные часы, журналист уже опаздывал на пять минут.

— Я тебя, между прочим, старше в два раза, — тётя Зина улыбаясь, накладывала замороженный сливочный десерт в фарфоровую мисочку, — а ты со мной заигрываешь, как с девочкой. Я ведь всё Наташке расскажу.

— Давно хотел спросить, — я указал пальцем на баллон с прозрачной красноватой жидкостью, — а это какой сок?

— Написано же гранатовый, — обиделась Зинаида Петровна, — и вообще не мешай работать!

— Понимаю, очередь задерживаю, — улыбнулся я и в гордом одиночестве удобно расположился за столиком у окна.

Вторым посетителем буфета стал «долгожданный» спецкор из «Советского спорта», с которым я уже пересекался на Олимпиаде. В помещение он вошёл в новой привезённой из Рима шляпе, чтобы все издалека видели козырного парня.

— Зачитался, проехал остановку, — сразу с порога соврал он.

— Ага, вы ещё и книгу в автобусе забыли, — я отставил уже опустевшую миску в сторону.

Корреспондент заказал стакан томатного сока, и мы приступили к скучным ничего не значащим вопросам. Как я оцениваю выступление команды, что я чувствовал, когда забил победный мяч, какие мои дальнейшие спортивные планы? Кстати, с последним вопросом он поставил меня в тупик, потому что у меня спортивных планов не было вообще. Я ответил уклончиво, что мои дальнейшие планы — это крепить ряды Советских физкультурников. Даешь сдачу норм ГТО и ежедневные закаляющие организм процедуры.

— А можно я напишу статью в вашу газету? — уже прощаясь, спросил я.

Спецкор, конечно, хотел ответить, что нет, но когда я вытаскил пятьсот рублей и аккуратно вложил их в его карман, муки сомнения в журналистской душе окончательно испарились.

— А вы будете присутствовать на бале Олимпийцев в это воскресенье? — огорошил меня корреспондент, горячо трясая мою ладонь.

— Если партия прикажет, — пробубнил я, — то непременно. Ведь она наш поводырь, без которого мы уйдём не в ту степь.

Нормальные дела, думал я, поднимаясь на третий этаж, где должна была начаться репетиция «Иронии судьбы». Суренович мог и позвонить, знает же телефон ДК. Или там, в высоких кабинетах всё ещё решают, звать меня на награждение Олимпийскими медалями или нет. С другой стороны, ну повешу я позолоченный кругляш на стенку, буду смотреть на него и раздуваться от важности, тешит эго, разве это буду уже я? Напыщенный самодовольный индюк — это будет.

Ещё на подходе к двери малого актового зала, я услышал звуки гитары и песню «Вагончик тронется». С главной актрисой я угадал, у Нины Шацкой голосок, что надо. Её подруг играли в спектакле барышни из нашего строительного треста, кажется, маляры. Я специально нашептал Болеславскому, что на их роль нужно взять одну крупную девушку и одну миниатюрную, что само по себе уже выглядело забавным. Если нет артистического

таланта, остаётся брать типажом, думал я.

Чтобы не вспугнуть творческий процесс, я тихо прокрался вдоль стенки и присел на самый крайний стул в первом ряду. Вон как Высоцкий сияет, значит, роль нравится. Кстати и Шацкая вся раскраснелась, ещё бы, они ведь перед песней про «Вагончики» целуются. А за кулисами, с краю, сидит Юлия Николаевна, текст учит, злая.

— Зачем вы это сделали? — пророкотал Володя.

— А вы тоже заладили, как попугай! Я не Ипполит, я не Ипполит, — ответила Нина, — ну как Семён Викторович? — обратилась она к режиссёру.

Болеславский громко хлопнул в ладоши, и потёр, предвкушая оглушительный успех, ладони.

— Если бы ещё этот шалопай, Крутов, дописал бы финал, и нашёл бы нам Ипполита, — Семён важно прошёлся вдоль сцены, — я бы сказал у нас всё гениально!

— Здравствуйте, шалопай вас услышал, — я встал и поклонился одной головой, — товарищи артисты у меня к вам одно объявление. Сегодня в девять часов вечера в нашем буфете состоится политинформация. Непростое социальное положение угнетённых народов Африки. Явка всем обязательна!

— И нам? — из-за кулис вышли подружки Нади Шевелёвой.

— А вы из всех? — улыбнулся я.

— Да, — согласились девушки.

— Тогда непременно! Репетируйте дальше, товарищи артисты, — я скоренько развернулся, и чтобы Болеславский не успел «присесть мне на уши», посеменял в нашу репетиционную комнату.

— Где, я спрашиваю Ипполит? — загорланил с верхней лестничной площадки режиссёр, когда я уже спускался вниз.

— Не смейте орать в храме культуры! — бросил я ему в ответ, — это, между прочим, не культурно!

Дальше застучали каблуки по бетонным ступеням, и Болеславский через несколько секунд схватил меня за плечо.

— Вы поймите! — не выдержал я, — Ипполит совмещает в себе комика, — я начал загибать пальцы, — трагика, злодея, который дорогими подарками хочет купить себе шикарную бабу! Хорош собой! Где я спрашиваю, вам в Москве найду такого пока малоизвестного актёра?

— Хоть где, — зашептал, сверкая дикими глазами Семён, — хоть в Сибири, хоть на Урале, но в воскресенье чтоб был!

И кто ж там, на Урале, сейчас есть из тех актёров, кто выстрелит потом? Нет, ни Урал, ни Сибирь, вообще не вариант, туда ехать несколько дней. Это я минимум неделю потрачу в поисках неизвестно кого и неизвестно где. Здесь будем искать, в Москве. Думал я, шагая напрямик в буфет. Ведь к девяти часам вечера к политинформации и комсомольскому собранию нужно было, как следует подготовиться. Поэтому я купил пару бутылок красного крепленого вина, пару арбузов, три дефицитных лимона, и в несколько больших бутылок с плотной пробкой я нацедил из уличного автомата газировку. Чекушку водки, пришлось взять на всякий пожарный случай, про запас. А лёд для политинформационных коктейлей мне помогла сделать Зинаида Петровна, она залила в три пластмассовые ячеистые формочки воду и сложила их в морозильник.

— Ну, шалопай, не дай Бог твои комсомольцы тут напакостят, — шипела на меня

буфетчица, — я же тебя по судам затаскаю.

— Тётя Зина, я вас умоляю, — улыбнулся я, — у меня комсомольцы смиренные и воспитанные, одна даже в ГИТИСе учится сеять разумное, доброе, вечное.

— Знаю я твоих сеятелей, как напьётесь, то хуже холеры, — бурчала Зинаида Петровна, — всё мне здесь устряпаете. А кто потом мыть будет? Кто будет мыть, я хочу знать?

— Мыть, согласно штатному расписанию, здесь будет специальный подготовленный человек, — отмахнулся я, думая, где бы найти трубочки для коктейлей, — и вообще подайте, в конце концов, объявление.

— Какое? — растерялась буфетчица.

— Молодая красивая женщина, для создания ячейки общества, желает познакомиться, алкоголиков и тунеядцев, просьба не беспокоить, — хохотнул я, — иначе ваш характер никакими пирогами уже не исправить.

— Шалопай, врун, болтун, — забубнила себе под нос, задумчиво, женщина, — всё Наташке расскажу.

В девять часов вечера вокально-инструментальная группа «Синие гитары» и любительский театр Семёна Болеславского собрались в буфете, чтобы прояснить для себя, что в мире сейчас делается.

— А вот, что пишет газета «Правда», — я расправил свежий номер и ткнул пальцем в передовицу, — стабильности нет, товарищи, актёры и музыканты. Всё потому, что сознательность некоторых несознательных граждан отстаёт от научно-технического прогресса.

— Богдаша, — пророкотал Высоцкий, — ты нам тут это мозги не пудри, зачем собрал? Мы тут все, можно сказать, свои люди.

— Ну, тогда помогайте, раз свои люди, — газету «Правда» я временно бросил на подоконник, — Володя, разрежь арбуз. Наташа, достань лёд из морозилки. В общем, будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях, — я выставил несколько стеклянных фужеров на барную стойку.

Готовить коктейли я, конечно, был не большой специалист, но налить газировки, бросить кубик льда, сунуть тоненькую дольку лимона и подлить для цвета несколько капель вина, ума много не понадобилось. Зато через пять минут, политинформация и комсомольское собрание потекли в конструктивном русле. Народ заулыбался, бывшие обиды временно отступили. Первым делом вместе с газировкой я подмешал по пять грамм водки для Толика и Саньки. А когда ребята от принятого зелья покраснелись, я их вывел в коридор «покурить».

— Как жить мужики дальше будем? — спросил я бузотеров.

— Буду искать другую группу, — Зёма пьяно хмыкнул, — стучу я не проф-ф-ф...

— Не профессионально, — подсказал я.

— Не, не, не, — замах руками Маэстро, — я пойду петь в другую..., а у вас Наташка есть...

Толик всхлипнул, от накативших на него чувств.

— Вместе пойдём на вокзал гас-гас-гастролировать, — стал успокаивать его Санька, — мы же с тобой друганы!

— Ты меня уважаешь? — Толик посмотрел в пьяные глаза друга, который тут же кивнул важно головой.

Прекрасно, подумал я, перемирие примерно на неделю гарантированно. А до выходных

расселим их по разным квартирам, ещё успеют соскучиться друг по другу. Первую конфликтную парочку я вернул в буфет и сунул им в руки по большой дольке арбуза. Пока мы отсутствовали, Высоцкий взял гитару, и уже напевал, что на Тихорецкую состав отправиться. Я отобрал фужеры у Нины Шацкой и у Юлии Николаевны, которые уже немного покраснелись и весело подпевали Володе. И вернулся к барной стойке.

— Беленькой добавь по чуть-чуть, — я шепнул Наташе, — сейчас ещё парочку помирим, и можно комсомольское собрание считать закрытым.

— Хде Ипполит Георгиевич-ч-ч? — Семён Болеславский вцепился мне в плечо.

Вроде режиссёру не наливали, пронеслось в моей голове, где же он так успел дойти до кондиции?

— Завтра найду, — пробурчал я, — с Володей с самого утра поедем по театральным ВУЗам столицы.

Болеславский погрозил мне пальцем. После чего я его усадил в уголок и дал в руки газету «Правда», намек на то, что я не вру, век воли не видать.

— Если у вас нету дома, пожары ему не страшны, — пел Высоцкий, улыбаясь и поглядывая на Нину Шацкую, — И жена не уйдет к другому...

Да, заварил я кашу, подумалось глядя на довольных актёров. Этак Владимир Семёнович второй раз женится не на Людмиле Абрамовой, а на Нине Шацкой, которая по идее должна выйти замуж за Валеру Золотухина, а потом уже за моего любимого актёра Леонида Филатова. С другой стороны может они к тому времени успеют поссориться. Ведь талантливые люди не только влюбчивые, но и вспыльчивые.

Барышень я вывел проветриться, только через десять минут, когда Высоцкий решил передохнуть и передал инструмент Толику Маэстро, который долго не мог понять, почему струн семь и почему привычные аккорды не звучат?

— Зря ты нас, Крутов, арбузом накормил, — пьяненько покачиваясь, высказалась моя бывшая литераторша, — всё равно я из спектакля ухожу.

— Очень хорошо, — усмехнулась Шацкая, тоже придерживаясь одной рукой за стенку, — я завтра двух Галь приведу из института. Они даже согласны режиссёру дать...

Нина посмотрела удивленно на меня, и интеллигентно прикрыла ладошкой рот.

— Что-то какой-то пьяный арбуз попался, — пробормотала она.

— Куда без очереди? — возмутилась Юлия Николаевна, — Галя! Это моя роль, теперь назло никому не дам!

— Худой мир, лучше доброй ссоры, — грустно заметил я.

Театр — это клубок целующихся змей, и с этим мне лучше смириться, думал я, развозя музыкантов и актёров по домам. Юлию Николаевну пришлось самолично проводить до квартиры, Нину Шацкую галантно вызвался сопровождать Высоцкий. И пока автобус трясся по ночному городу, Санька и Толик успели полностью протрезветь и хмуро смотрели друг на друга.

— Завтра Вадька ходит на рынок, — сказал я, когда мы подъезжали к нашей избушке, — поспрашивает, кто и где сдает комнаты внаём. Так что готовьтесь к самостоятельной жизни.

— Давно пора, — хором высказались ребята, и отвернулись в разные стороны.

Утром во вторник первым делом я заехал в редакцию «Пионерской правды», узнал, по какому адресу скрывается гражданин Виктор Прохоркин. Нужно же было написать статью в «Советский спорт», а Витюша — это не только бесплатная печатная машинка, он также хороший советчик, который поможет скруглить острые углы. А то я себя знаю, в нужных местах могу и не «затормозить». Главная редактор детской газеты, Татьяна Владимировна, неожиданно была мне очень рада. Она сказала, что Виктор живёт сейчас по другому адресу, и что лучше побеспокоить начинающего, но уже очень занятого писателя в районе восьми часов вечера.

— В восемь, так в восемь, — пробурчал я, — а чё он из дома переехал? Женится что ли?

— Можно сказать и так, — промурлыкала Татьяна Владимировна.

С Высоцким, как и договорились накануне, мы встретились у памятника Маяковскому. Судя по его помятому виду, дома он не ночевал. Как влез, в подаренный мной, красный джипсовый костюм, так в нём и щеголял. Кстати, Москва стала меняться. Нет, нет, но я частенько стал встречать людей, которые тоже уже где-то раздобыли дефицитные джипсы.

— Пожрать бы чего, — пробурчал поэт, — может в мою альма-матер, в школу-студию МХАТ, завалимся?

— Если идти методом исключения, — почесал я затылок, — в Щепке мы ели, в Щуке тоже. В ГИТИСе удачно отобедали, значит, само проведение нам тонко намекает, что пора бы посмотреть, как кормят во МХАТе.

На служебном Opel Blitz мы проехали по Тверской улице и свернули на крохотный проезд Художественного театра. Уже припарковываясь около дверей школы-студии, я заметил до боли знакомый образ, который из этих дверей выходил.

— Вот он наш Ипполит пошлёпал! — я ткнул пальцем в высокого черноволосого парня, который был одет в хороший дорогой костюм.

— Эй, парень! — заорал я, пока тот не скрылся в толпе, — дай закурить!

Мы с Высоцким вылетели из микроавтобуса и бросились за черноволосым. Однако морды наших лиц почему-то не внушили ему доверие, и он припустил лихо петля между ошарашенных прохожих.

— Стой стрелять буду! — орал я, распугивая встречных мужчин и женщин, — первый предупредительный в воздух, второй по ногам!

— Что случилось! — вскрикнул дяденька в шляпе.

— Спокойно папаша, работает МУР, — пророкотал Высоцкий, — я тут все дворы знаю, ты беги за этим длинным, я пойду наперерез.

Этот высокий и черноволосый паренек наверняка был хорошим спортсменом, и ломанулся он, как лось от охотников в ближайший переулок. От олимпийского чемпиона ещё никто не уходил, буркнул я себе под нос и дал такой рывок, что мог бы позавидовать и сам Усэйн Болт. Тридцать секунд я видел лишь ускользающий силуэт актёра. И вот мы зажали парня в глухой подворотне.

— Отье...сь, суки, зашибу! — черноволосый встал в боксёрскую стойку.

Высоцкий согнулся в три погибели, пытаясь восстановить дыхание. Я же тоже принял боксерскую стойку. Не хотелось ни за что ни про что получать в табло. И стал тихонько сокращать дистанцию, немного покачивая корпус.

— Предупреждаю, у меня первый разряд, — уже не так уверенно сказал парень, пятясь спиной к стене.

— Нам для спектакля актёр нужен твоего типажа, — проговорил, отдышавшись, Володя Высоцкий.

— Так я вам и поверил, — черноволосый, когда я подошёл к нему на полтора метра, выбросил два длинных боковых удара.

Я легко ушёл в сторону.

— Роль просто отпад, закачаешься, — буркнул я, опять приблизившись к актеру держа руки высоко в стойке.

— Убью! — заорал парень и снова атаковал меня длинным боковым ударом.

На этот раз я успел пробить ему в солнечное сплетение, прежде чем уйти на дистанцию. Актёр вмиг осел на одно колено и стал, как рыба ловить воздух ртом.

— Давай знакомиться, — Высоцкий протянул поверженному коллеге руку, — я Володя Высоцкий, а это Богдаша Крутов. Между прочим, Олимпийский чемпион по баскетболу.

— То-то я и смотрю физиономии у вас какие-то знакомые, — черноволосый отдышавшись, встал и пожал Высоцкому руку, — ты, вроде в прошлом году студию закончил?

— Эти летом, — поправил его поэт.

— А тебя, — парень посмотрел на меня, — я в газете видел. В «Советском спорте».

— Ну, слава Богу, — пробурчал я, — что ж ты от нас убежал?

— А вы зачем за мной гнались? — актёр взлохматил свои черные вьющиеся волосы.

— Мы же объясняем, нам в спектакль человек хороший требуется, — пророкотал Высоцкий ещё раз.

— Вот так вот усы тебе черные приклеить, — улыбнулся я, — хоть сейчас Сидора Лютого снимать можно для «Неуловимых мстителей». Володь как считаешь, Ипполит с усами солидной смотреться будет или нет?

— Может и мне усы отрастить? — задумался поэт.

— Так вы кино снимаете или спектакль, я что-то не пойму? — удивился Владимир Трещалов.

Ещё час мы поболтали в МХАТовской столовой, где кормили вполне съедобно. Из них мы полчаса доказывали Трещалову, что не шутим. Ещё полчаса он жаловался нам, что попёрли его из школы-студии МХАТ, за прогулы, точнее из-за съёмок в фильме «Битва в пути», который вроде как скоро выйдет на экраны. Лично я это кино не смотрел. А вот «Увольнение на берег», где Трещалов снимется вместе с Высоцким, я помнил, и ещё «Штрафной удар», там тоже засветится и тот и другой. Причём Трещалов сыграет главную роль, хоккеиста профессионала.

— А что по деньгам у нас вытанцовывается? — хитро прищурившись, спросил Владимир, который Леонидович.

— Договоримся, — пробурчал я, — только усы, Володька, не сбривай, так вид у тебя с ними более брутальный. Сегодня в шесть часов репетиция, просьбы без опозданий.

Я попрощался с актёрами, а сам подумал, Высоцкому плачу, Шацкой — доплачиваю, теперь ещё Трещалову платить буду, тогда уже и Юлии Николаевной нужно приплачивать, для полной справедливости. А совсем для самой-самой полной справедливости, когда вся Москва повалит на «Иронию судьбы» нужно процент с продаж за сценарий потребовать. Деньги ведь ещё никто не отменял.

Дома, куда я заехал перед походом к Витюше, по всей комнате были разбросаны плащи и пальто, во множественном числе.

— Чехлы для гитар шить будем? — поинтересовался Толик Маэстро.

— Скажешь тоже, — хмыкнул Санька, — дельтаплан сделаем. Вон сколько материи!

— Всё как заказывал, — Вадька Бураков приподнял распластанный плащ, — в поход пойдём, а из этого палатку сварганим, так ведь?

— Синоптики по всему миру бьют тревогу, — начал я издали, — обещают всемирное потепление.

— Американцы погоду мутят, — пробурчал Санька.

— Но боюсь, в этом году оно ещё не наступит, — я рассмотрел качество материала новых полуфабрикатных шмоток, — а, следовательно, из плащей сделаем плащи, а из пальто — пальто. Материал хороший, качественный советский. Пошив только дрянь. Завтра с Тоней сочиним из этого барахла новые моднявые вещи.

— А может нам на сцену в плащах выйти? — задумался Маэстро.

— Кстати, отличная идея, — улыбнулся я, — будем, как Нео из «Матрицы».

— Кто? — хором спросили меня пацаны.

— Книжка одна есть такая, потом расскажу, — замялся я, и пошёл на кухню ставить чайник.

Сегодня ещё предстояло накрапать статью для «Советского спорта», а у Витюши, я почему-то подумалось, чаю может и не быть. Творческим людям свойственно забывать о пище материальной.

В восемь часов вечера, даже в центре Москвы от уличного освещения было не так чтоб и светло. Скорее наоборот, сплошные потёмки. Вот в Риме сейчас всё сияло от неоновой рекламы, думал я, разворачивая микроавтобус во двор. Ещё до кучи зарядил нудный осенний дождь. И на сердце совсем стало грустно. Унылая пора, быстрее бы уж прошла, пробурчал я себе под нос.

Вот он нужный подъезд, железных дверей с кодовым замком нет, бомжей, кстати, тоже не наблюдается. Третий этаж, направо. Я вдавил кнопку электрического звонка. За дверью что-то зашуршало, клацнула защелка, и вдруг я вижу женщину в самом расцвете лет. Облегающее синее соблазнительное платье чуть выше колена, голые плечи, кроваво красные губы.

— Э-э-э, Татьяна Владимировна, — пролепетал я, — вы мне по ошибке дали свой адрес. Я же давеча просил...

Из-за спины главного сексуального редактора «Пионерки» выскочил Витюша.

— Привет, заходи! — обрадовался он.

Кстати, одет писатель был в деловой костюм.

— Ничего что я без галстука? — спросил я, переступая порог дома.

— Чего только не позволишь Олимпийскому чемпиону, — промурлыкала Татьяна Владимировна.

— А мы с Танечкой за тебя болели! — Прохоркин с жаром потряс мою ладонь, — как вы американцев обыграли втроём, я, как вспомню, у меня до сих пор мурашки по телу!

Ого! Хорошо Витюша устроился, подумал я, войдя в комнату, где на журнальном столике уже стояла коробка конфет, и бутылка коньяка. Точнее сказать, хорошо Танечка его у себя пристроила. А оно может и к лучшему. Даже сложно представить, как бы Витюша работал, если бы у него закрутился роман с молоденькой медсестричкой из больницы.

Издёргался бы бедняга весь. А тут его помыли, покормили, и спать рядом с собой уложили.

— Я сейчас вам сварю кофе, — улыбнулась редакторша, и соблазнительно виляя бедрами, пошла на кухню.

Походка от бедра, пронеслось в голове. Она что, меня, что ли кадрит? Очуметь не встать.

— У меня же книга скоро выходит! — Прохоркин по-королевски раскинулся на диване.

— Шустро, — пробормотал я, сбитый с толку.

— Ни сегодня, завтра, Танечка меня пропихнёт в члены союза писателей, — Витюша налил себе чуточку коньяка, потом что-то вспомнив, отставил рюмочку в сторону.

— Пока кофе готовится, — я присел на кресло, — напишем с тобой статью в «Советский спорт».

А то Татьяна Владимировна меня несколько шокирует, не даёт сосредоточиться, ругнулся я уже про себя.

Прохоркин понимающе кивнул головой и сбегал на кухню за печатной машинкой. Затем вставил в неё листок и приготовился колотить по клавишам.

— От сессии до сессии, живут баскетболисты весело, — продиктовал я заголовок.

— А сессии всего два раза в год, — хохотнул Витюша.

— Точно, — я встал, и прошёлся по комнате, — С окончательной победой социализма в СССР, всё советское общество, как один, поступательно семимильными шагами движется по пути от социализма к коммунизму. Однако если придерживаться ошибочной доктрины, что в дороге никто не обещал, что будут кормить, мы далеко не уйдём! Именно сейчас, как никогда, экономика должна быть экономной. А что Советскому обществу даёт баскетбол?

Тут в комнату вошла Татьяна Владимировна и присела в кресло так, что её сексуальные ноги полностью выставились на моё полное обозрение. Чертовка, подумал я и выглянул в окно, тем самым приведя мысли в порядок.

— Какой экономический эффект в народное хозяйство привносит чемпионат СССР? — я развернулся и прошёлся по комнате стараясь не смотреть в сторону редакторши детской газеты, — за полтора месяца двенадцать команд проведут однокруговой междусобойчик. Где половина матчей состоится вообще для галочки, при полупустых трибунах. Кто ответит за эту бесхозяйственность, кто оплатит подготовку спортсменов остальные десять месяцев в году?

Татьяна Владимировна вдруг вскочила и, цокая длинными каблучками, кинулась «спасать» кофе, запах которого долетел в комнату.

— Так что ты предлагаешь? — Витюша оторвался от печатной машинки.

— Мальчики, отвлекитесь, давайте пить кофе, — Татьяна поставила поднос с тремя маленькими кружечками и тремя же стаканами воды.

Мы расселись так, что я вновь уперся глазами в хозяйку квартиры, а Прохоркин, оказался с краю.

— В самом деле, что ты, Богдан, предлагаешь? — редакторша пригубила горький иностранный напиток, запила его водой и провела языком по своей верхней губе.

— Если для победы коммунизма требуется перенимать опыт передовых в баскетбольном отношении стран, это нужно смело делать, — я посмотрел на Витюшу, — кстати, Виктор запиши это предложение.

И когда он продолжил автоматной очередью строчить по клавишам, я вновь встал. Нет уж, лучше думается стоя. На ноги и выпирающую грудь Танечки я насмотрелся, пора бы и

закругляться.

— В Национальной Баскетбольной Ассоциации за сезон проходит порядка четырёмсот пятидесяти игр, — я обошёл кресло, где раскинулась сексуальная фурия из «Пионерки» с обратной стороны, — каждая при заполненных двадцатитысячных трибунах. Сверхдоходы от спорта в загнивающих штатах попадают прямиком в карманы капиталистов. А у нас в СССР эти деньги могли бы пойти на развитие инфраструктуры, жилого строительства и сельского хозяйства. Но пока кому-то выгодно, чтобы наши советские баскетболисты жили, как студенты, от сессии, до сессии весло, которая у них всего один раз в год.

Я подошёл к писателю и выкрутил из машинки лист с практически готовой статьёй. Остальное дома от руки допишу, решил я.

— Рад был знакомству, — я галантно кивнул головой, — вижу, что Виктор в хороших руках. Давно пора в союзе писателей расшевелить тухлое литературное болото. Спасибо за кофе, до свидания.

— Постойте! — хозяйка квартиры проворно последовала за мной в прихожую, — пообещайте, что придёте в гости в это воскресенье. Мы с Витусиком презентуем книгу, соберется весь творческий московский бомонд. Будет Визбор, Женя Евтушенко, Роберт Рождественский, Беллочка Ахмадулина, молодые киносценаристы и режиссёры.

Раз меня не приглашают на бал Олимпийцев, почему бы и нет, подумал я, тем более интересно посмотреть, какого из киношников занесёт в сети этой развратницы. Кино ведь тоже снимать придётся новое на экспорт.

— Буду, — скромно пробубнил я.

Перед самыми дверьми Танечка всё же прижала меня к своей груди и чмокнула по-товарищески в щеку. А Витюша потряс мою пятерню.

— И еще приведите с собой Наташу и Анатолия, я большая поклонница ваших «Синих гитар», — ошарашила меня в конец редакторша детской газеты.

— Сделаю всё, что в моих силах, — я, наконец, выскочил на лестницу.

Хорошо, что сейчас не к Наташке еду, а домой к парням, весь ведь духами провонял, подумал я, усаживаясь за руль. Танечка, конечно, женщина полезная, но уж больно на молодых мальчиков бросается, а с другой стороны идеальных людей не бывает. У каждого свои скелеты в шкафу.

Я, конечно, слышал, что под Москвой есть целый подземный город, но представлял его несколько иначе. Трубы коллектора, где вода по щиколотку, или заброшенная ветка метро с рельсами и шпалами. Но здесь были высоченные в виде арок потолки и стены из белого кирпича. Широкие, как улицы старых европейских городов проходы и завалы из всякого торгового хлама, досок и старых тряпок.

— Замерли, — громко прошептал участковый милиционер Григорий Степанович Щелков.

Я и баскетболист московского «Динамо» Корней застыли, как древнеримские статуи и задержали дыхание. Непривычная для городского уха тишина вмиг заполнила всё пространство. И тут действительно где-то в непроглядной темноте что-то дзинькнуло. Может крыса пробежала, а может и тот изувер, которого мы здесь выслеживаем.

— Нам налево, — вновь скомандовал участковый.

Налево, направо, по этому лабиринту мы бродили уже два часа! Вечно я во что-нибудь впутаюсь, а нам, между прочим, завтра на гастроли выезжать по маршруту Минск, Киев и Одесса. А я вот здесь маньяка вылавливаю, низкий вам поклон за этот аттракцион Корнеев Юрий Иванович.

— Степаныч, может перекурим? — первым «сломался» Корней.

Участковый, тридцатилетний крепкий мужик, который имел разряд по гиревому спорту, пошарил лучом китайского фонарика в поисках подходящего места для привала. В метрах двадцати, к моему изумлению, прыгающий луч света выхватил из темноты деревянные нары.

— Над нами в двадцатых годах располагался Хитровский рынок, — тихо сказал Степаныч, когда мы двинулись к нарам, — прямо из ночлежек можно было спуститься сюда, где сами видите, никакая рука закона вас не достанет.

Мужики сели на край деревяшек, от которых неприятно пахло, поэтому я решил «перекурить» стоя. Щелков вынул из наплечной сумки пару бутербродов с сыром и протянул нам. В полной тишине наш временный сыскной отряд принялся пережёвывать нехитрую снедь, и каждый задумался о своём. Мои же мысли унесли меня к тому вчерашнему разговору, из-за которого я оказался в этих неприветливых московских подвалах.

— Пойдём, освежимся, — шепнул мне Корнеев, на балу Олимпийских чемпионов, когда Лидия Русланова запела про валенки...

Нет, пожалуй, по временной шкале нужно переместиться в самое раннее воскресное утро. В семь часов утра кот Василий решил, что хватит мне прохлаждаться и завёл свою стандартную песню.

— Мя-я-я-у-у! — затянул он, сев напротив моего уха, — мя-я-у!

Ну, правильно, Прохор в мансарде храпит так, что его пушкой не разбудишь. У Наташи тоже всё прекрасно с нервной системой, лишь я в последнее время плохо сплю. Иногда ночами встаю, долго ворочаюсь и не могу заснуть. Кстати, уже три дня, как Наташа переехала ко мне в избушку на окраину Измайлова, Вадька перебрался к Тоне в Большой Каретный переулок, а Санька и Толик поселились в своих первых съемных апартаментах. Для Толика нашлась комната в коммуналке здесь же в Измайлово, а Зёма отхватил себе хоромы в самом центре Москвы, комнату с высокими потолками на Арбате.

— Мя-я-у-у! — Васька снова проникновенным в самый мозг звуком напомнил о себе.

— Неужели так сложно хоть в воскресенье утром побыть нормальным человеком? — пробубнил я, открывая глаза.

Чёрный как смоль заметно разжиревший котофей уставился на меня немигающим взглядом. Вредное ты животное, хоть и полезное, подумал я, вылезая из-под одеяла.

— Ну, никто твою кильку в томате не тронет, — пробурчал я Ваське, — вон, целый ящик стоит под столом на кухне. Тридцать шесть банок.

Я с трудом спросонья вставил ноги в тапочки и пошаркал за кошачьим деликатесом. Васька засеменял следом. И когда же в СССР появится сухой корм для домашних проглотов? Вроде в начале девяностых, ну тогда уже в СССР никогда. Лёгким движением консервного ножа мелкую рыбёшку из банки я освободил через пару секунд. Василий не дожидаясь, когда эта килька аккуратно ляжет в его любимую миску, запрыгнул на стол и сунул мордочку прямо в томатный соус. Сейчас налопается и будет спать до середины дня, а я снова уснуть и не смогу. Вот так и происходит мирное сосуществование двух жизненных систем, человеческой и кошачьей.

Однако ещё одну половинку сна я досмотреть успел, но на сей раз затрезвонил дверной звонок. Убью, решил я, кто бы там, у калитки не оказался. Я прошлёпал в одних трусах, прихватив у печки кочергу, прямо в сени. На голое физически хорошо развитое тело я накинул телогрейку и сунул ноги в просторные безразмерные галоши. На крыльцо я вышел, как рыцарь-голодранец, который пропил все свои доспехи и меч в придачу. В общем, всё, кроме своего боевого славного имени.

— Предупреждаю сразу, бью только два раза! — крикнул я с крыльца, лихо закинув кочергу на плечо, — первый раз в лоб, второй раз по крышке гроба!

— Да открывай уже, свои! — гаркнули мне в ответ.

— Свои в это время дома спят, — пробухтел я и открыл калитку.

Во двор ворвался с дикими глазами Степан Спандарян, главный тренер сборной по баскетболу. Он долго тряс газетой и вспоминал приличные в культурном обществе литературные выражения.

— Какого ху..! — выдавил он из себя, — какого, я спрашиваю ху..., ты тут написал?

— Суренович, — я взял в руки номер «Советского спорта» со своей статьей, — не выражайся, пожалуйста, у меня в доме невеста спит, практически невинная девушка, а ты на весь район ругаешься по матери.

— Ты просто не понимаешь, какую бучу ты поднял, — Спандарян несколько осадил свой взрывной темперамент, — Романов мне вчера весь телефон оборвал, нужно чтоб ты сегодня был на бале чемпионов. Сам Никита Сергеевич хочет с тобой поговорить. Мало тебе было прошлых проблем?

Тренер присел на крыльцо и уставился в невидимую точку.

— Суренович, — я тоже пристроился рядом, — для того, чтобы наш баскетбол вышел на другой качественный уровень, пора заканчивать играть в псевдолюбителей. Сам видишь, пора вводить профессиональный статус спортсменам со всеми из этого вытекающими последствиями.

— В два часа в Большом театре поговорим, — рубанул рукой Спандарян, — конечно, если подумать — ты прав, но с таким характером долго точно не протянешь. Укатают Сивку крутые горки.

— Раз ты так считаешь, — я вернул газету тренеру, — не пойду на бал чемпионов. Тем

более меня на него никто и не приглашал.

— Эй! Эй! Эй! — Суренович вперился в меня дикими глазами, — я специально к тебе в восемь утра припёрся, чтобы ты случайно не умотал куда-нибудь! Если ты там не появишься, мне же шею намылят...

В московском подzemелье что-то очень громко грохнуло и стук, эхом разлетелся по всем направлениям. Недоеденный бутерброд я автоматически сунул в карман, и тревожно огляделся по сторонам. Всё-таки на мозг давила какая-то неприятная тягостная атмосфера, которая навевала суицидальные мысли и апатию. Я потрогал амулет от Тьмы, он был чуть-чуть тёплый. Мы, не сговариваясь всей командой, вмиг подскочили и легкой трусцой бросились на звук, прорезая темноту лучами тусклых китайских фонариков. И хоть старались мы ступать как можно тише, ботинки по полу всё равно громко бряцали, и создавалось ощущение, что бегут не три человека, а человек двадцать. Через полминуты мы воткнулись в тупик, который заканчивался завалом из деревяшек и ржавого железа.

— Крыса, — сказал участковый, поднимая ржавую подкову.

— Это что же за крысы такие, которые на ходу подковы теряют, — попытался пошутить я.

— Лучше тебе с ними не встречаться, — пробормотал милиционер, — говорят они достигают полметра в длину, мутанты, б...ть.

Степаныч, сунул свой фонарь в карман и развернул карту подземелий, а Корней посветил на неё.

— Мы сейчас здесь, — участковый обвёл пальцем район, — над нами Хитровская площадь. Предлагаю двинуться в сторону Солянки. Как твой амулет?

— Как опустился под землю всё время тёплый, но не горит, — пожал я плечами, — то есть стабильно хреново.

Да, именно из-за амулета я оказался втянут в поиски московского маньяка, ну и конечно из-за длинного языка Юрия Иваныча.

В два часа дня, в вестибюле Большого театра, я окунулся в Римские воспоминания, потому что людей, с которыми я не раз пересекался на Олимпийском бульваре, вокруг было сотни. Боксёры, гимнасты, штангисты. Боря Никоноров, боксёр легковес, сидел скромно у стенки, и не дожидаясь банкета, был уже чуть тёпленький.

— Боря, как дела? — я присел рядом.

— А ты налей и узнаешь, — грустно шикнул он, — мне даже письмо Дорис отправить не дают. Уже вызывали, куда следует, на мозги капали. За что? Я Олимпийский чемпион! За что!?

— Тихо, тихо, выведут, — я усадил политического бузотёра на место, — я во вторник еду на гастроли Минск, Киев, Одесса. Понимаешь, к чему клоню?

— А то, — Никонор даже протрезвел, — я еду с вами, а в Одессе тайно проникаю на корабль и в Турцию.

— Дурак, — обиделся я, — сегодня гастроли по стране, а завтра поедем выступать по странам соцлагеря. Из Берлина письмо отправим твоей Дорис, нужно только хорошо подумать, что написать.

— Ну да, дурак, — согласился со мной Никоноров.

В актовом зале сорок минут все спортсмены, приехавшие из разных уголков нашей бескрайней Родины, слушали о величии нашего Советского спорта и о направляющей роли коммунистической партии. Суть речей всех чиновников можно было свести к одной мысли,

если партия приказала выиграть Олимпийские игры, то значит, никаких проблем в этом быть у спортсменов не может. А то, что мы два раза с американцами играли, вне регламента, про это даже никто и слова не вякнул.

После чиновников микрофон взял Николай Озеров, который пригласил сборную СССР по баскетболу для награждения золотыми Олимпийскими медалями. Ну, наконец-то, шептались баскетболисты, пробираясь к сцене. Вся команда выстроилась в ряд, сначала тренерский штаб, затем мы, орлы, я, как самый низкий по росту, последний. Коробку с медалями вынесли из-за кулис две барышни приятной наружности, а вешать их на шею стал сам комментатор.

— Поздравляю, — говорил Озеров, вручая удостоверение и вешая медаль, — поздравляю.

Когда очередь докатилась до меня, то оказалось, что медали и удостоверения закончились.

— Это какая-то ошибка, — пробубнил Николай Озеров, пожимая мою ладонь, — недоразумение.

— Я когда границу пересекал, красные флажки видел, не удивлён, — тихо ответил я.

Потом чиновники о чём-то зашептались, засуетились, и оказалось, что для команды выделено всего двенадцать медалей для игроков и две для тренерского штаба. Поэтому у ассистента Конева Анатолия Константиновича решено было медаль отобрать, и передать её мне.

— Не, не, не, — вступился я, — если делить, то по-братски. Медаль Константинычу, а мне удостоверение.

После минутной заминки оркестр грохнул гимн Советского союза, Константиныч расчувствовался и даже пустил скупую мужскую слезу. А мне медаль всё равно вешать некуда, дома пока своего нет, а удостоверение сгодится. Ведь без бумажки, как известно, ты — букашка. Никита Сергеевич Хрущев всю торжественную часть сидел молча и задумчиво, а когда я появился на сцене, пару раз бросил на меня подозрительный взгляд. Что задумал, фиг поймешь. Потом ко мне подбежал какой-то незаметный шептунчик с папочкой, и вежливо попросил после финальных слов первого секретаря ЦК КПСС пройти в отдельный кабинет.

Ну что ж отдельным кабинетом меня не удивишь и не напугаешь, усмехнулся я. Хрущёв в заключительной речи перед фуршетом был краток, всего пятнадцать минут грозил кулаком проклятым империалистам. А затем народ с шутками и прибаутками выкатился в фойе театра к столикам, где среди закусок возвышались бутылки с вином, шампанским и коньяком. Меня же проводили тайными театральными коридорами в небольшой кабинет.

В уютной комнате, кроме нового чайного сервиза и Никиты Хрущева оказался ещё член политбюро Анастас Микоян. Внешне он чем-то напомнил мне Чарли Чаплина. Я порылся в закусках своей памяти, в поисках информации о Микояне. И вспомнил лишь, что занимался он внешнеторговыми отношениями. И ещё припомнил удивительный факт, Анастас был единственным членом политбюро, который высказался против ведения танков в Венгрию в 1956 году. Разумный мужик, удовлетворенно подумал я, усевшись за стол пока не понятно о чём переговоров.

Анастас Иванович из своей папки достал же заметно помятый номер «Советского спорта» и выложил его на стол. Я взял с подноса кружку и налил себе из заварника, разукрашенного под хохлому, чай. Хрущев при виде моей бесцеремонности хмыкнул. Слуг

здесь нет, а я, может, пить хочу, что мне теперь от засухи помирать прикажете?

— Кто тебя надоумил написать эту статью? — Микоян развернул газету на заголовке «От сессии до сессии, живут баскетболисты весело».

— Здравый смысл и жизненный опыт, — я хлебнул чайку и развернул газету к себе, — любой школьник, знакомый с математическими действиями сложением и умножением понимает, что экономическая выгода от организации профессиональной лиги для страны колоссальна.

— Наглец, мерзавец, — расслышал я, громкий шёпот, закипающего Хрущева.

Анастас Иванович положил свою ладонь на руку первого секретаря, пытаясь успокоить своего соратника по партии.

— И ты знаешь, как детально устроить это соревнование? — посмотрел Микоян, прицениваясь ко мне.

Торговец, что с него взять, усмехнулся я про себя, а Никита то сейчас как рванёт, главное от него чашки с заварником держать подальше.

— Ну, естественно, детали придётся дорабатывать по ходу пьесы, — я встал, так мне лучше соображалось, — на первый сезон нужно включить в лигу команды по территориальному признаку. От Советского союза: московские «Динамо» и ЦСКА, ленинградский «Спартак», тбилисское «Динамо», киевский «Сокол», минский «Буревестник», и три команды из Прибалтики. «Калев» из Таллина, ВЭФ из Риги и «Жальгирис» из Литвы. Далее из Варшавы одну команду, из Берлина, из Праги, из Братиславы, из Будапешта, из Софии, из Бухареста и две команды из Югославии, из Белграда и Загреба.

— Так это что такое получится? — удивился Микоян.

— Это получится Евролига, — я сел обратно и снова хлебнул чайку, — кстати, отличное название для стран социалистического лагеря, Евросоюз. Даже единую денежную единицу можно ввести, Евро. А как только мы объединим наши экономики, то враз доллар вместе с Америкой выбросим на помойку истории, а там уже и вся остальная Европа к нам подтянется, куда им деваться, горестным?

— Мерзавец! — заревел, как раненый зверь Хрущёв, — Наглец! Педераст!

Первый секретарь всё же дотянулся до новенького сервиза и, красиво расписанная растительными узорами кружка, полетела точнёхонько мне в голову. Но не того напал Никита Сергеевич, я резко нырнул под стол и перекатом ушёл к двери. Следующая чашка просвистела непозволительно не точно и разлетелась на маленькие куски, воткнувшись в стену в трёх метрах от меня. Ну, нельзя так волноваться, когда целишься в голову, так вся посуда зазря на части разлетится.

— Мазила! — успел выкрикнуть я и прежде, чем Хрущёв ухватил заварочный чайник, выскочил за дверь.

За спиной раздался удар, треск и звук разливающейся по полу жидкости.

— Никита успокойся! — услышал я голос Микояна, — успокойся!

— Я ему покажу Кузькину мать! — орал Никита Сергеевич, разнося вдребезги остатки чашек и чайных блюдец, — педераст!

Я потом долго тряса от смеха, пока топал по узким коридорам театра на звуки веселой музыки, которая играла в фойе, где был организован фуршетный стол. И чего так Никита расвирепел, чем ему Евросоюз не угодил с единой денежной системой? Сам же хотел Америку догнать и перегнать, а как это можно сделать в принципе пока доллар — это

мировая резервная валюта? Эх, плохо, когда образование всего два класса церковно-приходской школы, особенно для всей страны.

Даже сейчас в подземелье я невольно улыбнулся, вспоминая, как безжалостно Хрущев расправился с новеньким чайным сервизом. Внезапно амулет от Тьмы заметно нагрелся. Но я решил пока об этом не говорить компаньонам, и мы продолжили мерить шагами московские подземелья.

— Стоп! — наконец выдал я из себя, — вот сейчас амулет снова стал остывать. Может быть, мы пропустили скрытый какой-нибудь поворот?

— Да хрен его здесь разглядишь, — пробубнил Корней, который сам уже стал себя ругать за то, что влез в это безнадежное дело.

— Давайте топать обратно, — пожал плечами участковый Григорий Степанович Щелков.

Мы развернулись и с утроенной энергией принявшись шарить фонариками по всем углам, пошагали уже пройденным путём. В этот раз амулет был стабильно тёплым и никак не реагировал на изменения подземного убранства. Вокруг была всё та же кирпичная стена, и валяющийся по углам деревянный и тряпичный хлам.

— А может маньяк был за этой стеной, — я посветил фонариком в бок, — мы шли по эту сторону, а он крался по ту.

Степаныч вновь достал схему подземелий.

— Вот здесь, поворот, — он ткнул грязным пальцем в план, — нужно разделить и погнать поганца, как на охоте в западню.

— Давай Богданыч, ты как самый быстрый из нас жди маньяка здесь, — Корнеев показал место для засады на карте, — а мы со свояком ломанёмся в обход и погоним мерзавца сюда.

— Голыми руками мне его брать что ли? — удивился я и выразительно посмотрел на служебный пистолет участкового.

Степаныч закричал, передвинув кобуру за спину, потом бросил взгляд по сторонам и подобрал для меня оружие ближнего боя, которым оказалась ржавая железная палка.

— Ты главное его не убей, — пробубнил милиционер Щелков, — нам ещё женщин бы найти, и желательно живыми.

Не знаю, что про меня наплёл своему свояку участковому баскетболист Юра Корнеев, но мои способности он заметно приукрасил. И что мне теперь сказать, что мне офигенно ссыкотно, что я боюсь и крыс и темноты? С другой стороны, я здесь самый резкий, чуть что убегу.

— Окей, поступим по-вашему, — проямлил я, — чего резину тянуть. Сейчас маньяка скрутим и по домам.

Последние мои слова и Корней, и Степаныч уже не слышали, так как поспешили претворить свой план в действие. И остался я один среди пугающей подземной пустоты, в которой где-то периодически что-то брякало, ухало, и вообще казалось, что за нами кто-то постоянно следит. Когда шаги моих компаньонов стихли, я поплёлся в противоположном направлении, каждые десять секунд бросая тревожные взгляды за спину, и не добрым словом поминая вчерашний фуршет.

— Пойдём, освежимся, — шепнул мне Корнеев, когда Лидия Русланова запела про валенки.

— Нельзя валенки носить, Не в чем к милому ходит! — загорланила под аккордеон неприятным голосом старушка одетая в национальный костюм.

Мы с Корнеем вышли на крыльцо под колонны Большого театра, и отошли от другой компании курящих Олимпийских чемпионов метров на семь.

— У меня свояк есть, — Юра чиркнул зажигалкой и закурил, — работает участковым в Бауманском районе, здесь не далеко.

— У меня с законом пока все в порядке, — хохотнул я.

— Что за привычка хихоньки свои вставлять! — Корней смял свою сигаретку и бросил её в урну, — за неделю пропали две женщины.

Я хотел сказать, а я-то тут причём, но воздержался.

— А буквально вчера какой-то придурок совершил нападение ещё на одну жертву, — Юра посмотрел в сторону безмятежно шумящей улицы, — в газетах, понятное дело, про такое не пишут, зачем народ волновать. Женщине удалось отбиться, и убежать. Говорит, что нападавший был в противогазе и вылез он из коллектора. А я, когда из Рима приехали, под водочку свояку про тебя всё и растрепал, про то, как ты девочку помог найти.

— Надеюсь, про Борю Никонорова ты не додумался ему рассказать? — я смачно выругался про себя.

— Боря это другое, — виновато пробормотал Корней.

Юра, Юра, бубнил я зло себе под нос, пока ковылял по улицам непонятно кем отстроенного подземного города. Это же сколько труда вбухано в подземелье. Ровенькая кирпичная кладка, аккуратные своды высокого арочного потолка. Внезапно фонарик замерцал, и я похлопал его по корпусу, может контакт отошёл, как-никак китайцы делали. И вдруг мерцающий луч света выхватил голый белый торс и плоскую человекоподобную морду.

— Сука! — выкрикнул я и отмахнулся железякой, и тут же сделал несколько шагов назад так, чтобы спиной прижаться к стене, — убью, бл...ть! Не подходи, порву, сволочь!

— А-у-у-а! — выкрикнуло чудовище.

С боков замелькало ещё несколько полуголых человекоподобных существ.

— У меня мясо отравленное! — заорал я, — размахивая палкой из стороны в сторону, — подавитесь твари уродливые!

Как назло фонарик продолжал мерцать, но я заметил, что краем палки успел зацепить кого-то, и по коридорам подземного лабиринта прокатился человеческий визг.

— А-а-у-у-у! — завывли остальные.

Я разглядел пять или шесть похожих на людей животных, все они были скрючены и перемещались прыжками, как лягушки, и небольшими перебежками на согнутых ногах. Наверное, часто приходится ползать на четвереньках, подумал я, и снова замахал уже окровавленной палкой.

— Хрен вы получите, а не Володю Шарапова! — я ринулся в резкую контратаку.

Зацепив ещё двоих, вновь откатился к стене, и зло заулыбался. Слава Богам фонарик заработал, как надо. Однако подземные дикари не спешили разбежаться, они как стая волков стали расхаживать взад и вперёд, предполагая взять меня измором. Но тут из темноты вышел, шагая, как вполне нормальный человек, косматый, бородатый и одетый в рванину старик.

— Эо ао эя, — прокаркал он противным голосом мне.

Это наша земля, понял я благодаря моему дару понимать всех, кто способен

членораздельно выражаться, или почти членораздельно.

— Мне по херу, — я сплюнул презрительно на пол, — мы ищем маньяка, который похищает женщин. И если вы сейчас не разбежитесь по норам, то каждый из вас получит порцию успокоительного свинца.

Вдруг какой-то уродец схватил с пола камень и метнул мне в голову, надо признать он был более меток, чем Никита Сергеевич, но и я не подкачала. Я резко пригнулся, и когда каменная крошка посыпалась мне на волосы, я вновь ринулся в атаку, размахивая ржавой железякой. Того, кто бросил камень я зацепил по плечу, и ещё одного, который решил вцепиться мне в ногу я треснул по спине.

— Что съели, уроды! — я вновь откатился к стенке.

Ещё пара мерзких порождений подземного города завыли, зализывая раны.

— О айэ о уаэ, — прокаркал самый крупный самец из всех полуголых уродцев.

Он спрашивает о чужаке, перевёл я для себя речь самца, которую тот обратил к косматому старику.

— Оаэ еу ооо уаа и у уои, — ответил ему мужик.

Покажем ему логово чужака, и пусть уходит, снова понял я.

— Давно бы так, а то лезете с голой пяткой на шашку, — я зло заулыбался и потряс окровавленной железякой.

— О а оиае, — удивился самец.

Он нас понимает, сказал, по всей видимости, молодой вожак стаи старому. Внезапно дикари завыли, как волки и бросились в разные стороны, растворяясь во тьме. Рядом осталась мелкая особь человекообразного животного. Либо ребенок, либо подросток решил я.

— Веди, Сусанин, — я облегчённо выдохнул.

Это я только внешне выглядел невозмутимым, а на самом деле, руки так и тряслись от страха и омерзения. Полуголый подросток поскакал на четырёх конечностях, поглядывая на меня, как собака, которая ведёт куда-то хозяина. Я побежал следом, опасаясь отстать и потерять из виду дикаря, ведь фонарик вновь начал барахлить и неприятно мерцать во мраке. Самое удивительное этот уродец привёл меня на то же самое место, из которого мы разошлись с компаньонами минут пятнадцать назад. Он отодвинул тяжелый деревянный ящик и моему взору открылся лаз в полу.

— У-у-у, — пропищал дикарь.

— Здесь? Ну, тогда держи, — я вынул из кармана не доеденный бутерброд с сыром, и протянул его, — заслужил.

Получеловек осторожно подкрался и быстро выхватил из моих рук еду, потом на его плоском лице рот исказился невероятно страшной беззубой улыбкой. И в следующее мгновение дикарь скрылся во тьме подземного лабиринта. Мне осталось только дожидаться участкового Степаныча с Корнеем, чтоб высказать им «пару ласковых». Я автоматически потрогал амулет, он был стабильно тёплым, но не более. Из-за пережитого стресса мысли сами унесли меня во вчерашнее посещение презентации книги «Звездные войны. Скрытая угроза».

Когда я прямиком из Большого театра появился в квартире главной сексуально раскрепощенной редакторши «Пионерской правды» веселье уже было в самом разгаре. На кухне Гена Шпаликов с Андроном Кончаловским о чём-то громко спорили под коньячок. В большой комнате Толик Маэстро, который пришёл, как и моя Наташа вовремя, пел под

гитару хит Юрия Антонова «Двадцать лет спустя».

— Этот день нам вспомнится не раз, Я его так ждал, Как мне хорошо с тобой сейчас, Жаль, что вечер мал...

С нескрываемым интересом моего друга слушали и Белла Ахмадулина, и Юрий Визбор и Андрей Тарковский, и Наталья Рязанцева, первая жена Геннадия Шпаликова. Удивительное дело эта красивая девушка была очень похожа на вторую жену поэта и сценариста Инну Гулая. Я скромно присел на стул в угол комнаты. Виновника торжества, Витюшу Прохоркина, я здесь не наблюдал. Зато Татьяна Владимировна была в длинном темно-синем облегающем платье и «поедала глазами» Толика. Предупредить бы товарища успеть, подумал я. В комнате были ещё какие-то не знакомые мне парни и девушки возрастом двадцать плюс.

— Хочу, чтоб годам вопреки, Так же были мы близки...

В поисках Наташи я встал и заглянул в соседнюю комнату, а там Витюша размазывал на кулак сопли. А моя ненаглядная пытаюсь его успокоить, гладила по голове.

— Виктор разве можно перед такой красавицей распускать нюни? — я присел рядом на банкетку.

— Евтушенко, сказал, что моя книга полное говно, — швыряя носом, пожаловался писатель.

— Ну и дал бы ему в морду, делов-то на копейку, — усмехнулся я.

— В отличие от некоторых, — фыркнула Наташа, — Виктор человек интеллигентный и не может бить каждого встречного поперечного по лицу.

— Ничего, ничего, — я похлопал Витюшу по плечу, — учиться никогда не поздно, как сказал какой-то древнеримский мудрец.

После песен под гитару хозяйка квартиры поставила в радиолу нашу пластинку, ту самую, которую мы записали несколько месяцев назад. Стол с выпивкой и закусками отодвинули к самому окну, и народ бросился отжигать под «Синих гитар». Я же переместился на кухню, разговоры о будущем Советского кинематографа меня занимали куда больше, чем танцы.

— А я говорю снимать надо так, как Трюффо! — горячился Шпаликов.

— Да какая разница! — перекрикивал его Кончаловский, — главное в кино вернуть жизнь, снимать без декораций и приклеенных усов, прямо на улице, живой движущейся камерой.

— А как вам такой сюжет, — вмешался в разговор я, — льёт дождь, по асфальту идёт босиком девушка, а вокруг неё кружит велосипедист, который держит зонтик?

— Здорово, — согласился Геннадий Шпаликов, почесав задумчиво свой затылок.

Ещё бы не здорово, усмехнулся я, сам же этот сценарий напишешь для Георгия Данелия через пару лет.

— У кого учишься? Режиссёр, сценарист? — в кухню зашёл Андрей Тарковский, худой черноволосый паренёк.

— Не решил куда поступать, — соврал я, — а как вам такая идея, коммерческого массового кино, блокбастера. Огромная акула людоед атакует беззащитных туристов на пляже южного капиталистического городка. И в бой против чудовища вступает местный опытный рыбак, полицейский шериф и наш советский ихтиолог, приехавший сюда случайно на конференцию. Фильм держит в максимальном напряжении все два часа экранного времени. Очереди в кинотеатры из простой не изысканной публики вырастают в километры.

А на афише крупными буквами название «Челюсти».

— Кино для масс, — презрительно цыкнул Тарковский, — ерунда. Кино должно воспитывать нового думающего человека.

— Давайте за это выпьем, — обрадовался хорошему поводу Шпаликов.

— Ну почему Андрей? — вступился за меня Андрон Кончаловский, поправляя на носу очки, — в этом тоже что-то есть, кино для больших масс не может быть сверхинтеллектуальным.

— Тем боле если деньги от блокбастера посыплются в государственную копилку звонкой монетой, — я похлопал Тарковского по плечу, — это совсем не ерунда.

В подземелье вдруг что-то громко зазвенело и зашуршало впереди. В левую руку я взял фонарь, а правой приготовился лупить всех монстров, которые готовы были выскочить из-за поворота.

— Бля...ь! — заорал, падая на кирпичный пол Корнеев, — понаставили здесь ящиков, суки!

— Ну чё как? — поинтересовался моими успехами участковый Петрович, пока Юра матерясь отряхивал брюки.

— Вот его логово, — я кивнул головой на дыру в полу и осветил туда фонариком.

Мы с компаньонами переглянулись, и без слов было понятно, что лезть первым в лаз никто не желал. Но так как ловить преступников — это дело, прежде всего милиции, а не баскетболистов сборной СССР, Щелков тяжело вздохнул и пошёл в логово маньяка первым. Я протиснулся следом, а замыкающим двинулся Корней. Нора, которую вырыл либо сам преступник, либо кто-то до него была метра полтора в диаметре. И Юре пришлось ползти на коленях, а я и Петрович шли по ней гуськом. Когда из ямы вылез я, амулет заметно потеплел. Петрович же непрерывно светил в одну точку, это была ещё одна дыра, но уже в стене. Если маньяк там, а амулет мне подсказывал, что это так, он сто процентов знал, что здесь пришли по его дьявольскую душу.

Участковый показал нам с Корнеем знаком, чтобы мы встали по краям с разных сторон от пролома в стене. Если бы у маньяка был бы огнестрел, он давно бы уже пустил его в ход, подумал я, и пока Петрович не знал, как начать штурм, я выкрикнул.

— Гражданин маньяк ваше положение безнадежно! Выходить приказываю с высоко поднятыми руками, тогда мы гарантируем сохранить вам жизнь! Иначе открываем огонь на поражение, на раздумье одна минута!

Из-за стены раздались жалкие женские стоны. К сожалению нельзя было разглядеть, что там внутри происходит, так как с той стороны пролом был завешен плотной тряпкой.

— Ты чё охренел? — зашептал мне милиционер.

— Пока нет, но сейчас точно охренею, — процедил я и сделал два шага назад.

Выдох, вдох и я резко рванув прямо на дыру в стене, прыгнул вперед головой. Я влетел ласточкой в комнату и сделал кувырок, как на тренировке в спортзале. В помещении высоко на стеллаже горела тусклая свеча, но и этого света хватило, чтобы рассмотреть в углу большую клетку, в которой сидели чумазые в изодранной одежде женщины. Рты и руки у обеих невольниц были завязаны грязными тряпками. Самого же маньяка нигде не было. Через пару секунд в комнату ворвались и Петрович с Корнеем.

— Сбежал падла, — пророкотал участковый.

И тут из-за грязного топчана с тряпьем выскочила фигура в шинели и противогазе. В руке безумец сжимал молоток, которым он первым делом зарядил в голову игроку

баскетбольной сборной СССР. Но Юра вовремя успел отклонить корпус, однако боёк молотка знатно чиркнул его по лбу. Корнеев грохнулся на пол и, воспользовавшись нашей заминкой, маньяк тут же юркнул в дыру. Я перепрыгнул через тело поверженного товарища и припустил следом. Преступник, как ящерица нырнул в лаз. Я, не раздумывая, тоже прыгнул ногами вниз, и гуськом пошагал по узкому проходу. Когда же моя голова появилась над поверхностью пола, меня ждал «веселый» сюрприз, молоток, летящий прямо в глаз. Я интуитивно тут же нырнул обратно, и хоть древнейший ручной инструмент и пролетел мимо, отскочив от стены, он все же шмякнул меня по макушке. Но нащупывать шишку под взлохмаченными волосами было абсолютно некогда. Я высоко выпрыгнул из лаза вверх и заметил, как маньяк улепётывает за поворот. Упустил, билась предательская мысль в голове, когда я летел, перепрыгивая завалы из досок и тряпья. Неужели упустил суку, материл я сам себя. И тут на очередном крутом повороте я еле затормозил и вдруг запнулся за что-то и полетел руками вперёд. Фонарь откатился в сторону. На счастье падение моё оказалось мягким, ведь я приземлился прямо на спину беглеца. Всю злость я вложил в боковые удары, которые несчастный маньяк стал получать из-за своей спины. Секунд двадцать я молотил мерзавца, как грушу, пока тот не перестал мычать и шевелиться. Я с трудом встал, отдышался и поднял китайский фонарик, и вдруг заметил, что впереди в проходе мелькнул голый торс дикаря, который и показал мне логово преступника.

— Эй, парень! — крикнул я, — спасибо!

Я стащил с башки маньяка противогаз, под которым оказалась самая заурядная внешность короткостриженного зэка. А через две минуты за спиной замелькали лучи фонарей моих товарищей.

— Я же просил не убей, — расстроился участковый Щелков.

— Да живой он, просто в отключке, — пробурчал я, нащупывая большую шишку на макушке, — и что я теперь дома Наташке совру? — я тяжело вздохнул, — Кстати, Петрович, а у тебя еда ещё осталась?

— Проголодался? — удивился милиционер, — вот только кусок сахара завалился.

— Какой на ху... сахар, сейчас идём в ресторан, если ты, Петрович, после всего этого не простишься, прокляну, — улыбнулся Корнеев, прижимая ко лбу кусок марли.

— Да без базара, — хохотнул участковый, — сейчас только этого определим в отделение, а женщин в больницу.

Подумать только, дикарь, который вырос в этих жутких катакомбах, оказался более человечным, чем человек, выросший среди людей, на воле, горько усмехнулся я. Потом взял у Петровича кубик сахара и аккуратно на бумажке положил его поближе к стене.

Только-только взошло солнце над Москвой, а у главного входа в ДК Строителей кипела работа. Толик Маэстро, как обычно принимал минимальное участие в переноске аппаратуры из репетиционной комнаты в микроавтобус. В его обязанность входило транспортировать гитары, запасные струны и концертные костюмы. Самое тяжелое, а именно микшерский пульт и синтезатор, тащили Вадька и Богдан. А Санька как обычно крутился вокруг своих «ненаглядных» барабанов.

Ещё бы играть на них нормально научился, раздражённо думал Толик, сидя на ящике около автобуса. Прямо так бы и врезал ему в ухо во время дискотеки. Ещё ни одной песни не отыграли, чтобы этот рыжий обалдуй не сбился! И хорошо, что сейчас живу один, найти бы кого-нибудь, кто мне поесть бы готовил каждый день, и вообще будет — лепота.

— План такой! — скомандовал Богдан, — если мы сейчас, не будем брать пример, вот с этого нашего товарища, — он показал пальцем на Толика, — то через десять минут должны уже стартовать! До Минска нам тащиться часов десять. Вот и считайте. В пятом часу будем там, в семь уже дискотека.

— А может, Толика здесь оставим? — высказался «самый умный» Санька Земакович.

— Вот когда создадим девчачью музыкальную группу, — Богдан махнул рукой в сторону Наташи и Лизы, — вот тогда Толика здесь и оставим!

Девчонки удивлённо переглянулись.

— Да вы задрали! — подскочил с ящика Толик, — гитары уже там, костюмы тоже там! А я уже здесь, готов ехать хоть в Минск, хоть в Гомель.

— А рубашки запасные, Мамин-Сибиряк таскать за тобой будет? — пробурчал Вадька, — или ты в дороге нам их стирать собрался?

— Так бы сразу и сказали, — смирился с неизбежным Маэстро и пошёл в дом культуры за запасными рубашками.

В дороге, пока за окнами бессмысленно мелькали елки и осины, Толик пересел поближе к водительскому креслу. Очень хотелось ему прояснить несколько вопросов, особенно касательно непонятной девчачьей группы. Вообще с Богданом он был знаком больше года. Поначалу это был обыкновенный, как и вся их детдомовская компания, раздолбай. А вот когда Богдаша грохнулся с крыши, всё в их жизни завертелось, закружилось и резко поменялось. Теперь понять, что творится голове друга, было решительно невозможно. И что это за девчачья группа, такая?

— Богдаша, — кашлянул Толик, — сколько ещё нам ехать?

— Стрижка только началась, — усмехнулся друг, для чего-то упомянув парикмахерскую, — больше восьмидесяти наш «Икар» не выжимает, так что девять часов минимум. Иди, досыпай.

Маэстро посмотрел в салон автобуса, Вадька и Санька тихо посапывали на задних рядах, Наташа прикемарила, сидя прямо за водителем. Новенькая участница группы Лиза Новикова, спала, наклонившись на сумку в середине автобуса. Ничего такая, эта новенькая, лицо как у лисички, волосы по плечи, крашенные под блондинку. Фигурка миниатюрная, и в тоже время аппетитная. А как надела наш концертный костюм, так вообще красавицей стала. Даже Наташка от злости перекосилась. Ну, а что, всё по-честному было на прослушивании. Я, Вадька и Санька проголосовали за Лизу, Богдан за худосочного очкарика,

а Наташа за смешную толстуху. Богдан тогда сказал очередную непонятную фразу, что демократия — это власть тьмы над разумом, но всё что ни делается — к лучшему. Только старовата Лиза немного, уже двадцать пять лет стукнуло. Ну, ничего, у меня и постарше были.

— Слушай, Богдан, — спросил Толик, посмотрев в окно, — а что это за парни, с которыми ты спорил про кино, на вечеринке этой, книжной?

— Андрон Кончаловский, Андрей Тарковский и Гена Шпаликов, — широко зевнул друг, — талантливые ребята, через год другой и сценарии писать будут и кино снимать хорошее.

— А тебе-то, какое до этого дело? — удивился Маэстро.

— Мне-то? — усмехнулся Богдан, — для того, чтобы нашу многострадальную Родину, причесать, одеть по-человечески, накормить, квартирами и домами всех обеспечить денег нужно много, особенно на первое время. Вот книга эта, «Звёздные войны», её хоть сейчас переводи и на запад миллионными тиражами толкай. Или шмотки наши, джипсы, да ко мне каждый день в Риме подходили покупатели.

— А может и музыка наша для запада сгодится? — Маэстро почесал свой затылок.

— Соображаешь, дружище! — обрадовался Богдан, — не весь конечно репертуар, но многое. Вот и кино необходимо снимать специальное, блокбастеры, экшен. У всего этого есть научное название — экспорт массовой культуры. Если сейчас не подсуетится, то завтра поздно будет пить боржом!

Тут автобус заметно трянуло, и весь народ в салоне разом проснулся.

— Не дрова везёшь! — пискнул с «камчатки» Санька.

— Не дрова, — согласился Крутов, — но и не яйцо куриное! Потерпите. Тем более тут дороги почти что нет. Одна видимость.

— А театр, с которым ты возишься, тоже на экспорт? — Толик поморщился, вспомнив, как его друг просиживал допоздна, сочиня сценарий.

Песни бы лучше так писал, подумал он.

— Нет, — Богдан, как слаломист объехал четыре большие ямы, — «Ирония судьбы» — это наша тема, местечковая.

— Мне, между прочим, спектакль нравится! — вмешалась вредная Наташка.

— Для чего тогда ты как «высаживаешься»? — удивился Маэстро, — пишешь сценарий, переписываешь его, с актёрами нянчишься. Одна наша училка литературы чего стоит, уже два раза истерики закатывала на нашей, кстати сказать, репетиции. Видите ли, ей роль не нравится!

— Это, чтобы помочь одному хорошему человеку, — рассердился Богдан, — и спите уже, дайте человеку спокойно следить за дорогой, которую с войны 1812 года никто нормально не ремонтировал.

— Это Сёмка Болеславский хороший что ли? — пробурчал Толик и пошёл спать в середину салона, поближе к новенькой Лизе.

Если про девчачью группу ничего конкретного не сказал, значит, это у него шутка такая была, успокоился Маэстро, искоса поглядывая на новенькую симпатяжку.

После беготни по московским подземельям я вернулся домой грязным, уставшим, но воодушевлённым. Во-первых, женщин спасли, а маньяка взяли, во-вторых вернулся живой и здоровый, в-третьих пока там страху натерпелся, придумал, как закончить «Иронию судьбы». Ох, уж этот спектакль, всю душу из меня вытянул. Сейчас вот еду, рулю, на душе хорошо. Дальняя дорога успокаивает. Сегодня во вторник, значит, дискотека в Минске, в среду в Киеве, в четверг в Одессе. На обратную дорогу нужно закладывать два дня. А в воскресенье в два часа для представителей министерства культуры закрытый премьерный показ спектакля. Лично я, сделал всё, что мог. Вот, только литераторша хандрить стала, говорит, что её роль ругательная и унижает достоинство всех честных Советских женщин.

— Она значит, для него салат приготовила! — кричала на меня в коридоре ДК Юлия Николаевна, гневно морща свое красивое личико, — причёску навела, платье новое как дура напялила, а он мерзавец и сволочь к другой бабе праздновать уехал!

— Это же театр, здесь всё условно, — оправдывался я, — потом это вышло случайно.

— Знаю я эти ваши мужские случайности! Не вчера родилась! — эмоционировала она, — значит так, Кругов. Дописывай финал таким макаром, — училка решительно махнула кулачком, — Лукашин бросил в Ленинграде свою кикимору и приполз ко мне на коленях просить прощение с цветами в зубах. А я ещё подумаю, прощать его или нет! Ха-ха-ха!

Не хочет такой роли, не будет никакой, главное сейчас сильно не напортачить на премьерном показе. Мы — театр любительский, какой с нас спрос? И тут я что было сил, надавил на «бибикалку».

— Куда ты прёшься по встрече! — крикнул я в окно трактористу, который смотрел на меня осоловелыми мутными глазами, — комбайнёр-механизатор, блин.

В автобусе опять все проснулись и завозмущались, намекая, что они не дрова. Как будто я специально их трясу и получаю от этого сомнительное наслаждение.

В городе пока ещё не герое, Смоленске, решено было «заморить червячка» в местной столовке. Молодцы смоляне, город чистенький, по крайней мере, центральные улицы, точка общепита новенькая отремонтированная. И даже поварихи приветливые.

— Вы откуда такие красивые едите? — заулыбалась на раздаче молодая женщина в белом фартуке, — иностранцы что ль?

— Студенты Массачусетского университета, — брякнул я за всех, — перенимают наш опыт.

— Ес, ес, — закивал, подыгрывая мне Санька.

— Ес сов кос, — с умным видом бросил Толик, демонстрируя голливудскую улыбку.

— Интересуются, — я повел рукой в сторону своей музыкальной банды, — как успехи у нас в деле построения коммунизма.

— С коммунизмом у нас на центральных улицах хорошо, — призналась женщина, — а вот на окраине пока не очень.

— Да чё не очень! — возмутилась бабушка на кассе, — плохо у нас на окраинах с коммунизмом, канавы одни да грязь.

— Мерси, мадам, — сказала Лиза поварихе, принимая тарелку супа.

— Француженка, — прокашлялся я, — по-английски ни бельмеса. В аэропорту перепутали, куда её теперь девать сами не знаем.

— Ой, — разволновалась вдруг подавальщица, — давайте я вам из другой кастрюли лучше налью.

Мы, как по команде, вернули тарелки с супом назад. Работница столовой с виноватым

видом слила их обратно в общую кастрюлю, а взамен налила из другой тары, которая пряталась под прилавком. Кастрюля специальная, исключительно для работников ОБХСС и иностранных гостей.

Лишь в автобусе моя команда дала волю чувствам и расхохоталась. Через пять часов должны быть в Минске, я посмотрел на карту дорог, прикидывая примерный путь. И тяжело вздохнув, снова попылил по испещрённым бесхозяйственностью и разгильдяйством дорогам страны.

В столице Белорусской социалистической республики я пару раз не там повернул и немного заплутал. Пришлось обращаться к местным жителям. Я вышел из микроавтобуса и спросил первого встречного, мужичка лет пятидесяти в старом помятом пиджаке.

— Товарищ, как проехать к ДК Профсоюзов?

— Вам нужна «усыпальница Юзика Бельского»? — хитро прищурившись, ответил прохожий.

— В смысле? — растерялся я, — мы тут значит к нему с подарками, а его уже усыпили? Бедный Юзик!

— Да, ты чё парень, — испугался мужик, — это мы по-простецки зовём ДК усыпальницей. Езжай прямо, как увидишь Сталина на площади, там уже дворец ваш будет.

По совету прохожего я действительно поехал прямо. Миновали мост через речушку Свислач, потом какой-то парк и тут из-за домов выскочил десятиметровый гигант на постаменте с профилем отца народов.

— Ух, ты какая громадина! — крикнул всегда эмоциональный Санька.

— Да, согласился я, бронзы у нас в стране завались! — я подрулил к величественному великолепному зданию, которое как будто сошло с картинки книги об античных героях.

Мы дружно повыскакивали из автобуса и принялись разминать затёкшие ноги и руки. Я попросил Наташу, чтобы она отыскала директора заведения, а сам вместе с друзьями стал вытаскивать инструменты и аппаратуру. К моему глубокому сожалению за два часа до танцевального вечера было продано всего четыреста билетов. Это сообщил мне директор Василий Миронович, которого привела Наташа.

— У вас проигрыватель пластинок есть? — у меня сразу заработал в голове компьютер по разругиванию тупиковых ситуаций.

— Естественно, — недовольно сказал директор, высокий и статный мужчина в хорошем дорогом костюме, единственное его портит некрасиво выпирающий живот.

— Отлично, а радиорубка, из которой можно вывести звук прямо сюда на площадь? — я осмотрелся по сторонам.

— Естественно, молодой человек, — кивнул Василий Миронович.

— Может быть, у вас в ДК имеется ещё детский танцевальный коллектив? — улыбнулся я, так как не всё было безнадежно.

— И коллектив танцевальный сейчас репетирует на первом этаже в колонном зале, — уже начал психовать директор.

— Наташа и Санька за мной, Лиза возьми в автобусе в коробке нашу пластинку и бегом за глубокоуважаемым товарищем Василием Мироновичем в радиорубку, — я размахался руками, показывая кому и куда бежать, — Вадька, Толик на вас настройка инструментов в большом зале. Ну что, на раз, два ломанулись!

Через пятнадцать минут мальчики в соломенных шляпках и льняных рубаха с вышитыми узорами у ворота и на груди, а также девочки в каких-то намитках на головах, и в

расшитых юбках и фартучках высыпали на крыльцо Дворца культуры. Руководительница кружка народных танцев, конечно, смотрела на меня с презрением, но приказы начальства здесь ещё обсуждать не привыкли.

— Дети, это Санька, он танцор диско, — я показал рукой на Земаковича, — а эта девушка, Наташа — она принцесса на горошине, — указал я на свою подругу.

— Настоящая? — заинтересовалась глазастьенькая девчоночка лет десяти.

— Да, из дворца, — улыбнулся я, — сейчас они вам покажут, как сейчас танцуют на дискотеке в Москве. Лиза! — крикнул я в окно второго этажа, — заводи пластинку!

Немного жаль, что-то кто-то додумался высадить в трёх метрах от крыльца неуместный здесь ряд деревьев, но что поделать, не рубить же их, в самом деле. Я отогнал за угол микроавтобус и решил посмотреть, как репетиция диско танца выглядит со стороны. Первые аккорды заводных гитар грянули весело прямо над неторопливым и меланхоличным городом. Не над всем, конечно, но у памятника Сталину слышимость была хорошая.

— Что здесь такое происходит? — ко мне подошёл постовой милиционер.

— Репетиция перед праздником великого Октября, товарищ лейтенант! — выпалил я, вставь в стойку смиренно.

— Сержант, — поправил меня милиционер, — хорошее дело, — согласился он.

А народ на звуки неизвестной здесь пока ещё музыки стал прибывать и толпиться в непосредственной близости от танцующих детей.

— Что тут будет-то, а? — спросила меня толстая мамаша с маленьким ребёнком.

— Деньги давать, наверное, будут, — соврал я.

— За что? — удивилась женщина.

— Как за что? — я оторопел, — бесплатно!

— Врёшь ты все парень и не краснеешь, — пристыдила она меня.

— За что купил, за то и продаю, — обиделся я, — вон там спросите, — я махнул рукой в другой конец толпы.

— Да не, — сбоку подошёл молодой человек, — танцы скоро здесь будут.

— Какие танцы? — я посмотрел большими глазами на незнакомца.

— Ясно какие, — он презрительно сплюнул на асфальт, — пляска.

Чтобы не наврать ещё чего-нибудь я от греха выбрался из народа и проскользнул в здание ДК Профсоюзов. Ого! Какой шикарный зал приготовил для дискотеки директор. По периметру тянулись ложи до самого потолка, как в Большом театре.

— Смотри, Богдаша, какой звук отличный! — Толик ударил по гитаре, и сыграл соло из летящей походки, — не то, что у нас в строителях.

Я запрыгнул на сцену и попробовал звучание своей ритм гитары, на самом деле из-за архитектурной особенности зала оно получалось объёмным и чётким.

— Надо бы чем-то удивить братьев белорусов, — задумался я, — что-нибудь сбачать для начала в национальном стиле.

— Я лично, белорусского языка не знаю, — признался мне друг.

— Это и так понятно, — пробубнил я, — а если так! Касив Ясь канюшину, Касив Ясь канюшину, Касив Ясь канюшину, пабам пам-пам-падам! Поглядав на дзявчыну! Ла лалалалала ла лалалалала ла...

— Охренеть! — обрадовался Толик новому музыкальному материалу.

За пять минут до начала представления в зале было очень густонаселённо. Правда, то тут то можно было услышать, что, дескать, деньги давать будут в долг, бесплатно. В общем,

чего только народ не насочинял из-за невинной шутки. Я ещё раз посмотрел в небольшую дырку в бархатном занавесе и махнул рукой.

— Всё как договорились, — шепнул я Толику.

— Эхе-хе-хей! — заорал Маэстро, — здорова Ми-и-инск! Живе Беларусь! Мы плохо знаем белорусский язык, но всё равно кое-что для вас в дороге сочинили.

Санька четыре раза стукнул барабанными палочками друг о друга и мы грянули «Касив Ясь канюшину». К сожалению я помнил лишь два куплета этой бесконечной песни, поэтому на том моменте, что дивчина тоже на Яса поглядела мы и закончили своеобразное интро. Минчане завелись с пол-оборота. Как бы не проломи пол, мелькнуло у меня в голове, когда весь зал разом стал прыгать. Кстати, это самое простое танцевальное движение, прыгай в ритм со всеми и все будет хорошо. А дальше понеслось по накатанной «Синие гитары», «Летящая походка», «Ищу тебя». Первый медлячок мы дали спустя тридцать минут, когда с народа сошёл первый пот.

— Летний теплый вечер, — запели на два голоса Наташа и Толик, — Был у нас с тобой, Нам шептали нежно Звезды и прибор...

Я подошёл медленно к солистам и шепнул, чтоб проигрыш сделали подлиннее, а то что-то слишком много девушек вдоль стенок стоит, непорядок это, не по-советски. А когда я вернулся на своё место, около левой кулисы, у сцены нарисовался мелкий хитрый мужичок.

— Парень, а когда деньги раздавать будут? — затрепал он в полголоса, — а то у меня трубы горят! Не томите уже, сколько можно плясать?

Кто ж меня за язык тянул, нахмурился я, и сделал вид, что не слышу. Ничего сейчас что-нибудь сочиню. Когда «Звезды над Москвой» утонули в овациях и в девчоночьих криках браво, я вышел к микрофону.

— Товарищи минчане, тут некоторые малосознательные граждане требуют раздачу денег, хорошо, они есть у меня, — я вытащил из кармана двести рублей, — кто лучше станцует, того и деньги! Желающие добро пожаловать на сцену!

Благо сейчас не нулевые годы, когда молодёжь на расслабоне и без тормозов, многое могла отмочить. В шестидесятые люди поскромнее. Поэтому из всего зала нашлась лишь десять смельчаков, что характерно мужичок с горящими трубами тоже вылез плясать на потеху публики.

— Конкурс прост до безобразия! — выкрикнул я, — мы играем, вы танцуете, победителей определит сам народ, по громкости полученных аплодисментов. Итак, по многочисленным просьбам «Косив Ясь конюшину!»

Толик выдал соло, и Санька на удивление с ходу попал в нужный ритм, я поддержал друзей на ритм гитаре.

— Ла лалалалала ла лалалалала ла...

Участники конкурса дружно стали выделывать коленца кто во что горазд, но с национальным колоритом. Это и подскоки с присядочкой, это и руки, как у учеников за партой в школе, которыми две барышни размахивали в стороны. А потом кое-кто перешёл на движение пяточка носок и ножками взад вперёд. Мужичок же с горящими трубами решил изобразить что-то из нижнего брейк-данса, естественно не удачно, зато растянувшись и подставив подножку ближайшему к себе участнику конкурса, заметно повеселил народ.

— Гриха давай! — орали ему болельщики около сцены, — держись, мы за тебя потом все ладони отобьём!

Через три минуты Гриха ещё раз грохнулся, и со скорбным видом махнув рукой на

нелепую затею поплёлся на выход. Я кивнул Толику, намекая, что хватит Ясю косить конюшину, а пора вручать приз. Тем более одна барышня, скорее всего, профессионально занималась народными танцами, и вопрос о победителе был давно снят. Мы разом перестали играть, лишь Санька последним выдал небольшую сбивку на ударных, и я подошёл к микрофону.

— Отлично Минск! — крикнул я, — приз получает вот эта симпатичная девушка в красном платье в белый горошек! А всем остальным утешительные призы, каждому по бутылке!

На этих словах Гриха мигом залетел обратно на сцену.

— По бутылке лимонада! — добавил, улыбаясь, я.

— Командир покрепче бы чего, — зашептал Гриха, — трубы горят спасу нет.

— Могу принять заявление о вступление в ряды КПСС, — ответил я, — ведь крепче партии у нас нет ничего.

— Да ну тебя, — обиделся танцор брейк-данса, но лимонад взял.

* * *

Здорово отыграли дискотеку, думал Толик Маэстро, когда Богдан закрывал танцевальную программу «Дымом над водой». Сейчас бы как-нибудь поинтеллигентней подкатить к Лизе. Если бы дело было в Алуште, то просто сказал бы ей, пойдём в ресторан кофе попьём. Или на берег ночного моря прогуляемся. А сейчас что сказать? Что-то давно мне не приходилось проявлять инициативу, девушки и женщины, всё больше сами ко мне подходили. Даже эта Татьяна Владимировна на вечеринке, сама на кухне целоваться лезла.

После дискотеки довольный директор ДК Василий Миронович тем, что на концерт пришло почти четыре тысячи человек, выставил торт в круглой бумажной коробке, на которой было написано «Киевский». Толик быстро подсуетился и первым отрезал кусочек с кремовой белой розочкой для Лизы.

— Что клинья подбиваешь? — улыбнулась она, — да ладно не красней, я большая девочка, говори прямо, что хочешь.

— Понятно что, — смутился Маэстро, — номер сейчас отдельный снимем?

— Ага, — захохотала Лиза, — в Москве подарю тебе машинку губозакаточную, для такого дела.

— Друзья! — Богдан встал, протянув в одной руке кружку с чаем, — давайте отметим первые настоящие гастроли за пределами Российской Федерации! Вы все большие молодцы! Ура!

— Ура-а-а! — громче всех заорал Санька.

Все ребята дружно чокнулись кружками.

— А давайте выпьем за Лизу, — предложил Толик, — за то, что она, так хорошо вписалась в наш коллектив. И ещё за то, что она оказалась очень профессиональным музыкантом, а это для меня очень важно!

Музыкальная команда вновь восприняла тост на ура.

— А если мои джигиты, — Богдан выразительно посмотрел на Саньку и Толика, — будут приставать с разными глупыми фантазиями, обращайся, — сказал он Лизе, — я им живо разьясню разницу между личными отношениями и профессиональными!

— Да, что такое? — возмутился Санька, который сидел по левую руку от новой участницы, — я уже и чай никому налить не могу?

— Лично мне, Санечка, можешь наливать смело, — хохотнула Лиза.

Толик от досады даже сжал кулаки. Значит мне — губозакаточную машинку, а он, балбес, для неё уже Санечка!

Как бы не было хорошо вчера, думал я, вырুলывая из Минска рано утром в направлении Бобруйска, сегодня нужно будет вновь очень сильно постараться, чтоб было не хуже. Ведь не известно, как сложится концерт в Киеве. Что там за публика, как примут нас — тысячи загадок. По карте я сразу для себя решил, из Бобруйска двину на Гомель, дальше на Чернигов, а оттуда уже и до Киева рукой подать. Можно было, конечно, из Бобруйска повернуть на Мозырь, а потом на Припять, но нет уж, подумал я, Чернобыль лучше от греха объехать стороной, нехорошее там место.

— Что-то не спиться, — сказала Лиза, которая села на одно из передних сидений.

Я посмотрел в салон все дрыхли без задних ног. Ещё бы, только к двенадцати часам ночи в гостинице разместились. Толик всё требовал для себя отдельного номера. Кричал, что его никто в группе не уважает, грозился самоуволиться. Я ему тогда сказал, если хочешь отдельный люкс, топай спать в микроавтобус, а по поводу увольнения поговорим в Москве. А сегодня уже выехали в семь утра. До Киева восемь часов на нашем опеле пилить. Кто его знает, что может в дороге произойти.

— Если не спиться, — улыбнулся я, — считай деревья за окном. Раз берёзка, два берёзка — будет рощица.

— А как это сочинять песни? — Лиза поставила локоть на поручень, немного наклонилась и подбородком оперлась на ладонь, — я консерваторию закончила, и ничего написать не могу.

— А я наоборот, консерваторий не кончал, а стихи прут из меня как из рога изобилия, — я объехал колдобину на дороге, выкатившись на встречу, — ведь, раз словечко, два словечко — будет песенка.

— Интересно, — пробормотала девушка.

Ещё как интересно, из 2018 года залетел сюда, здравствуйте я ваша тётя. Давай спи уже, нечего на меня глазищи таращить, а то Наташка проснётся, придётся нам нового клавишника искать. Ведь хотел же взять парнишку-очкарика, но нет, демократия, блин. Но музыкант, надо признать, она отличный.

В древней русской поговорке говорится, что язык до Киева доведёт. Не знаю, может быть. Мы никаких языков не брали, доехали спокойно. И в четвёртом часу дня наш «Икар» проехал по набережной Днепра, затем с Владимирского спуска мы повернули на Крещатик и вот он конечный пункт нашего на сегодня путешествия Октябрьский дворец культуры. Главный вход здания выглядел как большая ротонда, которую пристыковали к жилому трёхэтажному дому.

— Вот Санька, полюбуйся, раньше здесь был институт благородных девиц, — сказал я, поворачивая автобус к боковому входу.

— А сейчас здесь чего? — высунулся в окно друг.

— А сейчас, ты на барабанах брэнчать будешь, — хохотнул Вадька.

— Ой, чья бы корова мычала, — огрызнулся Земакович.

— А чья бы молчала, — подтолкнул его Толик, — а что это народу тут так много?

В самом деле, человек триста молодежи, скорее всего студентов, облепили главный вход во дворец. Неужели это на нашу дискотеку? Да вроде как начало в семь, а сейчас только половина четвёртого. Я подъехал к боковому, служебному входу, и попросил Вадьку, чтобы

тот сходил за директором, может мы не туда зарулили, может здесь сейчас слёт комсомольцев Украины?

Минут через семь прибежал взмыленный директор Октябрьского ДК, в пиджаке и вышиванке, вместо рубашки.

— Родненькие мои! — обрадовался Венедикт Варфоломеевич, — какие вы молодцы, что пораньше приехали!

— Что, концерт переносится в другое место? — грустно спросил его Толик.

— Наоборот, есть такое предложение, — невысокий толстенький мужчина потёр ладони, — из однох выступления сделать два. Первую дискотеку начать в шесть, а вторую в девять. Значит, сначала студенты отпляшут, а потом заводская молодежь врежет хопака.

— По деньгам, это конечно, выгодно, — я спустился с водительского кресла, — но нам играть и петь шесть часов нужно будет. Я на это не согласен, да и ребятам не разрешу.

— А ях же стахановское движение? — занервничал директор, — ях же повышенные обязательства?

— Вы мне ещё про соцсоревнование напомните, — пробурчал я, — не болты точим, товарищ! В договоре указано, один концерт с семи до половины десятого. Если сейчас мы выступим по-стахановски, потом голосовые связки неделю восстанавливать придётся.

— Да не моху я больше четырёх тысяч человек разом запустить! — взвился, в погоне за лишним барышом, Венедикт Варфоломеевич, — а желающих охо-хо! Я второй день служебный телефон не включаю, — директор чуть не расплакался, — никохда не думал, что у меня столько родственников.

— Ладно, — сдался я, — подумаем, как из одной маленькой шкурки сшить две большие шапки.

И мы пока переносили технику, решили, что я первое отделение первого концерта пою полностью один, второе отделение Толик и Наташа берут на себя. Второй концерт работаем так же, в конце концов, мой голос потерять перед Одессой не так страшно. Дальше определились, что начнём опять с песни про Яся, так как в принципе разница между языками не большая. По-белоруски будет: дзявчына, а по-украински: дивчина. По-белорусски будет: Ды на Яса паглядала, а по-украински: Та на Яса поглядала. А других слов я всё равно не помнил.

Когда до концерта оставался час, я сказал своим, что схожу на Главпочтамт, дам телеграмму Саше Мкртчяну, что завтра будем в Одессе, если есть желание вспомнить лето, пусть приезжает. Лиза под предлогом, что хочет послать телеграмму маме, увязалась следом.

— Ты мне смотри, — шепнула Наташа, — чуть что глаза выцарапаю, — не уточнила она кому и за что.

На Крещатик мы вышли через боковой служебный вход. У центральных колон ДК творилось что-то невообразимое, визг, ругань, поиски лишнего билетика. Поэтому толпу я решил обойти дворами. Центральная улица Матери русских городов, как назвал Киев Вещий Олег, мне очень понравилась. Сталинские высотные с лепниной дома, чистенькие тротуары, веселые улыбчивые и любопытные люди.

— Почём джипсы москальские брал парень? — цеплялись ко мне студенты.

— На День Рождения подарили, — врал в ответ я.

Лиза, как будто чего-то испугавшись, взяла меня под руку и плотно прижалась.

— Какие у тебя сильные руки, — прошептала она.

— Лиза, давай на чистоту, я ведь не слепой, — я остановился посреди улицы, — у нас в группе два холостых человека, это Санька и Толик. Я, конечно, не приветствую всякие вась-вась на работе, но если очень хочется, можешь выбирать любого. Или нет, Саньку лучше не трогать.

— Ну, если тебе неприятно можем пойти на пионерском расстоянии, — пробормотала смущенно девушка.

— Мне приятно, но пойдём на пионерском расстоянии, потому что так будет лучше для всех, — и я направился в новенькое здание Главпочтамта.

— Подумаешь, — фыркнула Лиза и пошла назад в Октябрьский ДК.

На обратной дороге я задумался над непростой обстановкой в ВИА и забывшись поплёлся к центральному входу.

— Дивись Петро, это же сам Крутов, баскетболист! — услышал я за спиной.

— Да ты щё, он же низенький, а баскетболисты они все — о! Шпалы, — ответил, по всей видимости, Петро.

— Э, парень, — меня похлопали по плечу, — ты же этот двадцатка, Крутов из сборной СССР, я твою фотку в хазете срисовал. Ты ещё мовляти американцам с центра поля забил.

Я ещё не успел ничего ответить, как вокруг меня столпились любопытные люди. И каждый почему-то своим долгом счёл потрогать мое накаченное тело.

— Люди, это же Крутов из сборной СССР! — голосил довольный киевлянин, — давай их качать!

— А Толечка Марков приехал, — внезапно вмешалась молоденькая девушка с очень хорошо развитым бюстом, — нам бы их побачив.

И тут на мое спасения, и на свою беду на крыльцо ДК высунулся Толик Маэстро, собственной персоной.

— Толечка! Любовь моя! — заголосила девушка, и все враз забыли, что хотели меня только что покачать.

Я заметил, что путь отступления ему обратно за стены Октябрьского отрезан.

— Беги дурак к боковому! — заорал я.

И несколько десятков гарных дивчин кинулись ловить свое сокровище, и мою головную боль по совместительству. Хорошо, что Толик быстро сориентировался и бросился в противоположную сторону от главного входа.

— Толечка! — заголосили девчонки.

— Нищо, не сбежит, и не таких ловили, — сказал кто-то из парней за спиной.

А я тут же ломанулся в ДК, ведь нужно было открыть для друга этот самый запасной спасительный вход. С трудом протиснувшись через вахтёра, я побежал к сцене, так как дорогу к служебному ходу я помнил лишь оттуда.

— Что, горим? — спросил первым Санька.

— Хуже! — отмахнулся я, пробегая мимо, — Толика на части рвут!

Вадька схватил гаечный ключ, который валялся за кулисами, а Земакович решил, что барабанных палочек будет достаточно для внезапных разборок. И друзья бросились следом за мной.

— Богдан, ты только больше не дерись! — крикнула в спину Наташа.

Когда же мы отворили засов бокового входа, было уже поздно. Толика, перемазанного помадой и голого по пояс мы, конечно, вырвали из цепких рук поклонниц диско. Но рубашка ушла целиком на сувениры.

— Толечка я тебя люблю! — кричали девчонки хором из-за двери.

— Воздухом хотел подышать, — промямлил потрясенный Маэстро.

— Ну как, подышал? — махнул рукой я, — Киев это тебе не Минск, тут народ горячий, случись что вмиг революцию замутит. Соображать надо, сам же видел, что на входе творится.

Зато за кулисами туда и сюда бегал всем довольный Венедикт Варфоломеевич, сказал, выпишет нам благодарственные грамоты за то, что мы ударными темпами несем массовую культуру в массы.

— Повешу её дома на стенку, — обрадовался Санька Земакович, — она мне сердце греть будет.

— Вы лучше ещё наряд милиции вызовите, — потребовал я от директора, — как бы горячие киевские барышни на сцену не полезли за новыми сувенирами. А то у нас запас рубашек крайне ограничен.

— Деверю позвоню, — вспомнил Варфоломеевич о многочисленной родне.

* * *

— Видела? — Толик гордо показал Лизе царапины на спине и руках.

— Сам-то живой, — улыбнулась девушка.

— Ну, так чуть-чуть, вот если сейчас поцелуешь, точно буду живой, — Маэстро приготовил губы для поцелуя.

— На сцену пора! — отпихнула его Лиза.

— Рубашку только новую надену, — тяжело вздохнул Толик.

Адреналин так и бурлил в крови Маэстро, после внезапного происшествия. Ему хотелось отработать сегодня на разрыв аорты. Так чтобы весь зал просто бился в экстазе. Поэтому начало концерта, посоветовавшись с Богданом, который пробурчал, что чем бы дитя не тешилось, только бы не вешалось, он взял на себя.

Первым делом без всяких вступительных слов грохнули «Яся с конюшиной».

— А дивчина жито жала, А дивчина жито жала, А дивчина жито жала, — Толик взял соло на гитаре.

— Та на Толю поглядала! — орали ему девчонки у сцены в ответ.

— Ла лалала..

Заводная мелодия, к сожалению у которой было мало слов, поставила на уши с первых аккордов и без того разгоряченную публику. А когда танцевальная композиция закончилась, киевлянки разом завизжали и стали стучать ладошкам по сцене, вызывая небольшое сценотрясение.

— Слава Украине! — выкрикнул Толик первым делом, — Киеву слава! Украина — я тебя люблю! А теперь песня посвящается всем девчонкам! Гитары синие запели!

С ума сойти, думал Маэстро, когда к микрофону вышел Богдан, чтобы дать ему передышку, вот это улёт, никогда так за мной девчонки не гонялись. Неужели теперь будет так всегда? Неужели мне теперь даже без кепки с большим козырьком и на улицу выйти нельзя будет? Такой успех одновременно пьянил, и одновременно пугал.

В перерыве между концертами в гримёрку к уставшим музыкантам директор ДК привёл корреспондентку газеты «Вечерний Киев». По лицу Богдана было заметно, что он готов был

Варфоломеича выбросить в окно, итак перерыв всего пятнадцать минут, так еще в это время нужно давать незапланированное интервью. Но как всегда Крутов пробурчал, что семь бед один ответ, махнул рукой и сказал, что вот он герой дня, Анатолий Марков, любимец юных киевлянок, готов побеседовать.

— Алиса, — представилась высокая худенькая черноволосая с красивым лицом девушка, — скажите, Анатолий, какие у вас творческие планы?

— Это вопрос сложный, — разволновался Толик, в первый раз дающий интервью.

— В ресторан меня недавно приглашал, — подсказала ему Лиза.

— А мне он обещал, что в своей новой комнате приберётся, — влезла в интервью сестра Наташа.

— Я про это писать не буду, — обиделась Алиса.

— Все мы очень хотим записать новую пластинку, — Маэстро вспомнил, о чём он недавно беседовал с Богданом, — объехать с гастролями всю страну и все социалистические страны, потому что нужно творчеством крепить дружбу братских народов.

Когда за кулисами публика дружно скандировала: «Синие гитары!» А пол под ногами вибрировал. Толик немного «подвис», задумавшись, ради чего на самом деле он поёт? Что кроме денег приносит ему творчество? Вдруг из задумчивости его вывела Лиза.

— Наклонись, что-то тебе скажу, — улыбнулась она.

Маэстро склонил голову, и девушка его быстро и коротко поцеловала прямо в губы.

Когда миновали Белую Церковь, в автобусе началось броуновское движение. Никому не хотелось спать, всю группу распирало от сумасшедших, в хорошем смысле, гастролей в Киеве. По дороге мы закутились пирогами с яйцом и ящиком «Алычeveго напитка», по сути тем же лимонадом. Пейзаж за окном резко контрастировал с Белоруссией, здесь главным образом были бескрайние поля и редкие островки деревьев.

— Богдаша, чем будем удивлять Одессу? — поинтересовался необычайно весёлый Толик, — опять споём про Яся с конюшиной?

— Это конечно сыграем обязательно, но можем и что-нибудь ещё присочинить, — у меня тоже было хорошее настроение, — давай народ, предлагай темы!

— Мы едем, едем в далёкие края! — заорал с «камчатки» Санька, — давайте из нее сделаем хит!

— Тогда уже надо петь не в далёкие края, а в Одессу! — подержала идею Наташа.

— Мы едем, едем, едем в далёкую Одессу! — запел, перевирая мелодию Земакович, — хорошие соседи, красивые принцессы!

— Не в рифму, зато правда, — хохотнула Лиза.

— Молодец Санька, лови пирожок! — крикнула Наташа.

Лично мне эта строчка, что едем, едем, едем в Одессу, проникла в мозг и сильно что-то напомнила из того времени. И пока ребята хвастались друг перед другом вчерашним успехом, я постоянно крутил её в голове. Ну, точно! Это же я когда первый раз в Турции отдыхал, этой мелодией мне все нервы вытрепали, так как включали композицию Whizzkids feat. Inusa Dawuda — Rumours (Digi Digi) раз сто на дню. Я остановил автобус и потребовал акустическую гитару.

— Тихо, атаман сочинять будет, — хохотнул Санька, и получил от Вадьки затрещину.

— Мы едем, едем, едем, едем, едем в Одессу, — напел я на аккорде ля минор, — В жемчужину на черно, черном, море Одессу, — вроде бы тут идет фа мажор, а дальше на соль мажоре, — Мы едем, едем, едем, едем, едем в Одессу, — и заканчиваем на ля миноре, — в Одессу, в Одессу.

— Чего-то чушь какая-то, — махнул рукой разочарованный Толик.

— Согласен, смысловая нагрузка нулевая, — кивнул я, — зато послушайте какая мелодия, самая настоящая музыка для ног.

Я сыграл весь квадрат и напел мотив. Санька первым пустился в пляс, за ним потянулись девчонки, виляя бёдрами.

— Зажигалочка! — крикнул, дергаясь, как паралитик Земакович, — вот что значит подать хорошую идею!

— Хорошо, то, что мы едем сто раз в Одессу, — это припев, — почесал затылок Толик, — а какой куплет?

— Сочиняйте сами, — я вернул гитару другу, и полез на водительское кресло, — дорога длинная.

Одесса нас встретила настоящей летней погодой, солнце, освежающий морской воздух, градусов двадцать минимум. Однако само состояние красивого портового города вызвало недоумение. Слишком много домов с облупившейся штукатуркой, бульжная мостовая, достоявшаяся от царя Гороха. И памятник Дюку давненько не мыли от отметин

расшалившихся птиц. А вот дворец графа Нарышкина, он же дворец культуры Моряков, мне очень понравился. Я минут пять рассматривал картину на украшенном узорчатой лепниной потолке. Сюжет её был очень странным, на фоне московского кремля маршировали моряки в белой форме. Не иначе замазали оригинальную композицию, усмехнулся я.

— Богдан Викторович, — ко мне обратился неизвестный товарищ в штатском, — вас приглашает к себе Александр Иванович Федосеев, первый секретарь Одесского обкома партии.

— Да я так-то беспартийный, сочувствующий естественно, — я стал быстро соображать, чтобы это всё могло значить, — у меня ещё концерт здесь через два часа. Передайте мои извинения.

— Тут совсем рядом, и время много не займет, — мужчина с трудом выдавил улыбку, — визит вежливости. Не отказывайтесь, пожалуйста.

Хер с этими визитами, плюнул я в сердцах, но придётся сходить, зачем расстраивать местную шишку.

— Толик, без меня новую композицию погоняйте, — я обреченно потопал с товарищем из обкома.

— Что такое! — героически бросилась на мою защиту Наташа.

— Чай приглашают попить в администрацию Одессы, — попытался я её успокоить, как мог.

С одним меня неизвестный товарищ точно не обманул, администрация располагалась в отдалении от ДК максимум в полтора километра. Да и с чаем не обманул тоже. Его мне принесла в отдельный пустой кабинет секретарша, одетая предельно строго, без всяких сексуальных вольностей из девяностых и нулевых. А спустя пару минут, в помещение вошёл человек, которого я никак не ожидал здесь встретить.

— Здравствуй, Богдан, — поздоровался Анастас Иванович Микоян.

— И вам добрый день, — пробурчал я.

Анастас Иванович присел напротив и достал маленькую записную книжку.

— Твое предложение с Евролигой я передал товарищам по ЦК, — произнёс Микоян с таким видом, как будто мы расстались лучшими друзьями после той встречи в Большом театре, — идея понравилась. Николай Николаевич Романов тебе на следующей неделе будет звонить, чтоб уточнить некоторые детали. Кстати, и твоё предложение с продажей джипсов очень хорошо сработало. Теперь готовим партию для Италии и Австрии. Я подумал, раз ты такой выдумщик, может ещё есть какие свежие идеи?

— Ладно, — я встал и прошёлся по кабинету, — записывайте. Книга «Звёздные войны» автор Виктор Прохоркин, хоть сейчас можно её переводить на разные языки, потенциал для продажи на западе огромный.

— Что-то я не знаю такого автора? — удивился Анастас Иванович, — он член союза писателей?

Танечка хотела его пропихнуть, подумал я, а она — особа беспринципная, поэтому способна на многое.

— Со дня на день должен стать, — я пожал плечами, — дальше кино можно снять специальное, коммерческое, называется «Челюсти». Есть такие ребята молодые Кончаловский и Шпаликов, они сделают.

— «Челюсти»? — задумался Микоян, — это про врачей стоматологов?

— Нет, — я улыбнулся, — это про акулу людоеда, которую убивает наш советский

ихтиолог и иностранные рыбаки. В принципе сейчас в октябре можно снимать в турецкой Анталье.

— И иностранцы будут это смотреть? — не поверил мне на слово Анастас.

— Скажу больше, — я махнул рукой, — снимать придётся и продолжение, «Челюсти 2», «Челюсти 3» и так далее. Ещё музыку, нашу пластинку можно с большим успехом толкнуть на запад. Но хорошо бы устроить гастроли перед этим. Если с баскетбольной Евролигой все сложится, обязательно нужно провести выездные матчи в Италии, в Греции, в Турции, в Австрии, в Финляндии, в Швеции и Норвегии.

— То есть я правильно понял, — Микоян заглянул в свою записную книжку — ты предлагаешь продавать джипсы, книги, музыку, кино и спортивное зрелище? А как же тракторы, станки, автомобили, полезные ископаемые?

— Я, конечно, дико извиняюсь, но продавать полезные ископаемые — это удел малоразвитых стран третьего мира. И ещё не думаю, что наши автомобили там кому-то нужны, — я еле сдержался, чтоб не заражать, — экспорт же массовой культуры может приносить доход до трёхсот, четырёхсот процентов долгие годы. А самое главное молодёжи, которая будет там, за бугром, слушать нашу музыку, читать наши книги, смотреть наше кино, покупать наши шмотки, уже не очень то и расскажешь, что СССР — это империя зла.

— Любопытно, — пробормотал Анастас Иванович, — хорошего тебе концерта, — мы пожали друг другу руки.

Обратно в ДК Моряков, отказавшись от служебного авто, я потопал пешком. Неужели заработало, думал я, неужели поросшие мхом партийные лидеры начнут хоть немного соображать? Или эти «танцы с бубном» вокруг экспорта массовой культуры нужны только Микояну. А остальным до лампочки, самое главное — лишь бы их жопа в тепле была. Подумаешь народ в нищете, у них ведь спецобслуживание, отдельные дома отдыха, отдельные больницы, отдельные магазины, прекрасные квартиры и дачи. Да, времена меняются, а люди нет, только аппетиты растут.

Четвёртый раз за дискотеку, мы играли, про то, что едем в Одессу. Музыка для ног, что называется — зашла.

— В аэропорт, — надрывался Толик, — С трапа самолёта, Сойду, морским Воздухом дыша. Возьму такси И, счастьем опьянённый, Бульвар Приморский Увижу я.

— Мы едем, едем, едем, едем, едем в Одессу! — эти слова уже орал весь стоявший на ушах зал, — В жемчужину на черном, черном море Одессу! Мы едем, едем, едем, едем, едем в Одессу! В Одессу, в Одессу!

— Толечка я тебя люблю! — орали девчонки около сцены и стучали ладошками по её паркетному покрытию.

— Одесса я тебя люблю! — в ответ перекрикивал нашу качёвую вещь Толик.

А когда под буц-буц-буц-буц все прыгали, мне показалось, что трясутся стены и потолок.

— И последняя на сегодня композиция, — заметно охрипшим голосом сказал Маэстро в микрофон, — «Дым над водой».

— Давай про Одессу! — хором вновь взвыл весь зал.

Мы переглянулись, я махнул рукой, и мы вновь затаили танцевальную вещь всего с одним еле-еле сочинённым куплетом и бесконечным припевом.

— Мужики, — после концерта меня остановил какой-то морячок, — я из загранки только вернулся, впервые такое вижу и слышу. Может коньячку, за Одессу маму?

— Не можем, у нас тур лимонадный, — соврал я, — должны по контракту пить только лимонад. Так что без обид!

— Когда снова приедете? — растерялся морячок.

— Когда партия прикажет, — отшутился я, — комсомол ответит — есть!

В гримёрке окончательно стало ясно, что голос Толик минимум на неделю потерял. Ему что-то успокаивающее шептала Лиза. Наташа принесла горячий чай.

— Ты, Толик, конечно, извини, — я присел рядом, — но видать придётся мне девчачью группу создавать. Что поделаться, раз ты такой певец бесшабашный.

— Шаляпин! — ляпнул Санька.

Предчувствуя оглушительный успех со спектаклем, Семён Викторович Болеславский пришёл в ДК в воскресенье ни свет ни заря. Ему хотелось ещё раз всё проверить и перепроверить, перечитать финал, который ему очень понравился.

— Гениально, — шептал он, — гениально!

Внезапно в дверь постучали, и в маленький обшарпанный кабинет ввалилась с лихорадочным блеском в глазах исполнительница роли Гали, Юлия Николаевна Семёнова.

— Вот здесь нужно подписать, — сунула она режиссёру на стол непонятную бумагу.

— Что это? — раздраженно спросил Болеславский, которого нервировало, что его отвлекают от творчества.

— В школе требуют доказательства, что я не отлыниваю от внеклассной работы, — учительница ткнула пальцем, куда нужно поставить подпись.

Семён тяжело вздохнул и поставил свою завитушку.

— Где печать? — потребовала дотошная Семёнова.

— У меня её нет, — удивился Болеславский.

— Ах да, чуть не забыла, — Юлия Николаевна выставила на стол из сумки бумажный пакет с пирожками, — если не попробуете, успеха не будет.

— Хорошо, — опешил режиссёр, — я как раз сейчас буду пить чай. Постой!

Учительница литературы внезапно вздрогнула.

— Текст хорошо выучила? — Семён вперился в неё, как на допросе.

— Как Отче наш, — отмахнулась Юлия Николаевна и пошла в гримёрку.

* * *

В воскресенье всем ВИА заявили на премьерный закрытый показ «Иронии судьбы». Я к тому же пригласил на просмотр Шпаликова с женой, Натальей Рязанцевой, Тарковского, Кончаловского, Беллу Ахмадулину, пообещал последней, что в постановке будет песня на её стихи. Внезапно на премьеру напросился Юрий Визбор, когда узнал, что в нём будет много бардовских вещей. Само собой обещался прийти и Витюша со своей Татьяной. И всех этих товарищей требовалось встретить, провести на третий этаж, и разместить в малом актовом зале.

Однако первым кого я увидел, была взволнованная директриса Галина Сергеевна Ларионова.

— Семёна Викторовича отправили на скорой в больницу, у него температура, головокружение, — зашептала она, — актёров нигде нет. Сейчас ещё придёт товарищ из министерства культуры. Это же скандал! Чувствую, уволят меня.

Я приобнял готовую в любой момент расплакаться директрису, и погладил её по спине.

— Давайте пройдемся по гримёркам, может кто-то из актёров всё-таки остался! — предложил я, — может улику, какую найдём.

Так как гримёрки находились за сценой на первом этаже, а спектакль должен был быть на третьем, пришлось немного побегать. В одной комнате мы обнаружили следующую картину. Высоцкий и Шацкая растерянно стояли и читали записку следующего содержания

— спектакль переносится на неделю, число, подпись Болеславского, печать из канцелярии.

— Ну-ка, Володя, дай я повнимательней посмотрю, — я пригляделся к округлым буквам, — Семёнова, учительница первая моя, её рук дело.

— Нужно срочно вернуть актёров, — сжала кулачки директриса, — и сдать спектакль комиссии из министерства.

— Придётся проехать по ресторанам, — пророкотал Высоцкий, — Трещалов скорее всего там, я его знаю.

— А кто нам сыграет Галю? — вернула всех «на землю» Нина Шацкая.

Галина Сергеевна плюхнулась на стул и зарыдала.

— Ну, хватит! — махнул я рукой, — нам ведь главное сильно не налажать, подумаешь, актёрская игра подкачает, зато избежим скандала и увольнения.

— Что ты конкретно предлагаешь? — директриса посмотрела на меня зареванным лицом.

— Все мои ребята репетиции видели, — я почесал затылок, — Лиза, наша новенькая, сыграет Галю. Я — Ипполита, все же пьеса моя, слова я почти все помню. Друзей Лукашина в бане изобразят Вадька, Санька и Толик. Блин, Толик же без голоса!

— Может, дворника попросим побыть четвёртым? — глаза Высоцкого азартно загорелись.

— Аха, переоденем буфетчицу Зинаиду, — я от бессилия взлохматил свои волосы, — идея! Я сам буду четвёртым.

— Давай тебе фингал здоровенный нарисуем, — обрадовался поэт.

— Нет, я сяду спиной к залу, накроюсь простынёй, буду изображать пьяного в стельку Павла, который должен лететь в Ленинград, слова его раскидаем на остальных, — я показал, как это выглядит.

— Гениально, — заулыбался Володя, которому однозначно нравились всякие творческие авантюры.

— Сейчас только своих обрадую, что гастроли медленно перетекают из музыкальных в театральные, и все срочно на грим! — я уже приготовился стартовать.

— А кто сыграет моих подруг? — остановила меня Шацкая.

— Наташа и, — я посмотрел на директрису, — ваша, дочь Маша, здесь? Вот и отлично пусть срочно бежит в гримёрку, учит роль! Ведь маму надо спасти.

* * *

Директора ДК Строителей, Галину Сергеевну перед началом спектакля била сильнейшая нервная дрожь, она даже для успокоения в буфете выпросила у Зинаиды пятьдесят граммов коньяка, но и это мало помогло. В зрительном зале, к своему удивлению, она заметила пару очень известных людей. Белла Ахмадулина в свитере с большим воротом и знаменитый бард Юрий Визбор о чём-то весело шептались. Представителя министерства культуры, мужчину средних лет, имя которого сразу же вылетело из головы, она посадила рядом с собой. Чуть что буду ему шептать, что все переделаем, все замечания учтём, а через неделю, всё будет в наилучшем виде. Сейчас главное первый акт продержаться и второй простоять.

Виктор Прохоркин театр не любил, но ради дружбы с Богданом, которому был обязан практически всем, он пришёл в сопровождении своей дамы сердца.

— Забыла тебе сказать, — прошептала Татьяна Владимировна своему Витюше, — пока ты был в душе, звонил Федин, председатель союза писателей. Для членства нужно срочно опубликовать твою вторую книгу.

— А у меня второй нет, — растерялся Прохоркин.

— Значит, сляпаем сборник твоих ранних рассказов, — отмахнулась от проблемы Татьяна, — ты понимаешь, что это значит?

— Нет, — Витюша посмотрел в искрящиеся глаза подруги.

— Это значит глупыш, кто-то тобой заинтересовался из ЦК, Федин так просто сам звонить не будет, — редакторша «Пионерки» положила голову на плечо своему очень юному Жюль Верну.

Санька Земакович посмотрел пару минут начало спектакля из-за кулис. Усмехнулся, когда увидел, как Богдан за ширмой, сидя на корточках, подсказывает шёпотом слова Лизе. И прошёлся до гримёрки, где учила текст Маша Ларионова.

— Волнуешься? — спросил он.

— Может быть, — неопределённо ответила она.

— А я стихи сочинил для тебя, — Земакович встал, как бронзовый памятник Дюку в Одессе, — льёт ли тёплый дождь, падает ли снег, я в подъезде возле дома твоего стою.

— И? — не поняла его девушка.

— Всё пока, — улыбнулся Санька.

Тут в комнату залетел Бураков.

— Зёма, обалдуй, нам на сцену пора! — схватил он друга за руку и вытащил из гримёрки.

На сцене погас весь основной свет, и лишь луч прожектора выхватил Лукашина-Высоцкого, который обращался к зрителям, ехать ему в баню или нет. В это время мы с друзьями развернули лукашинскую семейную ширму другой стороной, на которой были нарисованы банные веники и тазики и выставили её на передний план. Потом мы занесли маленький столик с пивными кружками с морсом из буфета. Я — Павел, как и договорились, сел полностью закутанный в простыню спиной к залу. Вадька и Санька в простынях с голым торсом, или Миша и Саша по сценарию, расселись один слева, другой справа. Вадька-Миша лихорадочно сжал в руках портфель, из которого он должен был доставать бутылки с водой вместо водки. Наконец в зале полностью погас свет, и Высоцкий уселся между моими друзьями, тоже закутавшись в простыню.

— Слушайте внимательно, я буду подсказывать текст, — прошептал я, — только попробуйте мне наотсебятить!

— Ванная в каждой квартире — это правильно, — с деревянным перепуганным лицом сообщил Вадька-Миша, — это цивилизация.

— Но сам процесс мытья, который в бане выглядит, как торжественный обряд, в ванной просто смывание грязи, — почему-то вместо Вадьки продолжил фразу растерянный Санька.

— Балбесы! — зашептал я, — вы всё перепутали!

Высоцкий, понимая, что спектакль покатился ко всем чертям, отпил из кружки бутафорского пива, за ним то же самое повторили мои друзья.

— Перепутал ты всё, балбес Санька! — Вадька-Миша автоматически достал из портфеля бутылку водки.

— Ты что её родил? — Санька вспомнил, что-то такое из сценария.

— Жена, — задумался Вадька.

— Жена родила? — удивился Земакович, — тогда разливай.

Вадька откупорил бутылку и тут я понял свой косяк. Я забыл на столик выставить дополнительные пустые кружки. Бураков махнул рукой и добавил бутафорскую водку в пиво.

— Да, как тут не прекрасно, но мне пора, — пролепетал Лукашин-Высоцкий, покосившись на кружки с ершами, — Кстати, Павлу больше не наливайте, а то ему сегодня лететь в Ленинград.

— Сейчас только по одной выпьем, за Ленинград, — сказал Вадька-Миша, — за мою жену, и за твою женитьбу.

Актёры по новой выпили. Высоцкий понял, что чем быстрее он впадёт в состояние сценического бессознательного опьянения, тем быстрее закончится эта нелепая сцена.

— Кстати расскажи, как ты с ней познакомился? — вспомнил Санька ещё что-то из сценария.

— С кем? — пьяно спросил Лукашин-Высоцкий.

— С Надей, — выпалил Вадька, — то есть с Галей. Очень имя редкое, никак не могу его запомнить.

— Я холостой, — растерялся Володя.

— Тогда за холостую жизнь, — обрадовался Санька, — э-э-э, — забыл он, как Вадьку зовут по роли, — роди ка нам ещё бутылочку, приятель.

Вадька достал бутафорскую водку и разлил её уже по пустым пивным кружкам.

— Давайте к финалу сцены переходите, — зашептал, психанув я, — все равно всё переверли.

— Ну, Галка, будь здорова! — произнёс Лукашин-Высоцкий и опрокинул последнюю порцию воды-водки.

И чтобы не видеть больше этого позора он лёг на маленький столик, закрыв лицо руками.

— Ты помнишь, кто из нас сегодня летит в Ленинград? — спросил пьяно Вадька-Миша.

— Да, — кивнул головой Санька, — он.

Земакович похлопал по спине «пьяного» Высоцкого.

— А, Павел? — растерялся Вадька.

— Какой Павел? — удивился Санька, — а, этот! Сдадим его в медвытрезвитель.

— А может наоборот, — заупрямился Вадька, — Павла в Ленинград, а Женю в медвытрезвитель.

— Не! — отмахнулся от глупой идеи Земакович, — из медвытрезвителей самолёты не летают.

— Железная логика, — согласился с другом Бураков.

Они приподняли Высоцкого под руки, и повели его за кулисы.

— Куда вы меня несёте? — пробормотал Лукашин-Высоцкий.

— Куда, куда? — растерялся Санька, — жениться вот куда.

— Погоди! — остановился Вадька, — хорошо, что мы его помыли.

* * *

— Молодцы, — похвалил директрису товарищ из министерства, — очень злободневную тему высветили, пьянство в новогоднюю ночь. Это же просто кошмар какой-то, выйти на улицу нельзя. То в одном сугробе человек лежит, то в другом. А вот к этому товарищу, который ни слова не сказал на сцене, я бы к нему повнимательней пригляделся.

— Проработаем на ближайшем собрании, — закивала Галина Сергеевна, — возьмём на поруки.

* * *

— А не плохое кино из этого может получиться, — шепнул Гена Шпаликов своему другу Андрону Кончаловскому.

— Камера медленно отъезжает, и мы видим бесчисленные светящиеся окна жилых домов, а на переднем плане летят большие медленные снежинки, — поддакнул Андрон.

— Тогда из ваты придётся снежинки делать, — пробурчал Тарковский, — иначе объектив залепят.

* * *

Ну, вроде всё! Сейчас роль свою отгарабаню и конец спектаклю, подумал я, выходя из-за кулис. У девчонок роль плёвая, пять слов, самая сложная баня — позади.

— Здравствуй, — встретила меня в прихожей Надя Шевелёва, она же Нина Шацкая.

И вдруг я случайно окунулся в лучистые глаза актрисы и понял, что ни строчки из пьесы вспомнить и не могу. А секунды то тикают, нужно же что-то ляпнуть!

— С Днём Рождения дорогая, — я поцеловал Шацкую в щёчку.

— Как мило, что ты помнишь, что мой день Рождения совпадает с Новым годом, — пробормотала актриса.

— Показывай, кого тебе снова аист из Москвы принёс! — я скинул пальто и ломанулся в комнату, бить лицо московскому гастролёру.

Вроде бы мы по сценарию должны были где-то там драться, подумал я, зачем же откладывать лишнюю драку на потом?

— Как ты догадался? — залепетала Шевелёва-Шацкая, семеня за мной.

— Соседи сказали, — махнул рукой я, — у тебя такие тонкие стены, что они всё видят.

В комнате закутавшись по голову в одеяло, на меня смотрел глупыми и испуганными глазами Высоцкий.

— Ты умрёшь со смеху! Я прихожу домой, а он уже спит на моей тахте, — Надя-Нина забежала следом, — Я поливала его из чайника...

— Из этого? — я поднял чайник с пола, — ты понимаешь чудило, — я замахнулся эмалированным реквизитом на Лукашина-Высоцкого, — что я тебе сейчас этот чайник вобью в одно место! И ты у меня через весь Ленинград побежишь с этим свистком к своей Галечке истеричке! Не могла она один день потерпеть!

— Я тебя умоляю! — на моей руке повисла Шацкая.

— С наступающим! Ведите себя прилично! — пророкотал Володя, медленно соображая, что будет дальше.

— Это невероятное совпадение. Он тоже живёт на 3-й улице Строителей, 25, квартира 12, только в Москве, — скороговоркой выдала Надя-Нина, пока я пытался безуспешно освободиться из цепких рук актрисы.

— А это что? — я все же отдал чайник Шацкой и поднял с пола штаны, повертел их в руках и запустил ими в московского наглеца.

— А это мои штаны. Осторожней, помнёте! — Лукашин-Высоцкий с трудом выловил свои реквизитные брюки.

— Он с приятелями пошёл в баню. Там они выпили. Ты посмотри на него, — Надя-Нина улыбнулась, это означало, что я случайно попал в текст пьесы.

— Я ещё успею, — ко мне вдруг в голову вернулись настоящие слова из «Иронии» и я облегчённо выдохнул.

* * *

— Как играют натурально, — шепнул представитель министерства культуры Галине Сергеевне, — я уже подумал, что всё, придётся милицию вызывать.

— Вызовем на следующий спектакль участкового, — кивнула ему директор ДК.

* * *

— А хорошо звучит «По улице моей который год», — шепнула Ахмадулина Визбору, — приятная мелодия.

— Самое главное редкая, — усмехнулся бард.

* * *

— Наденька, прости меня. Я был неправ. Погорячился, — я вышел на сцену уже немного расслабленный, тем более удалось полистать сценарий, освежить память.

— Ничего. Молодец, что пришёл, — улыбнулась Шевелёва-Шацкая.

Так! Спокойно, крикнул я про себя, только что же текст был перед моими глазами! Склеротик!

— А этот твой москвич беспшанный ещё здесь? — я снял и бросил на пол пальто, что-то мне стало в нём очень жарко.

— Не выставляй же его на улицу! Первый самолёт только в семь утра, — Шацкая в момент поняла, что я снова забыл свою роль.

— Прекрасно, — я вошёл в комнату, — музыку слушаете, Бони Эм. Слышь ты, гастролёр, за преклонение перед западом у нас, между прочим, десять лет дают!

Бог мой, что я плету, пронеслось в голове.

— Присоединяйся к нам, — совсем растерялась Надя-Нина.

— Жулики и воры — пять минут на сборы, — вырвалось случайно из меня, — значит так, до аэродрома дойдёшь пешком. И не забудь свой чемодан с веником! А то ведь я её знаю, она кулёма потом в Москву тебе этот гербарий привезёт. Что у вас там, в столице, веники для бани дефицит?

— Если вы любите женщину, вы должны доверять ей, — Лукашин-Высоцкий побледнел.

— Что ты мне доктор тут шлифуешь! Испортил мне свадебную, новогоднюю ночь! — я платочком промокнул свой лоб, — я уже можно сказать лимузин для церемонии заказал! Кольцо с бриллиантом и билеты в Париж! Да я тебя сейчас в окно выброшу!

Я ринулся на Высоцкого, лихорадочно вспоминая, кто кого по сценарию должен был победить.

— Только драки тут не хватало, а-а-а! — завизжала что есть силы Шацкая.

Мы с Володей обнялись, как два борца вольного стиля, я резко сделал ему подножку и мы с громким шумом грохнулись на пол.

— Ты что ополоумел, — прошептал Высоцкий, — это я тебе руку ломать должен, а не ты мне позвоночник.

Мы прокатились из одной части сцены в другую.

— А-а-а! — заорал я диким голосом, и расцепил наши объятия, — он мне руку сломал! Редиска!

— Проси у неё прощения, — Лукашин-Высоцкий вскочил и поставил свою ногу мне на спину.

— Почему это мы на "ты"? — у меня в голове снова всплыли забытые слова пьесы.

Наконец-то обругал я свою дырявую память. Шацкая с Высоцким облегчённо улыбнулись.

— Ты побеждённый! — обрадовался без всякого актёрского позёрства Володя.

* * *

— Какой у вас импульсивный Ипполит, — прошептал товарищ из министерства, — Хорошо, что ему руку сломали. Не будет в следующий раз людей из окон выбрасывать.

— Уволим, — согласилась директриса, — за хулиганство.

* * *

Когда Высоцкий заиграл на сцене «Я спросил у ясеня», на бедного Витюшу, без двух

минут члена союза писателей накатили старые забытые чувства к его космической Мэри, молоденькой медсестричке из Бурденко.

— Где моя любимая, Ты скажи, где скрылась, Знаешь, где она, — повторял он про себя красивые строчки, и слезы сами катились у него из глаз.

* * *

— Конец новогодней ночи, завтра наступит похмелье. Пустота. Самое интересное, что вы оба знаете, что я прав, — сказал я свои предпоследние слова в пьесе.

Сейчас осталось напомнить Володе про модуляцию в финале после первого куплета, а то Толик за кулисами сыграет одно, а Высоцкий другое. Ведь концовка запоминается больше всего!

— Куда ты идешь? Простудишься! — глаза Нины Шацкой говорили, вали уже со сцены, надоел.

— Может быть, я хочу... Простудиться и умереть, — я развернулся перед прихожей и неожиданно взял Высоцкого за грудки.

— Напоминаю, модуляция сразу после первого четверостишия, — прошептал ему я, — Мы ещё встретимся! — сказал я громко в зал, — на узкой дорожке!

И я, наконец, перестав мучить партнёров по спектаклю своей бездарной игрой, удалился за кулисы.

— Боже мой, как я устала! Какая сумасшедшая ночь. Он ведь сказал то, что мы сами не решаемся сказать друг другу, — с огромным облегчением произнесла Шевелёва-Шацкая.

— Ты с ума сошла. Опомнись, — «включил Гамлета» Высоцкий.

— Именно это со мной и происходит, — Нина села на стул, отвернувшись от Лукашина, — всё это похоже на помешательство, на безумие.

— Нет, это не безумие! Слышишь не безумие! — прохрипел Володя.

Общий свет на сцене погас и лишь луч одного прожектора высветил одухотворённое лицо поэта.

— А даже если и так, — Высоцкий пронзительно посмотрел в зал, — пусть это безумие, но это самое важное в жизни безумие!

Толик Маэстро за кулисами провёл по струнам своей электрогитары, взяв аккорд ля минор.

— И вспять безумцев не поворотить, Они уже согласны заплатить, — прочитал свои же ещё не сочинённые стихи Высоцкий, — Любой ценой — и жизнью бы рискнули, Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить Волшебную невидимую нить, Которую меж ними протянули...

Свет на сцене вновь зажгли и за спиной Лукашина-Высоцкого оказались, выстроившись в ряд, все участники постановки. Я с Наташей, Вадька, Лиза и Санька, который держал за руку Машу. Володя взял гитару, повесил её на плечо и запел хрипловатым голосом под аккомпанемент своего инструмента и соло партии на электрогитаре, которую исполнял за кулисами Толик.

— Только чувству, словно кораблю, Долго оставаться на плаву, Прежде чем узнать, что я люблю, То же, что дышу, или живу!

— Свежий ветер избранных пьянил, — после модуляции запели хором с поэтом и мы, остальные актёры, — С ног сбивал, из мёртвых воскрешал, Потому что, если не любил,

Значит, и не жил, и не дышал!

Последняя строчка песни «не жил и не дышал», вдруг молотом ударило меня прямо по мозгам. Я почувствовал невероятную слабость, пол под моими ногами вмиг провалился, и в глаза мне ударил непроглядный молочный туман.

Конец третьей книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net